

Роза Александрия

ПЛЕНЕННАЯ
ТЬМОЙ

Ауг и Персефона

Роза Александрия

Плененная тьмой

Серия «Аид и Персефона», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68044661

SelfPub; 2023

Аннотация

Родной отец отдал меня за долги незнакомцу. Взгляд его соткан из тьмы, а личность окутана тайной. Он – сама смерть. Его обходят стороной и боятся произносить его имя. Он всегда берет желаемое, не спрашивая. И теперь он захотел меня. Я боюсь его до дрожи в коленках, но чтобы спасти жизни дорогих мне людей, я буду вынуждена оставить свой дом. Я должна бежать как можно скорее, ведь иначе он выпьет мою жизнь капля за каплей. Но почему, чем дольше я остаюсь в его царстве, там больше мне хочется, чтобы он посмотрел на меня как на равную? Ведь мне необходимо найти способ спастись, а не возможность остаться. Читайте вторую часть "Пленный светом!"

Содержание

Первая часть	5
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	32
Глава 4	43
Глава 5	54
Глава 6	67
Глава 7	79
Глава 8	90
Глава 9	102
Глава 10	115
Глава 11	125
Глава 12	140
Глава 13	152
Глава 14	164
Глава 15	173
Глава 16	182
Глава 17	192
Глава 18	202
Глава 19	215
Глава 20	227
Глава 21	236
Глава 22	245

Глава 23	254
Глава 24	262
Эпилог	280

Роза Александрия

Плененная тьмой

Первая часть

«Плененная тьмой»

Пролог

– Пожалуйста, отпустите меня! Куда вы меня тащите? – кричу я, не веря в происходящее, как и в то, что я действительно под землей! Мамочки! Мне точно снится страшный сон. Сейчас ущипну себя и проснусь. Но боль от крепкого захвата поперек ребер не позволяет усомниться в реальности ситуации.

– Не кричи! – отвечает мужчина с квадратной челюстью. Таких экземпляров можно увидеть разве что в кино про мафию. Хоть он и одет в элегантный костюм, но от него за версту несет кровью и грязью уличных воров. – Хозяин просил быть с тобой поосторожнее, и мне бы не хотелось его расстраивать! Поэтому просто заткнись, пока я не припомнил тебе тот удар подносом!

Я больно закусываю губу, стараясь не расплакаться. Мне всего лишь хотелось спасти Молли, а теперь эти уроды делают со мной неизвестно что! Как же мама без меня? Ведь

вряд ли я смогу выбраться отсюда живой. От этих мыслей слезы брызгают из глаз, опаляя холодную кожу щек.

Мужчины приволакивают меня в просторный зал с гладким утоптаным полом и каменными стенами. Бросив меня на холодную землю, они молча удаляются. Я нахожу в себе силы подняться и осмотреться, но так и не понимаю, куда делись мои похитители. Вокруг нет ничего похожего на дверь или хотя бы окно. Я оказываюсь в огромном склепе, освещенном несколькими факелами. Мебели в этом странном помещении тоже нет, только одинокий стул из кованого железа возвышается в центре зала.

Я стучу зубами, продрогнув от холода. Страх не позволяет думать ясно, грозя перейти в панику и затопить мой разум темнотой. Как такое возможно? Нет, я понимаю, что это не простые люди, но чтобы земля разверзлась прямо под моими ногами, да посреди города?

Сажусь и натягиваю на колени грязную толстовку. Капюшон давно упал на плечи, и спутанные волосы обрамляют мое лицо, создавая вид безумной ведьмы. Я не знаю, сколько времени сижу так. Все это напоминает мне пытку. Чем больше я остаюсь в неизвестности, тем больше страха испытываю, в то время как наблюдающий за мной из темноты несомненно им упивается, словно целебным эликсиром.

Не в силах больше выдерживать это состояние, я вскакиваю и кричу:

– Кто ты? Покажись! Хватит меня мучить, черт тебя возь-

ми!

Впервые за всю жизнь я позволяю себе так грубо выразиться. Но это место странно на меня действует, каким-то образом открывая все потаенное в душе.

Меня окружает полнейшая тишина: ни ответа, ни какого-либо движения я не слышу. Но вдруг я чувствую на шее чье-то дыхание, пробирающее душу липким страхом.

– Ну здравствуйте, мисс Рейли... – шепчет незнакомец, и я резко оборачиваюсь. Передо мной стоит тот же мужчина из бара, взгляд которого еще долго преследовал меня в снах.

– Ты? Так это ты приказал меня похитить?

Смотрю в его глаза и чувствую, что тону. И в этом нет ничего романтического, о чем так любят писать в книгах. Этот взгляд буквально засасывает в воронку тьмы, из которой нет возврата.

Не без труда отвожу глаза и жду ответа. Незнакомец обходит меня по кругу, словно дикий зверь, и останавливается напротив.

– Да, дорогая, это я приказал!

Он ухмыляется и заправляет прядь моих волос за ухо. Я же отскакиваю от него, будто меня укусила ядовитая змея.

– Не смей ко мне прикасаться! Ты не имеешь никакого права!

– Ох, наивная моя девочка... Еще как имею! Ваш отец продал вас, и теперь это ваш дом. Привыкайте, ведь наверх вы больше не вернетесь. Теперь вы полностью моя, и только

я буду решать, что с вами делать!

Глава 1

Я выбегаю из восточной части кампуса Тринити колледжа и несусь через парк к широкой улице. Сумка постоянно падает с плеча и больно бьет по бедру острыми уголками книг, но у меня даже нет времени, чтобы ее поправить. Преподаватель, который ведет у нас право, любит задерживать занятия до победного конца. Из-за него я часто опаздывала на смену и подставляла Молли, заставляя ее работать дольше. И сегодня именно такой случай. Лоб покрывается испариной, а я все не прекращаю бежать. Я сворачиваю на главную улицу, где расположился паб. Остается пробежать еще десяток кварталов, чтобы достичь цели, но в боку колет и я вынужденно сбавляю темп. Я останавливаюсь и пытаюсь отдышаться. Вокруг снуют люди. Толпы туристов уже повыходили на вечерние прогулки, чтобы пропустить по паре бокалов пива в одном из многочисленных баров. Все они перемешиваются в общем оживленном потоке, заставляя чувствовать себя песчинкой в живом море. Джеймс Джойс в одной из своих многочисленных книг пишет, что это интересная задача – пересечь Дублин, не наткнувшись на паб. «Более шести сотен пабов в Дублине!» – гласят листовки, которые выдаются каждому туристу на любом углу. Я же считаю, что этот город намного интереснее, если не сосредотачивать мысли на веселье, а руки не заковывать в «ирландские наручники».

Я перекидываю надоевшую сумку через плечо и ковыляю к работе. Если верить наручным часам, я опаздываю уже на двадцать минут, а когда приду, будет уже все сорок, расстроено думаю я. Будь у меня собственный транспорт, добраться было бы куда быстрее. Но сейчас я считаю каждый евро, не позволяя себе лишних трат.

Пару лет назад мама сильно заболела. Ей пришлось уволиться из библиотеки, где она зарабатывала пусть немного, но достаточно, чтобы оплачивать счета и медицинскую страховку. Отец первое время помогал, пока они жили с мамой. Но его увлечение азартными играми вредило семейному бюджету сильнее, чем могла помочь его способность зарабатывать. В конце концов он ушел от нас, решив, по-видимому, что нам без него будет легче. Может, он и прав, но от этого осознания денег больше не становилось. Да, мне было нелегко, особенно когда приходилось брать смены одна за другой, а иногда готовиться к занятиям прямо на промасленной кухне паба. Но я не жаловалась. Пока у меня есть возможность учиться, не тратя все дни исключительно на работу, остается надежда на то, что, окончив колледж, я смогу найти действительно высокооплачиваемое занятие.

А пока я бегу по заполненной людьми Графтон-стрит, спеша на смену, мысли обо всем подряд занимают голову, не позволяя расслабиться.

Теперь все легло на мои плечи. И чтобы хоть как-то держаться на плаву и иметь возможность обеспечивать маму

нужными лекарствами, мне приходится работать в пабе с момента окончания занятий и до поздней ночи, не успевая даже поест и не имея ни минуты свободного времени. Вечер уже обозначил свои права, и высокие фонари, неоновые вывески и мигающие отовсюду рекламы пабов, из которых доносится разножанровая музыка, наполняют город особой атмосферой, которую я так люблю. Наверное, именно она привлекает все те толпы туристов, которых я вижу ежедневно.

Я вбегаю в паб в половине седьмого вечера. Массивная дубовая дверь приветливо открыта, впуская и выпуская посетителей, а музыка, разрывающая колонки, долетает до улицы, разнося по округе аккорды фолк-рока. Забежав за стойку, я машу Молли, которая обслуживает дальний столик, и приветливо ей улыбаюсь. Девушка замечает меня и с облегчением выдыхает. В ее взгляде явно читаются волнение и радость, оттого что не придется брать вторую смену, чтобы прикрыть мою опаздывающую задницу. Сегодня не слишком многолюдно, и у меня появляется надежда, что я смогу немного позаниматься учебой.

– Ох, Перси, я уж думала, ты не придешь! – сокрушенно вздыхает Молли, на ходу развязывая пестрый передник. Ее рыжеватые локоны выбились из пучка и нервно подрагивают при каждом движении хозяйки. Она устало плюхается на табурет и вытягивает стройные ноги.

– До чего же набегалась! Людей немного, но сегодня прямо день идиотов. Вот скажи мне, чтобы напиться до по-

росячьего визга, важно ли, с каким соусом будет картошка-фри? – подруга морщит веснушчатый носик и недовольно фыркает. – Один тип заставлял меня три раза менять его заказ, хотя я точно помню, *что* он требовал. Видимо, его смущало то, что я не записывала. Но ты же знаешь, на память мне жаловаться не приходится.

О да, я это знала. Память у Молли отменная. Она могла запоминать шестизначные числа, прокручивающиеся перед ней со скоростью света, и потом воспроизвести их с точностью робота Дейта.

– Ну, зная тебя, недолго ты терпела. Так что спрошу только вот что: сильно ли ругался Билли, когда узнал, что клиенту испортили рубашку? – хохочу я, завязывая свой передник на талии.

– Нет, Билли не узнал. Можно считать, сегодня мне повезло!

Молли встает и начинает собираться, а я, увидев новую парочку посетителей, приступаю к работе. К ночи, когда людей становится все больше, а моих сил все меньше, в паб заваливается пьяный мужчина. По пути задевая столики, плюхается на первое увиденное им свободное место и тут же бросает на меня взгляд. Я оглядываюсь в поисках Майка. Он обычно прохлаждается в углу паба, распивая очередную чашку кофе, и не спешит выпроваживать тех посетителей, которые начинают приставать к официанткам или крушить мебель. Сейчас же его вообще нет на своем месте, и я начи-

наю нервничать.

Пьяный мужчина разваливается на стуле и пренебрежительно махает мне рукой, всем своим видом показывая, насколько он недоволен. Я ощущаю себя скверно: словно сдаю экзамен по прикладной математике, зная, только что на ноль делить нельзя. Собрав волю в кулак, двигаюсь к нему и застываю перед его столиком, не отрывая взгляда от блокнота.

– Что будете заказывать? – безэмоционально спрашиваю я.

– О, значит ты уже будешь записывать? А я надеялся встретить ту самую тупицу, которая посчитала себя достаточно умной, чтобы запомнить заказ. Умная официантка? – скрипит он, а затем глупо ржет.

Я кривлюсь. Что за стереотипы?

– Что будете заказывать? – повторяю вопрос, не желая реагировать на его нападки.

– А ты другие слова знаешь? – Нагло интересуется мужчина и, не услышав ответа, недовольно бурчит: – Темное пиво и запеченные сырны палочки. Только, будь добра, хрустящие снаружи и мягкие внутри, но не сырые!

– Я передам ваши пожелания повару.

Черкнув в блокноте ругательное слово напротив заказа, я бегу к кухне. Майка все нет, и я раздраженно вздыхаю. Вот как тут работать?

Пока заказ мистера стереотипа готовится, я наливаю пиво и приношу запотевший стакан к его столику, стараясь

не встречаться с мужчиной взглядом. Затем возвращаюсь за барную стойку и смотрю на вход – еще один посетитель. На минуту время замирает. Кажется, что даже звон посуды и музыка перестают доходить до моих ушей. Движения каждого присутствующего в баре становятся плавными и тягучими, словно они завязли в желе. Я и сама чувствую себя мухой, прилипшей к липкой ленте. Тем временем вошедший двигается с нормальной скоростью, когда вокруг него творится что-то невообразимое. А что самое странное – кажется, этого никто не замечает, кроме меня. Вальяжно обходя столики, незнакомец не задевает их даже лапами своего длинного темного пальто.

Он садится в дальнем углу, сложив руки перед собой, и поднимает на меня свой темный изучающий взгляд. Я уверена, что, позови он сейчас меня к себе, я бы не смогла сделать и шагу, по крайней мере по своей воле. Странное липкое чувство страха вибрирует в груди тревожным эхом. Этот мужчина не похож на наглеца со стереотипами или на тех парней, которые учатся со мной в колледже. По правде говоря, он вообще мало на кого похож. Его живым коконом окутывает темнота. Помещение вдруг становится слишком тесным. Незнакомец не просто заполняет собой пространство – кажется, что весь бар буквально пропитан им. Если раньше здесь царил веселье, то теперь безраздельно властвует он. Мужчина долго смотрит прямо мне в глаза. Я думаю, пролетела целая вечность, хотя прошло от силы несколько ми-

нут, и, к моему ужасу, мужчина медленно кивает мне, словно разрешая подойти. Нет, он не зовет, а именно разрешает.

Может, усталость сыграла со мной такую шутку или же я опьянела от паров алкоголя, но я не могу отделаться от чувства, что качусь в пропасть на бешеной скорости, не имея возможности притормозить.

Я подхожу к его столику на негнущихся ногах и смотрю на незнакомца, не в силах отвести взгляд. Тонкая белая рубашка облегает его тело, открывая уголок смуглой кожи под не застегнутой верхней пуговицей. Пальто он снимать не стал, словно не собирался здесь задерживаться надолго, оно и верно. Пабы вроде нашего всегда были домом для рабочих мужиков с рыжей бородой и в клетчатых рубашках или студентов, решивших, что они достаточно взрослые, чтобы напиться вдрызг, запивая неудачи с девушками алкоголем. Все они вперемешку с отдыхающими туристами в модной одежде и теми, кто предпочитал спортивный стиль, всегда толпились именно в нашем пабе. Этому же мужчине больше подошел бы элитный ресторан где-нибудь в центре с видом на реку Лиффи. Здесь же он смотрится как диковинная птица в сельском курятнике.

– Что будете заказывать? – хрипло интересуюсь я, боясь ответить ему взглядом.

– Виски со льдом, – произносит незнакомец низким бархатным голосом, от которого у меня все волосы на теле становятся дыбом.

Да кто он такой? Почему мне кажется, что я готова потерять сознание прямо тут? Я с вызовом смотрю ему в глаза, пытаюсь собраться с мыслями. До закрытия бара остается всего лишь час. Мне просто нужно выдержать эту смену. И если еще недавно я думала, что главной моей проблемой является парень-стереотип, то этот посетитель со взглядом хищника заставляет меня изменить свое мнение.

– Какие предпочтения по виски? У нас есть...

– На ваш вкус, – обрывает он меня на полуслове, и я с облегчением выдыхаю. Каждая секунда возле него подвергает мою нервную систему немалому испытанию. Круто развернувшись на пятках, я несусь в направлении барной стойки.

Когда я отношу заказ молчаливому незнакомцу, меня окликают тот самый клиент с сырными палочками:

– Эй, ты! – заплетающимся языком голосит мужчина. – Поди-ка сюда!

Я внутренне съеживаюсь от такого отношения. Конечно же, я простая барменша-официантка, и ко мне можно относиться подобным образом. Но за свою недолгую жизнь я успела уяснить одну истину: судить человека нужно по тому, как он относится к людям ниже его по статусу. В этом его подлинное лицо, настоящее нутро. И этот индивид явно недополучил ни воспитания, ни элементарной этики.

– Чего желаете? – спрашиваю, закусив губу от злости.

– Повтори заказ!

– Сырные палочки и «Гиннесс»? – уточняю я.

– Ты насколько тупа, что не можешь запомнить то, что я заказывал? Ну так запиши в свой ободранный блокнот!

Я вспыхиваю от такой наглости и оглядываюсь на Майка в поисках поддержки. Но тот болтает по телефону и не обращает на разыгравшуюся сцену никакого внимания. Естественно, все знают меня как ту, которая сглаживает все острые углы сама. Вот если бы на моем месте сейчас стояла Молли, такое желанное пиво оказалось бы не в бокале, на столике у молодого человека, а на его голове. И Майк бы не трепался, беззаботно помахивая ногой, а уже наострил бы уши в сторону назревающего конфликта.

Но я лишь покорно киваю и иду к кухне. Передав повару заказ, я облакачиваюсь на барную стойку и, подперев подбородок кулаком, грустно вздыхаю. Сколько мы уже с Молли просим нанять еще одну официантку или, на худой конец, бармена, но Билли каждый раз отмахивается. Он не хочет расширять штат в надежде сберечь свой бюджет, совершенно не заботясь о тех, кто перерабатывает дневную норму. Неудивительно, что меня так быстро приняли на работу. Здесь мало кто горит желанием работать и мало кто задерживается надолго.

Я поправляю тугой узел волос, от которого безумно болит голова. Вот еще один минус этой работы – неудобная прическа. Молли могла собрать резинкой легкие, выющиеся до плеч волосы и забыть о них. Мои же тяжелые космы, достающие до талии, в собранном виде ощущаются как маленький

вагон осмия. К концу дня я всегда расплетала надоевший пучок и в прямом смысле слова стонала от удовольствия.

Я смотрю на часы: до конца смены остается совсем ничего. Да и кому какое дело, в каком виде я закрою бар? Все напились и стали потихоньку расходиться, так что я немедленно стягиваю резинку и распускаю светлые волны волос по плечам. Блаженство на минуту затапливает мой разум, и толпы мурашек бегут по голове, создавая неопишуемое ощущение легкости. Но вдруг я ощущаю на себе чей-то тяжелый взгляд.

Открыв глаза, я вижу все того же незнакомца, в длинных пальцах которого покачивается стакан с виски. Его темный взгляд прожигает меня насквозь, и простое движение волосами кажется мне самым распутным, что я когда-либо делала. Мы смотрим друг на друга бесконечно долгие несколько секунд, пока за спиной у меня не звякает колокольчик из кухни. Заказ из сырных палочек для мистера хама готов. Я подхватываю тарелку и несусь к столику, стараясь выкинуть из головы мысли о черных глазах, нагло вперившихся в меня, словно в свою собственность.

– Чего так долго? Я что, должен до зимы ждать? – парень еле ворочает языком, и мне хочется сказать, что ему давно пора не сырны палочки по барам жевать, а сладко спать в своей кровати, но удержавшись, я лишь тихо роняю:

– Через двадцать минут бар закрывается, если вы не успеете доест, мы всегда можем собрать вам все с собой! Приятного аппетита!

Разворачиваюсь, но тот хватает меня за руку, не позволив сделать и шагу.

– Что ты сказала?! – гремит он над моим ухом. – Я сам решу, когда уходить, поняла?

Я не без труда вырываю руку из его захвата и потираю кожу, на которой, скорее всего, завтра будет синяк. Оглядываюсь в поисках Майка, но тот, видимо, решил укоротить себе рабочую смену и, скорее всего, свалил домой.

– На меня смотри, когда с тобой разговаривают! – парень грубо хватает меня за подбородок и разворачивает к себе.

– Отпусти! – кричу я, на что слышу лишь едкий смех.

Глава 2

Вдруг воздух сгущается и снова возвращается чувство тягучести происходящего. Хам этого не замечает и продолжает ухмыляться.словно в замедленной съемке, он поднимает руку в попытке меня ударить.

Вскрикиваю, но мой возглас тонет в белом шуме. Я могу тысячу раз увернуться за то время, пока рука мужчины приближается к моему лицу, но почему-то застываю, пытаюсь прогнать из головы парализующий туман. Чувствуя, как все мышцы напрягаются, будто пружины, начинаю понимать, что нужно что-то делать, а не стоять и таращиться. И как только я собираюсь отпрянуть, время полностью останавливается, обездвиживая даже меня. Мистер хам застывает, будто каменное изваяние, а я чувствую сковывающий холод. Тело меня не слушается, но с большим усилием я могу немного отвести взгляд в сторону, где вижу ухмыляющегося незнакомца.

– Этот мужчина больше тебе не помешает! – говорит он.

Вместе с его голосом все вокруг меркнет, а я прихожу в себя, лишь когда бар полностью становится пустым. Согласно настенным часам, с момента начала всей этой ситуации прошло не больше пятнадцати минут, так почему же я стою одна посреди пустого зала и удивленно хлопаю глазами?

Возвращаться домой приходится глубоко за полночь. Я

позволяю себе взять такси, ведь после того, как мистер хам ушел, на столе красовалась кругленькая сумма чаевых. Хоть какое-то утешение от этого странного дня и безумного вечера, события которого до сих пор не укладываются в моей голове.

Мы живем на окраине города, в маленькой квартирке на втором этаже пятиэтажного дома. Внизу, прямо под нами, располагается булочная, где я часто перехватываю кофе и пару пончиков перед учебой, когда не успеваю позавтракать дома. Иногда я прибегаю с работы, чтобы только успеть переодеться и поцеловать маму, ведь нужно снова бежать на учебу, где меня могло сморить прямо на лекции. Все это идет в ущерб колледжу именно поэтому я и не люблю ночные смены. А еще из-за темноты, по которой приходится возвращаться домой. Я не люблю ночь. Не люблю темноту и тишину пустынных улиц. И если центральная часть города не засыпает даже до первых лучей рассвета, освещая путь яркими огнями вывесок, то район, где живем мы с мамой, утопает во тьме сразу после захода солнца. Сегодня же, приехав на такси домой, я получаю возможность выспаться получше, чему несказанно рада.

Я захожу в тихую квартиру и ставлю сумку на пол. Прокравшись к своей комнатке, останавливаюсь у маминой двери и прислушиваюсь. Это уже привычный для меня ритуал. Услышав ровное сопение, я с облегчением выдыхаю и захожу к себе.

Запах моих любимой сирени, источаемый ароматическими свечами, тонким шлейфом окутывает мое уставшее тело. Сбросив одежду, я иду в душ, наскоро смываю с себя прожитый день и валюсь спать.

Утро приносит лишь головную боль и чувство, будто меня переехали бульдозером. Вяло поднявшись с кровати, я заворачиваюсь в розовый плед и смотрю в окно. Крупные капли дождя хлещут по стеклу, оставляя кривые линии осени. Прибившийся мокрый лист медленно сползает по ту сторону прозрачной перегородки, погружая меня в еще большее уныние.

Осень в Дублине мало чем отличается от лета. Дождь всегда был нашим постоянным спутником, и если день выдался погожий, то его можно смело причислять к народным праздникам Ирландии. Сегодня праздника явно ждать не приходится, да и еще странное тянущее чувство приближающейся опасности не дает глубоко вдохнуть.

Я нехотя одеваюсь и выхожу на кухню. Толстый шерстяной свитер с высоким горлом неприятно покалывает кожу, но должен уберечь от непогоды. Натянув рукава на озябшие кисти, я целую маму в щеку и сажусь на высокий стул.

– Будешь блинчики? – интересуется она, ласково улынувшись.

– Нет, извини, только кофе и побегу на учебу.

– Ну вот, мои блинчики не ешь, но я уверена, что по дороге обязательно забежишь к старой Эбигейл за ее пончика-

ми в сахарной глазури, – со смешком бурчит мама и садится напротив. – Я не слышала, как ты вчера вернулась. Видимо, дождь отнял все силы и я опять уснула.

– Поздно пришла? – спрашивает мама. Вид у нее уставший, но вполне здоровый.

– Не слишком. Вчера оставили хорошие чаевые и я позволила себе такси.

– Это правильно! И так уже выглядишь как мумия. Того и гляди в обморок свалишься от недосыпания. Перси, может, бросишь работу? – выдохнув, грустно тянет мама.

– А жить мы на что будем? Не говори ерунды, ма! Все, я пошла, пока!

Подхватываюсь и, допив одним глотком остатки кофе, бегу вниз. Мама оказалась права: я не удерживаюсь и захожу в кофейню к Эбигейл. Женщина выносит мне капучино и пару пончиков. Справившись о здоровье матери, она желает мне хорошего дня.

Я хватаю свой заказ и выбегаю на улицу. Свежий осенний ветер развеивает мои распущенные волосы, утяжеляя их влагой. Листья приятно шуршат под тяжелыми ботинками, а дождь превращается в унылую дымку. Осень, конечно, красивая, но я больше люблю весну. В октябре все пропитано духом увядающей природы, а грусть, сквозящая в воздухе, едва ли может создать тот уют, о котором трубят заголовки книжных витрин.

Но с чем трудно спорить, так это с тем, как красиво Дуб-

лин встречает эту пору года. В октябре все улицы и дома, деревья в парках и витрины магазинов превращаются в один милый кошмар с кучей паутины, тыкв и привидений. Это месяц, когда все ирландцы готовятся отмечать Самайн. Этот кельтский праздник берет свое начало еще со времен, когда люди верили в единорогов, ведьм и, конечно же, лепреконов. Маленьких вредных созданий, припрятывающих в своих норах горшочки с золотом. Считается, что в ночь на первое ноября ткань миров истончается и на свет выбирается вся нечисть. Не знаю, насколько я верила в подобное, если верила вообще, но уж точно не рискнула бы выйти после полуночи на улицу. Если на меня не нападет какое-то привидение, то был немалый шанс оказаться убитой где-нибудь в водосточной канаве, послужив развлечением для других монстров. Хорошо, что в этот день, точнее ночь, будет не моя смена. Не хотелось бы возвращаться домой, встречая на пути горящие глаза искусственных привидений. Да, в свои двадцать я все еще была трусихой и, бывало, даже оставляла включенным свет у кровати, за что в свое время получала от папы нагоняй. Ну, до того как он ушел... Сейчас, после всего, что мне довелось пережить, я боюсь только одного – вовремя не заплатить за мамино лечение.

Я запикиваю в себя один пончик, как раз когда подъезжает автобус. Обрадовавшись такой удаче, доедаю оставшееся лакомство по пути на учебу и, выскочив из транспорта, закидываю пустой стаканчик в урну. Сахар в тандеме с ко-

феином бодрит и прибавляет настроения. По дороге в кампус мне встречаются Мелисса и Дейзи. Нельзя назвать нас лучшими подругами, но мы довольно хорошо общаемся. Мы учимся на одном потоке и часто помогаем друг другу с лабораторными.

– О, Перси! Ты пришла? Сегодня так ветрено, что мы думали, тебя принесет не раньше лекции Беннета, – говорит Дейзи, хохотнув.

Я отвечаю ей улыбкой и перевожу взгляд на молчаливую Мелису. Трудно было представить более разных людей, чем эти двое. Вечная хохотушка Дейзи никогда не упускала шанса над кем-нибудь пошутить. Ей бы этого не прощали, если бы она так же умело не шутила и над собой. Люди не любят саркастических задир, но у девушки получалось так заразительно смеяться над своими недостатками, что никто не видел в ее шутках злого умысла. Мелиса же всегда была будто бы чем-то обижена. Вечно нахмуренные брови создавали небольшую складку на лбу, что очень портило действительно симпатичное лицо девушки.

– Сегодня мне сопутствовал ветер, подгоняя в спину, поэтому удалось добраться пораньше. Пойдемте? Скоро начинаются лекции... – последнюю фразу я произношу более протяжно, и девушки кивают, подмечая мое недовольство.

– Перси, ну ты как всегда! Тебе не скучно быть такой занудой? – Дейзи стреляет в меня взглядом.

– Если б я не была занудой, то вряд ли бы здесь училась.

– И то правда! – соглашается девушка, когда мы заходим в помещение.

Лекции проходят в обычном режиме, но дурное предчувствие, преследовавшее меня с утра, достигает своего апогея к обеду. Идет пара философии, когда в аудиторию заглядывает человек в форме.

– Я детектив Дэниел О’Хьюз, могу я поговорить с Персефой Рейли? – звучный бас разносится по всему помещению.

– Да, конечно! Перси, можешь быть свободна! – пожилая преподавательница махает рукой, даже не взглянув на меня, как будто у нее с каждой лекции уводят учеников в участок «Гарды».

– Отлично... – шепчу я, собирая сумку.

Выходя из аудитории, я чувствую на себе десятки пар глаз, уставившихся мне в спину. Словно меня не на беседу вызвали, а признали виновной в убийстве соседей и их маленького пуделя.

Мы с инспектором выходим в коридор, и он без предисловий спрашивает:

– Мисс Рейли, где вам будет удобно вести беседу, здесь или в участке?

– Здесь! – не раздумывая отвечаю я. Кому же по доброй воле захочется пересекать студенческий парк в сопровождении представителя «Гарды»?

– Отлично, присядем тогда? – он указывает на узкую ска-

мью возле лестницы и, дождавшись, когда я сяду, продолжает: – Я не отниму у вас много времени. Мне только нужно знать, где вы были вчера примерно с двух до четырех ночи?

– В два часа я закрыла бар, в котором работаю, и отправилась домой, – отвечаю я, не понимая, к чему клонит мужчина.

– Правильно ли я понимаю, вы работаете в баре «Форест Джонс»?

– Да, там. А что случилось?

– Вчера ночью, предположительно в это время, был убит мужчина. Последний раз его видели выходящим из вашего бара, – сухо отвечает инспектор. – Вы не припоминаете ничего странного?

Меня обдает волной жара. Я пытаюсь собраться и спокойно отвечаю:

– У нас много вчера было посетителей. И практически все мужчины. Но ничего странного я не заметила.

Инспектор роется в своей папке и достает оттуда фото.

– Этот мужчина вчера был в вашем баре? Вам знакомо его лицо?

Когда передо мной оказывается фото парня-стереотипа, внутри что-то обрывается. Я в страхе замираю, и это не укрывается от зоркого глаза детектива.

– Расскажите мне, мисс Рейли, не заметили ли вы чего-нибудь странного в его поведении? Может, он ссорился с кем-то во время его пребывания в вашем баре? – вопрос звучит

холодно и безэмоционально, словно заученная речь, но я угадываю в тоне детектива напускное спокойствие.

Мне не хочется рассказывать о том странном мужчине, который утихомирил наглеца. Казалось, что даже если меня посадят в тюрьму за укрывание преступника, то это будет сущей мелочью по сравнению с тем, что будет, если я сдам незнакомца. Вряд ли он следует хоть каким-то законам. У таких, как он, есть собственные законы. И собственные методы расправы.

Меня заметно трясет, но я все же стараюсь ответить:

– Да, он ссорился! Этот мужчина пришел в наш бар уже в нетрезвом состоянии. Он начал задирать посетителей, оскорблять меня и в целом вел себя довольно вызывающе. Но из бара он ушел один. Не удивлюсь, если сразу же после ухода он нахамил каким-то другим людям, которые его и прирезали...

– С чего вы взяли, что его зарезали, мисс? – офицер прищуривается, а я прикусываю себе язык за болтливость. А если и правда я угадала причину смерти? Что тогда, я главная подозреваемая? Проклятье, вот же будущий юрист! Никогда не умела врать, нечего и начинать.

– Нет, сэръ, я не знаю, я просто предположила, – мямлю я, понимая, что сама себе копаю яму все глубже. – Так его зарезали?

Офицер улыбается одним уголком губ.

– Нет, мисс, не переживайте! Причина смерти в другом.

– И в чем же? – с облегчением выдыхаю я.

– Мы не вправе разглашать эту информацию. Спасибо за содействие. Если что-то вспомните, позвоните по этому номеру, – мужчина сует в мои трясущиеся руки визитку и встает.

– Хотя я и не должен говорить, но, мисс, если вы что-то знаете... не медлите, расскажите! Это не первая подобная смерть. Сначала мы думали, что это какая-то болезнь, но теперь понимаем, что не могут совершенно здоровые люди ни с того ни с сего умирать посреди улицы. Они все полностью истощены, у них не осталось жизненных сил, – голос офицера наполняется мрачными нотками: – Они буквально умирают от истощения, понимаете?

– Тогда почему вы считаете, что это убийство? – выдавливаю я из себя.

– Все эти случаи происходят исключительно ночью, да к тому же... – мужчина словно специально выдерживает паузу, чтобы еще больше заставить меня нервничать, – на телах всех жертв есть следы сопротивления. Я это вам говорю только для того, мисс, чтобы вы поняли всю серьезность ситуации и по возможности посодействовали следствию.

Он запахивает пальто и выходит на улицу не оглядываясь. А я еще несколько минут сижу и трясусь. То ли от холода, то ли от страха. Неужели тот незнакомец с прожигающим взглядом – действительно убийца? Однозначно да. И стоит ли рассказывать о нем «Гарде»? Однозначно нет. Даже если

б я решилась на это, то что бы я сказала? Я сама не поняла, что вчера произошло! Почему остановилось время и каким образом вышло так, что я не помню последние пятнадцать минут перед закрытием бара? Как минимум меня бы сочли сумасшедшей.

Я смотрю на наручные часы и решаю больше не возвращаться на занятия. Все равно до окончания лекции остается чуть больше получаса. Ничего нового я не узнала бы, а вот отвечать на вопросы подруг о том, чего от меня хотел детектив, пришлось бы. А мне совсем этого не хочется. Поэтому я натягиваю рукава свитера на озябшие пальцы, подхватываю сумку и выхожу на улицу. Дождя нет, но сизая дымка оседает влагой на волосах и одежде, то и дело вызывая приступы озноба.

Я решаю прогуляться до дома и обдумать все то, что сказал офицер. Если убийства происходят исключительно ночью, значит, сейчас мне можно не бояться. Стойкое ощущение, что незнакомец вернется за мной, не покидает ни на миг. Я осматриваюсь по сторонам, но не вижу ничего странного. Моя паранойя играет со мной злую шутку. Мне кажется, что за мной следят, но, кроме редких прохожих, занятых своими делами, я никого не встречаю. Уже подходя к дому, я вдруг осознаю, что, оглядываясь, я всю дорогу мельком видела один и тот же автомобиль. Черный неприметный седан с полностью тонированными стеклами, скрывающими хозяина машины, ехал за мной, не увеличивая скорости. Я рез-

ко оглядываюсь, но улица пустынна. Ветер гоняет лишь обрывки газет и листья, прохожих и вовсе нет. Но почему я чувствую на себе чужой взгляд? Тот, который прожигает насквозь, заставляя дрожать от ужаса.

Глава 3

В течение следующих нескольких дней после этих странных событий, я продолжаю нервно оглядываться по сторонам каждый раз, когда остаюсь в одиночестве. Паранойя никак не хочет отпускать мое сознание ни на миг. Ночами я просыпаюсь в холодном поту. Мне снятся черные глаза. Они гипнотизируют и зовут за собой, а я пытаюсь бежать. Но куда бы я ни свернула, неизменно наталкиваюсь на хищный взгляд незнакомого мужчины из бара. Он мучает меня и прекрасно об этом знает. Он, словно зверолов, размеренно и методично загоняет свою добычу в клетку. И когда я думаю, что смогла наконец-то убежать, теряясь в темных переулках города, земля подо мной проваливается и я лечу в ад, прямо демонам в руки.

Незнакомец истязает меня не одну ночь, и я уверена, эти сны являются не просто снами – он специально сводит меня с ума. Я практически перестаю спать, и даже мама замечает неладное.

– Перси, что с тобой происходит? Ты сама не своя последнее время. У тебя проблемы? – однажды спрашивает мама, наливая мне кофе в высокую чашку.

Утро снова выдается пасмурным, а в небе за большим кухонным окном собирается дождь. Вздрыгнув то ли от холода, то ли от воспоминаний о сне, я качаю головой.

– Нет, все отлично, просто соскучилась по солнцу, – быстро отвечаю и перевожу тему: – Ты как? Выпила таблетки?

– Ох, точно, забыла! – сокрушенно говорит мама и медленно поднимается со стула.

Я замечаю, как ее расстраивает эта постоянная забывчивость.

Доктор сказал, что при ее болезни такое возможно, и назначил таблетки для улучшения памяти, которые она, опять же, забывала пить. В мои обязанности входит вовремя напомнить ей о них, иначе может случиться так, что мама забудет выключить плиту или не найдет дорогу домой из магазина.

– Хорошо, тогда я пойду! Сегодня смена, рано не жди!

Я целую маму в щеку, хватаю сумку и бегу вниз. Заскочить к Эбигейл я сегодня не успеваю. Увидев ее, выглядывающую из окна кофейни, я машу рукой в знак приветствия и лечу на учебу.

Чуть не опоздав на автобус, я впрыгиваю в салон и оглядываюсь. Неприметный черный автомобиль останавливается позади, прямо за стеклом у последних пассажирских сидений. Но как только мы отъезжаем, исчезает в дорожном потоке, сопровождаемый визгом шин. Осознание сваливается на голову пыльным мешком: это же тот самый автомобиль, замеченный мной после случая в баре! Я снова вздрагиваю, понимая, что это не может быть простым совпадением. За мной явно следят, но для чего? Может, сходить в «Гарду»

и сказать об этом офицеру? Но что, если за мной наблюдают как раз для того, чтобы убедиться, что я никому не сболтну лишнего? Или они стерегут единственного свидетеля? Если так, то им легче было бы меня просто убить. От этой мысли все волоски на теле становятся дыбом. Ну что я за неудачница? Никуда не выхожу, только дом, работа и колледж, но и тут умудряюсь влипнуть. Если это будет продолжаться, придется рассказать об этом маме, офицеру, да кому угодно, но ждать неприятностей я тоже не стану.

Целый день я не могу взять себя в руки. Мои мысли то и дело переключаются либо на те пугающие сны, либо на странную машину, явно преследовавшую меня. Из-за этого я отвечаю невпопад, не успеваю записывать лекции и подолгу смотрю в одну точку, игнорируя вопросы преподавателей. Девчонки поглядывают на меня с подозрением, но стараются не лезть с расспросами, за что я им очень благодарна. К концу занятий я настолько себя накручиваю, что, выйдя из кампуса, шарахаюсь от каждой черной машины.

Снова начинается дождь, и я, прикрывая голову сумкой, бегу к бару. Вода стекает по волосам, превращая меня в чучело похлеще тех, которые болтаются на ветках деревьев в парке, чтобы пугать прохожих и создавать антураж к Хэллоуину. Ботинки промокают, а джинсы неприятно прилипают к ногам. Я пробираюсь к пабу, лавируя между спешащими прохожими. Мне уже становится видна наша вывеска, блекло мигающая в пелене дождя, когда я останавливаюсь, про-

пуская машину, чтобы перебежать дорогу. Но эта машина не собирается проезжать. Если бы не дождь, значительно ухудшающий обзор, я бы бежала со всех ног, лишь увидев ее издалека, но черный седан перерезает мне путь и тормозит у самих ног.

Из машины неторопливо выходят двое мужчин, и я сразу понимаю, что явились они по мою душу. Оценив ситуацию, я в ту же секунду мчусь к бару, оставляя их позади. Разбрызгивая лужи и уже не заботясь о прическе, я забегаю в паб. Сразу отыскиваю глазами Молли и лечу к ней, не обращая внимания на ошалевших посетителей.

– Что с тобой, Перси? – удивляется она.

– Некогда объяснять, Молли, спрячь меня, они пришли за мной!

Паника накрывает с головой, и я оглядываюсь на вход.

– Кто пришел? Ты о чем? – не понимает подруга, следя за моим взглядом.

Короткостриженные, высокие, в деловых костюмах, они приближаются к бару, не спеша переходя дорогу. И вот на пороге показываются двое мужчин, которых можно было назвать не иначе как машинами для убийств. Я застываю, словно каменное изваяние, крепко вцепившись в руку Молли. Ногти впиваются в нежную кожу, но, к моему удивлению, девушка никак не реагирует.

Я смотрю на нее и заторможено говорю:

– Извини, я нечаянно...

Но мне никто не отвечает.

Я оборачиваюсь, и тогда до меня доходит – все вокруг снова застыли так же, как было, когда приходил тот незнакомец. Значит, он точно за мной следит. А теперь ему надоело это бессмысленное занятие и он решает избавиться от единственного свидетеля.

Я стараюсь не двигаться, чтобы не выдать себя раньше времени. Спасает то, что мы стоим у дальней стены, а перед нами находится много посетителей. Из-за дождя в бар набилось очень много народу, и у меня остается надежда, что они уйдут, не увидев меня. Глупо, но что мне остается делать?

Кошусь на ближайший столик, но ни ножа, ни даже вилки, чтобы защитить себя, не вижу. Поэтому, не придумав ничего лучше, ныряю под столик, скрываясь за узорчатой скатертью. Мужчины переступают порог, останавливаются у входа и неспешно окидывают взглядом помещение. Я молюсь, чтобы они не заметили меня. Выглядывая в узенькую щелочку между краями скатерти, я стараюсь даже не дышать, но мне кажется, что стук сердца, отдающийся в ушах, слышен даже на улице.

Тем временем мужчины двигаются дальше, цепко осматривая каждого посетителя. Они метают взгляды в каждого, словно острые ножи, а их дыхание, точно как у того незнакомца, наполнено тьмой. Но вся та мрачная сила, исходящая от них двоих, не идет ни в какое сравнение с ощущением от взгляда незнакомца на меня в ту ночь.

Пока мужчины медленно продвигаются по бару, я могу лучше рассмотреть их. Первым идет высокий парень в черном костюме, глаза у него серые как сталь, но темнота окружает его траурным ореолом. Квадратная челюсть и тонкий нос создают странный контраст, отчего по коже бегут мурашки. Он выглядит как смесь убийцы и психопата. За ним шагает второй – на полголовы ниже. В таком же элегантном костюме, которым ни на миг не мог меня обмануть. Я подкоркой чувствую, что передо мной настоящие душегубы, а не джентльмены со светского раута.

Первый из них подходит к парню в клетчатой рубашке. Студент застыл в странной позе. Остановка времени наступила его, когда он нес бокал пива, и в тот момент, когда время замерло, как раз огибал парочку девушек, задорно им подмигивая. Преследователь заносит руку над головой студента, легонько прикасается к рыжим волосам и закрывает глаза. На лице его появляется блаженная улыбка, а от парня в этот момент тянется свет. Он, словно вода в сухой песок, вливается в темноту глаз незнакомца. И чем дольше это продолжается, тем серее и старше становится лицо студента.

Я прикрываю рукой рот, чтобы не вскрикнуть. Даже мне понятно, он его убивает! Так вот что произошло с тем мистером хамом? Его выпили эти двое – или же их хозяин? – но суть одна. Эти неизвестные чудовища питаются жизненной силой! За несколько секунд молодой парень превращается в чахлого старика. Это, судя по всему, приносит сильнейшее

удовольствие наемнику, в которого стекается свет студента. Я стараюсь дышать через нос, но тошнота накатывает с каждым мгновением все сильнее. Что это за твари такие? Как они могут так поступать?

Второй наемник подходит к другу и безжизненно произносит:

– Босавин, оставь его. Здесь полно света, не обязательно черпать все из одного. Хозяин нам этого не простит.

Босавин нехотя убирает руку и недовольно оглядывается:

– Ты прав, Гадриель, но тебе ли не знать, как приятно допивать последние капли света! Видеть, как жизнь покидает некогда молодое и сильное тело! Но так и есть, здесь есть еще чем поживиться! – Ехидная ухмылка трогает тонкие губы мужчины. – И раз мы на земле, я не упущу эту возможность. Неизвестно, сколько хозяин будет держать нас впроголодь.

Они идут дальше, выпивая понемногу света из других посетителей, предпочитая молодых и здоровых. После каждого их прикосновения лица людей приобретают серость и усталость, а в глазах пропадает блеск и задор. Не удивлюсь, если они впадут в сильнейшую депрессию после этого, не найдя причины своему странному состоянию. Да и вряд ли какой-либо врач сможет им помочь. Но все это не идет ни в какое сравнение с тем, что Босавин сотворил с бедным студентом. Что это вообще за существа? Как такое возможно, да еще и посреди бела дня?

Мне хочется остановить это, сделать хоть что-нибудь, но я понимаю, что они только и ждут, когда я выдам себя. Да и реального вреда я им не нанесу. Поэтому я продолжаю следить за ними, судорожно пытаюсь сообразить, что могу предпринять в этой ситуации. Движения мужчин четкие, но не резкие. Они плавно двигаются от одного человека к другому и точно знают, что делают. Уроды получают от этого колоссальное удовольствие, упиваются своей властью и свободой, данной им их хозяином.

Я понимаю, что мне осталось недолго. Они пришли за мной явно не для того, чтобы разговаривать. И в подтверждение моих догадок один из них шипит:

– Ты слышишь? Она точно где-то здесь! Ее свет такой вкусный, что ни с чем не спутать! Но слишком большое количество людей мешает сосредоточиться! Теперь понимаю, почему хозяин послал за ней.

– Я и сам бы не отказался от такого лакомого кусочка! – зловеще хохочет второй, и они останавливаются напротив столика, под которым я прячусь. Скатерть скрывает меня, но маленькая щелочка между ее краями позволяет видеть все, что происходит. Всматриваясь в застывшее лицо Молли, Босавин прищуривается и заносит руку над ее головой, но Гадриель перехватывает мужчину.

– Остановись, ты и так видишь, что ей недолго осталось! Твое прикосновение, даже незначительное, убьет ее прямо здесь. Хочешь проблем – пожалуйста! Только без меня!

Что значит недолго? Это они про Молли? Но она же здорова и молода! Или они видят то, чего я не могу? Я знаю, что мне в связи с ситуацией тоже немного осталось, но волнение за подругу становится сильнее, чем за саму себя.

Плавный поворот головы Босавина и змеиное шипение дают понять, что он не согласен. Схватив Гадриеля за шею, он рычит:

– Не смей диктовать мне условия! Я сам знаю правила, и не тебе о них напоминать! – он ослабляет хватку и принимает. – Мы скоро найдем девчонку, я чувствую ее, а до этого я хочу воспользоваться свободой по полной! Так что или убирайся, или заткнись!

– Я понял, отпусти! – хрипит Гадриель, отступая.

Для взвешенного решения у меня слишком мало времени. Когда рука Босавина тянется к Молли, я выскакиваю из-под стола, выхватываю из рук подруги железный поднос и со всей силы врезаю мужчине по лицу. Он явно не ожидал этого, поэтому не успевает среагировать. Удар приходится прямо по щеке, от чего его голова запрокидывается назад. Его напарник или не успевает сориентироваться, или не знает, что делать, но я пользуюсь их заминкой и с размаху даю ему ботинком между ног. Я не умею драться и, по правде говоря, никогда этого не делала, но адреналин, циркулирующий в крови, высвобождает какую-то скрытую часть моего «я».

– Только тронь ее, урод! – кричу я, сама не зная, кому из них адресовала угрозу.

Босавин держится за щеку и, увидев скорченного Гадриеля, не к месту смеется:

– Вот оно как оказывается! На земле можно получить не только вкусную энергию, но еще и по морде! – Он переводит взгляд на меня, и улыбка его резко исчезает: – Беги!

Я не жду второго шанса, чтобы сбежать, и просто срываюсь с места на немыслимой скорости. Не заботясь о том, что задеваю застывших посетителей, я несусь к выходу, раскидывая мешающих по сторонам, словно восковые фигурки. Мужчины практически догоняют меня, но удача поворачивается ко мне лицом, точнее бампером такси, на который я налетаю. Какофония звуков на миг дезориентирует меня, давая понять, что на улице время шло как обычно. Не останавливаясь, я запрыгиваю в машину и кричу водителю, чтобы немедленно трогался. Захлопывая за собой дверь, я чуть не отрубаю пальцы одному из преследователей.

– Сука! – доносится до меня, но мы уже вихрем летим по улицам Дублина. Водитель так виртуозно лавирует между машинами, будто бы каждый день уходит от погонь, а может, ему просто безумно скучно; или пожалел юную девушку, которая явно попала в беду. В любом случае, узнавать мне некогда. Прошу высадить меня на Темпл Бар Дистрикт. Оглянувшись, я не вижу в потоке машин черного седана, затем, быстро расплатившись с удивленным водителем, выбегаю из машины.

– Девушка, может, вам нужна помощь? – звучит приглу-

шенный расстоянием вопрос встревоженного таксиста, но я уже мчусь вниз по улице.

Через пару кварталов запрыгиваю в автобус. Покружив по городу еще около часа, убеждаюсь в отсутствии слезки. Домой я попадаю под вечер, ужасно уставшая, голодная и испуганная. Мама дремлет на маленьком диванчике в гостиной, и я, прокравшись в свою комнату, обессиленно падаю на кровать. Крупные слезы обжигают мои щеки, а подушка впитывает громкий, отчаянный всхлип. Не знаю, как долго я плачу, но вскоре, так и не сняв грязную одежду, заворачиваюсь в теплый плед и засыпаю.

Глава 4

Мое пробуждение похоже на предпоследний круг ада. Почему предпоследний? Да потому что, когда я встаю, ощущаю себя на последнем. Голова дико раскалывается на мелкие неравные части, тело ноет, как после кардиотренировки, во рту пересохло. Я подхожу к зеркалу и ною в голос. Вчерашний не смытый дождем макияж размазался слезами по щекам и засох черными потеками по лицу. Веки опухли после ночной истерики и беспокойного сна. Светлые волосы спутались и висят по обе стороны помятого лица длинными взлохмаченными прядями.

Да уж, ну и видок!

В голове начинают возникать картинки вчерашних событий, и я вдруг понимаю, что мой потрепанный вид – совершенно ничтожная проблема по сравнению с тем, что меня ждет. А если эти мужчины, которые вчера меня преследовали, все же выяснили, где я живу? Что, если они придут сюда? Если кому-то из них вдруг захочется выпить мою маму? У нее и так жизненная энергия на исходе...

Кожа головы вмиг холодеет от ужаса. А что, если действительно узнали? Я даже не могу обратиться за помощью, ведь меня либо сочтут сумасшедшей, либо попросту не смогут помочь. Мои преследователи не совсем люди, а потому обычному человеку спастись от них невозможно. Так что же

делать?

От этих вопросов голова начинает болеть еще больше. Я накидываю на плечи вязаную кофту и выхожу в гостиную. Мама уже не спит, она сидит на диване и, поджав под себя ноги, читает книгу. Тусклые каштановые волосы собраны в небрежный пучок на затылке. Услышав, что я зашла, она поднимает на меня радостный взгляд, но тут же мрачнеет:

– Что с тобой, дочка?

– Все хорошо! – дергано отвечаю я. Мне правда трудно объяснить, что происходит, но не заметить, что у меня проблемы, невозможно. – У нас есть кофе?

– Да, у нас есть кофе. Перси? – Мама вопросительно изгибает бровь.

Я нервно дергаю плечами и достаю с полки банку. Отвернувшись от внимательного взгляда родительницы, я беру высокую чашку и насыпаю в нее две ложки черного порошка. Да, мне нужно взбодриться, и лучший помощник в этом деле – кофе. Чайник вскипает мучительно долго, и все это время я спиной чувствую взгляд мамы, но не спешу оборачиваться. Что я ей скажу? Залив кипятком напиток, добавляю в него изрядную долю сливок и пару ложек сахара. Как ни пытаюсь я оттянуть момент, но поговорить все же придется. Медленно поворачиваюсь и встречаюсь с мамой взглядом.

– Да, у меня проблемы! – выдыхаю я.

– Что-то в колледже или на работе? – аккуратно уточняет она, боясь спугнуть мое решение все ей рассказать.

Нельзя назвать меня слишком скрытным человеком. Мы с мамой много чем делимся, особенно с тех пор, как остались одни, вдвоем против всего мира. Но, заботясь о ее здоровье, прежде всего душевном, я не спешу рассказывать ей о проблемах, предпочитая решать все сама. Она не знает сумму счетов, оттого спит спокойнее, а я, в свою очередь, уверена в том, что ее маленький мир, ограничивающийся нашей квартиркой, не будет подвергаться ненужным нервным потрясениям.

– Да, то есть нет... – мямлю я, собираясь с мыслями. Подхватив корзинку с любимым печеньем и с чашкой в другой руке, сажусь рядом с мамой.

– Мне кажется, меня преследуют.

– Что ты имеешь в виду? – брови родительницы сходятся на переносице. – Кто преследует?

Я нарочно медленно отпиваю горячий кофе, раздумывая над тем количеством информации, которое могу сказать без последствий для маминого нервного здоровья. Но и молчать нет смысла. Если нам угрожает опасность, мама должна знать.

– Не знаю. Все началось с того, что к нам в бар пришел один посетитель, который хамил сначала Молли, а потом мне. Он даже хотел меня ударить, но его остановил другой посетитель. В общем, я не знаю, что произошло дальше, но на следующий день к нам в колледж заявился инспектор «Гарды» и сообщил, что тот мужчина, который доставал нас

с Молли, погиб. Точнее, был убит.

– О господи... – мама закрывает рот ладонью, с ужасом глядя на меня.

– Я не знаю, кто его убил и зачем, но мне кажется, тот незнакомец, который его остановил, как-то причастен к его убийству.

– Но при чем здесь ты? Почему следят за тобой?

– Мне кажется, его люди, того мужчины, который, скорее всего, и есть убийца, следили за мной все это время и вчера появились в баре...

– Нужно срочно звонить в «Гарду»! – заявляет мама, подскочив с дивана, но я хватаю ее за руку, чуть не расплескав кипяток себе на колени.

– Нельзя! «Гарда» ничего не сможет сделать с такими, как эти...

– Как это не сможет? На любую силу найдется еще большая сила! – вскипает она, явно озадаченная моим смиренным лицом. – Чего ты сидишь? Нужно что-то делать!

– Остановись, мама! Я рассказала не для того, чтобы ты сейчас билась головой о стену. Мне нужно подумать, что с этим сделать, а пока пообещай мне успокоиться! – я взглядом даю понять, что панику нужно отключить и взглянуть на проблему трезвым, незамутненным эмоциями умом.

– И что же делать? Что мы сами сможем сделать? Может, позвонить отцу? У него же были какие-то связи в кругах... – мама резко замолкает, не окончив фразу.

– В кругах бандитов? Ты это хотела сказать? – жестко отвечаю я. Вот кто-кто, но отец – это последний человек, к которому я обращаюсь за помощью. Он уже не раз доказывал, что имеет удивительную способность из одной проблемы сделать десять. Потом обвинить в них же всех окружающих и уйти. А вы разбирайтесь дальше сами. Нет уж.

– Но что мы будем делать? – поникает мама, устало положив голову мне на плечо. Она, словно маленький ребенок, всегда искала защиты у кого-то. Сначала это был отец, потом эти обязанности плавно перетекли на мои плечи.

– Для начала пообещай мне не выходить без надобности на улицу и никому не открывать дверь. Совершенно никому, даже Эбигейл. Я попрошу доставлять нам продукты на дом. Скажем, что заболели вирусом.

– И сколько мы вот так будем скрываться? Ты же понимаешь, что наша изоляция не может длиться вечно? А как же колледж? – сокрушительно стонет мама.

– Я подумаю над этим. В колледже возьму больничный, – с этими словами я поднимаюсь, споласкиваю чашку и иду к себе в комнату. Закрыв за собой дверь, я опираюсь на нее и тяжело вздыхаю. Мне не хочется признаваться даже себе, но я просто убегаю от проблем. Решения их нет, и мой собранный и деловой вид – лишь прикрытие для матери. Все для того, чтобы не показывать, в каком я отчаянии.

В окне напротив серое небо грозит с минуты на минуту разразиться дождем. Настроение стремительно портится

вместе с погодой. Я бесцельно осматриваю свою комнату: незаправленная кровать с клетчатым пледом, который наполовину свалился на пол. Рядом тумбочка с кучей безделушек. С левой стороны светит потертостями старое, но оттого не менее уютное кресло, в котором я провожу долгие дождливые вечера с книгой в руках. Оно служит мне уже больше десятка лет. Непривычно чистый письменный стол. На нем под настольной лампой забытым мусором лежит несколько листов с заметками. Все, что окружало меня на протяжении всей жизни, невольно превращается в мою тюрьму.

Как долго я смогу скрываться? Пока у нас не закончатся деньги? А что потом? Мысль о работе наталкивает меня на другую. Я подбегаю к тумбочке и хватаю телефон. Увидев несколько пропущенных от одноклассников, которые не дождалась меня сегодня на занятиях, я нахожу номер Молли. Раздаются длинные гудки, и, когда никто так и не берет трубку, мое сердце уходит в пятки. Что, если те мужчины вернулись в бар и убили ее?

Опустившись на кровать, я судорожно соображаю, что делать. Волнение за подругу съедает меня изнутри. А ведь она вообще ни при чем! Если с ней что-нибудь случится, то в этом буду виновата только я! Именно я привела в бар преследователей. Именно я открыла им то, что девушка мне близка!

Звонок телефона выводит меня из мыслей самобичевания. Я надеюсь, что это Молли, но на экране высвечивается

неизвестный номер.

– Алло? – отвечаю дрожащим голосом.

– Мисс Рейли? – звучный бас на том конце провода заставляет застыть кровь в жилах. Я узнаю его. Это детектив.

– Вас беспокоит офицер Дэниел О`Хьюз. Помните меня?

– Да-да, конечно. Что-то произошло? – сердце выпрыгивает из груди, не позволяя собраться с мыслями.

– Да, произошло! Но не по телефону. Не могли бы вы явиться в участок? – деловым тоном интересуется мужчина.

– Извините, я неважно себя чувствую...

– Сегодня ночью погибла еще одна девушка. Как раз возле вашего бара! – грубо перебивает меня офицер. – Это могли быть вы! Или же кто-то из ваших знакомых! Насколько я знаю, вчера была именно ваша смена, так что ваша явка в участок даже не обсуждается!

– Но я...

– Не заставляйте меня делать из вас первую подозреваемую, мисс Рейли! Жду вас к трем в главном офисе на Пирс-стрит. Если вы не приедете, я вышлю за вами патруль, но и разговор будет вестись уже по-другому. До свидания.

Его голос сменяется короткими гудками, и я всхлипываю. Это не может быть Молли! Только не она! Когда моя жизнь успеет превратиться в кошмар? Все начинается с появления странного незнакомца в баре и сразу после этого несется на огромной скорости в ад!

Бросаю взгляд на часы: до трех остается всего полтора ча-

са. Успею принять душ и переодеться. Я даже не думаю отказаться от поездки в участок, но страх сковывает все движения, делая их нервными, а меня – неповоротливой.

Я привожу себя в порядок и, объяснив маме, куда иду, выскакиваю на улицу. Накинув капюшон старой спортивной куртки на собранные в пучок волосы, я надеюсь, что стала менее узнаваемой. Только бы успеть добежать до остановки и впрыгнуть в автобус, пока те двое не появились.

Либо мне удалось хорошо замаскироваться, либо преследовавшие меня мужчины не следили за мной, но я доезжаю до «Гарды» без приключений. Только потеющие ладошки, соскальзывающие с поручня, выдают мое волнение по поводу предстоящего разговора с детективом.

Что, если погибла действительно Молли? В памяти всплывают ее последние слова и волнение за меня. Она переживала, что я попала в беду, а я же привела эту беду прямо к ней. Чувство фатальности своего поступка не позволяет спокойно мыслить. Хочется кричать, что это я во всем виновата! Из-за меня она погибла! Вместо этого я молча глотаю слезы, закрывая лицо глубоким капюшоном. Около входа в участок я вытираю длинным рукавом щеки и стараюсь прийти в себя. Нельзя, чтобы детектив увидел мое состояние, тогда придется во всем сознаться. На моей совести уже будет не только смерть Молли, но и детектива, и всех, кто эту историю услышит. Все же, кем бы ни были те мужчины, они явно влиятельнее и сильнее любого человека.

Захожу внутрь. Встретившаяся мне девушка подсказывает, как найти кабинет детектива, и я спешу к указанной двери. Заглянув внутрь, я вижу инспектора, восседающего на большом кожаном компьютерном кресле, словно на троне. Он перебирает бумаги, а когда видит меня, хмурится.

– Проходите, мисс! – тоном учителя произносит мужчина, и я проскальзываю внутрь.

– Признаться, я вас не сразу узнал. Выглядите... не очень.

– Спасибо, но я пришла не за комплиментами. – бурчу я и сажусь на предложенный инспектором стул.

– И то верно, но по внешнему виду можно много интересного сказать о человеке, – продолжает важничать мужчина.

– Вы детектив, вам виднее!

– Да, мне виднее! Например, мне видно то, что у вас проблемы. Не хотите поделиться? – серьезным тоном уточняет О`Хьюз. Он так смотрит на меня, что мне хочется тут же выложить всю правду, но я стараюсь удержаться – для его же блага.

– Мои проблемы никак не связаны с вашим расследованием. Но я очень волнуюсь. В тот вечер, когда произошло убийство, моя подруга Молли была на смене. Это ее убили? – на последнем вопросе мой голос вздрагивает.

Инспектор понимающе кивает и резюмирует:

– Теперь я понимаю, в чем причина такого внешнего вида.

Мужчина словно специально тренирует мою выдержку молчанием, но я радуюсь, что мой помятый вид он списыва-

ет на волнение за подругу. Посмотрев на него в упор, я скрепчиваю руки на груди, ожидая ответа.

– Что ж, убитую звали Айлин Бирн, – офицер достает из папки фото и пододвигает ко мне. – Вы встречали ее прежде, мисс?

У меня вырывается вздох облегчения, что это оказалась не Молли. Но сразу же затапливает чувство жалости к убитой. Девушка на фото кажется совсем юной и цветущей. И от осознания того, что неизвестные выбирают именно таких людей – полных жизни, – по моей коже бегут мурашки. Я с бессильной яростью стискиваю зубы и смахиваю слезу.

– Нет, мне не знакома эта девушка. И прежде я ее не видела, но мне очень жаль...

– Ох, прекратите, мисс! Хватит играть со мной в загадки! Я же вижу, вы чего-то недоговариваете! Долго я еще буду вытягивать из вас информацию? – вскипает офицер, вставая из-за стола.

– Я же говорю вам, я не знаю эту девушку! Если это все вопросы, то я могу идти? – я подрываюсь с места и выбегаю в коридор, слыша за спиной разъяренный вопль детектива:

– Я вас не отпускал!

– Для вас же лучше, если я ничего не расскажу... – шепчу я себе под нос, запрыгивая в такси. Денег у меня в обрез и неизвестно, когда я смогу выйти на работу, если вообще смогу. Но чувство самосохранения требует жертв. В данном случае денежных.

По приезде домой я первым делом запираю входную дверь на все замки и, перепроверив их еще раз десять, забегаю в свою комнату. Скидываю мокрую кофту и смотрю в окно. Мой взгляд привлекает какое-то движение перед домом. Уже вечереет. Сумрак начинает окутывать улицу, наполняя ее зловещими тенями, еще совсем недавно не казавшимися мне чем-нибудь необычным. Включаю в комнате свет, но тут же понимаю, что с той стороны стекол видна так, словно я на сцене театра. Чувство, что меня нашли, завладевает разумом, вновь возвращая безумный страх. И это оказывается не просто чувством. На другой стороне дороги под навесом лавчонки, скрытой в тени, недвижимо стоит мужчина в черном плаще и шляпе. Я подбегаю к окну и резко опускаю жалюзи, отрезая себя от его цепких глаз. Лица его я не разобрала – тень шляпы надежно его скрыла, – но закутанный в мрачную дымку взгляд даже отсюда затягивает в воронку тьмы. Этот взгляд может принадлежать только одному человеку: тому незнакомцу, который наблюдал за мной в баре.

Глава 5

У меня начинается бессонница. Как только я закрываю глаза, то снова и снова вижу выжидающий чего-то цепкий взгляд черных глаз. Просидев до рассветных лучей, завернувшись в одеяло с головой, я все никак не могу перестать вздрагивать от каждого стука, доносящегося с улицы. Непогода бросает кусочки веток и листья в окно, а мне мерещится, что какие-то твари скребутся в стекло длинными когтями, пытаясь добраться до меня. К семи утра удастся ненадолго задремать, но буквально сразу меня будит телефонный звонок. Не успев толком открыть глаза, я хватаю телефон.

– Алло... – бубню сонно в трубку.

– Перси? Ты где пропала? Который день не могу до тебя дозвониться! – взволнованно спрашивает Молли.

Сон снимает как рукой, и я резко сажусь.

– Ох, это ты? Молли, что произошло?! Я тебе звонила, но ты не отвечала! Меня вызывали в участок по убийству девушки возле нашего паба. Я думала, это тебя... Я вчера звонила тебе все утро!

– И меня вызывали в участок по тому же делу, и я тоже испугалась, что убитая девушка – это ты! Видимо, когда ты звонила, я как раз была на допросе.

Я тихонько ругаюсь. Вот ведь детектив! Он специально сделал так, чтобы мы не могли не прийти в участок, подки-

нужно нам наши же страхи!

– Что ты ему сказала? Что вообще произошло тем вечером? – допытываюсь я, радуясь, что Молли жива.

– Я не знаю! Все так странно, словно в тумане. Я помню, как ты прибежала в бар и схватила меня за руку, а потом все... не знаю, отключилось. Я пришла в себя от криков. Люди поднимались с пола, как будто разом все попадали. А тебя уже не было. Я решила, что твой приход мне померещился.

– Ты рассказала об этом детективу? О том, что видела меня? – спрашиваю я, закусывая губу. Если он узнал о моем присутствии в баре, когда я ему об этом не говорила, то у меня проблемы.

– Нет! Я же говорю, я вообще не уверена, что ты была в тот вечер в баре! Произошло что-то странное! Будто с памятью что-то...

– Я понимаю, о чем ты говоришь, Молли. Прости, у меня сейчас семейные проблемы, да и к тому же я немного приболела. Я не смогу выйти на работу.

Молли грустно вздыхает и говорит:

– Перси, ты не знаешь? Я думала, Билли тебе сообщил. Наш бар закрыли. У нас больше нет работы. Я смогла устроиться к Ребекке, она давно меня звала, но вот ты...

– Все хорошо, Молли, все хорошо! – повторяю я, нервно качая головой. – Мне пока не нужна работа. Я все равно не смогу выйти... – я запинаясь и решаю сменить тему: – Скажи, а почему бар закрыли? Что случилось? Это из-за убий-

ства?

– Отчасти! Но мне кажется, какие-то влиятельные люди надавили на Билли. Ты же знаешь его, он ни за что не упустит возможности заработать и чихать он хотел на убийства! Так что это не «Гарда»... – задумчиво тянет Молли.

– Ты что-то об этом знаешь?

– Нет, не совсем... Но мне кажется, за мной следят.

Этих слов я боялась больше всего. Закрыв глаза, я как можно спокойнее спрашиваю:

– Почему ты так думаешь?

– Понимаешь... – начинает девушка, – с того вечера я все время слышу шаги за спиной. А еще какой-то незнакомец спрашивал о тебе.

– Как он выглядел? – слишком громко говорю я.

Молли ненадолго замолкает, а потом сокрушенно выдает:

– Прости, я не помню, Перси! Со мной что-то странное происходит! Чувство, будто я временами выпадаю из реальности. И это происходило уже не раз. Мне кажется, я схожу с ума!

– Нет, Молли, не сходишь, у меня так же...

Мне хочется ей обо всем рассказать, и, может быть, мы бы могли чем-нибудь друг другу помочь, но девушку куда-то зовут и она быстро прощается:

– Извини, Перси, мне пора идти! Я наберу позже. Выздоровливай!

– Береги себя! И не ходи ночью одна... – кричу я в трубку,

слушая короткие гудки.

Прекрасно! Бросаю телефон на кровать и сваливаюсь рядом. Что ж, позвоню ей позже. Заставляю себя встать и не без дрожи в руках открываю жалюзи. Аллея у дома пуста. Если там и был мужчина из бара, то он давно ушел. Значит, меня все же искали? И, судя по всему, охота идет не за Молли. Но почему я? Если бы с ней хотели что-то сделать, то давно бы уже... Я не стала развивать эту мысль. Мне нужно было думать, как нам с мамой жить дальше.

Следующая неделя проходит для меня как в тумане. Продукты нам приносит курьер и оставляет у двери. Деньги неумолимо тают, а новых ждать пока неоткуда. Спать ночами я все так же не могу, только к страху теперь добавилось волнение за наше с мамой будущее. За своим окном я больше никого не вижу, но чувство, что меня нашли, а теперь просто играют со мной в кошки-мышки, не покидает ни на миг.

Приближается Хэллоуин. Погода налаживается и дожди ненадолго прекращаются. Усталое солнце отбрасывает блики через пожелтевшие листья и заглядывает ко мне в окно. Мне безумно хочется выйти из своего заточения и прогуляться, но я все же не рискую этого делать. Кажется, стоит мне ступить за дверь, те двое меня тут же схватят и убьют. Выпьют всю жизненную силу сами или отдадут, как они выражались, хозяину. И потом О`Хьюз будет расследовать уже мое убийство.

Я ставлю себе мысленные рамки добровольной изоляции.

До первого ноября. Мне кажется, нет, я уверена, что если переживу Хэллоуин, то эти твари сами заползут туда, откуда выползли. А значит, ждать остается недолго.

Тридцатое октября я провожу в своем любимом кресле. Устраиваюсь поудобнее, обматываюсь пледом, беру «Грозовой перевал» – книгу, которую я уже месяц не могла дочитать из-за нехватки времени, – и погружаюсь в нее с головой.

Я всегда любила читать гораздо больше, чем смотреть фильмы. Хорошая книга способна перенести в собственный мир. Ведь в фильме тебе покажут дом и машину перед ним, а в книге ты увидишь слова, за которыми скрывается исключительно твоя фантазия. И вот у дома уже есть хмурый хозяин, а на этой машине он возит свою старую собаку к ветеринару.

Пару раз заглядывает мама, но, не желая меня отвлекать, уходит к себе или на кухню. Я же не замечаю, как приходит вечер. В комнате стемнело, и мне приходится включить настольную лампу. Неяркий свет отбрасывает тени на пол. Ветви за окном создают вид корявых пальцев, которые крадутся ко мне по ковру и тянутся к ногам, чтобы схватить. Я быстро вскакиваю с кресла и подбегаю к окну. Какое-то движение на пустынной аллее привлекает мое внимание, но я не хочу рассматривать ночного гостя, кем бы он ни был, и опускаю жалюзи.

Усаживаюсь обратно в кресло, но уже не могу сосредоточиться на тексте. Жутко хочется спать – сказываются бес-

сонные ночи. Я еще раз опускаю взгляд на страницы, чтобы запомнить момент, на котором остановилась. Прочитав, как Кэтрин пришла к Хитклиффу в виде призрака, захопываю книгу и смеживаю отяжелевшие веки. Не время сейчас о таком читать. И в тот же миг проваливаюсь в сон.

Мне снова снятся черные глаза, бездонный взгляд которых пленит и зовет за собой. Я сопротивляюсь, пробую бежать, но ноги вязнут во времени, словно я чья-то марионетка.

– Милая моя, тебе не убежать... – доносятся ласковым эхом слова со всех сторон, многократно отражаясь от стен и возвращаясь повторяющимся «не убежать», «не убежать». Но я ни на миг не останавливаюсь. Мне чудится чье-то дыхание в спину, собачий лай, звериное рычание. Из каждого темного уголка на меня смотрят горящие глаза неведомых чудовищ. И вдруг огромный трехглавый пес сваливает меня на землю, придавив большими лапами. Из его пасти капает слюна, обжигая мою кожу. В его желтом горящем взгляде я вижу желание перегрызть мне глотку. Но тут появляется тот самый незнакомец. Пес недовольно рычит, но послушно отходит от меня, освобождая путь своему хозяину. Не успеваю я встать, как мужчина срывается с места и бросается на меня, с силой прижимая к сырой земле. Его жестокое ухмыляющееся лицо оказывается напротив моего, и я замираю, охваченная настоящим ужасом. Это оказывается еще страшнее, чем трехглавый пес. Мужчина невероятно красив, но его взгляд

вселяет невиданный ранее первобытный страх. Словно сама смерть заглядывает в мою душу своими бездонными, полными неумолимой тьмы глазами, пронизывая насквозь и оставляя после себя неизгладимый след.

Незнакомец прикасается к моей щеке и мягко произносит:

– С праздником, дорогая...

Кричу что есть мочи и, проснувшись, сваливаюсь на пол.

Открываю глаза и понимаю, что нахожусь не в аду, а лишь на полу своей комнаты, а ноги запутались в пледе. Спина взмокла от пота. Вставая, я потираю ушибленный локоть и сокрушенно вздыхаю. Каким бы ни было удобным мое любимое кресло, все же это не место для сна. Я смотрю на книгу, которая лежит рядом, и поднимаю ее. «И не самый удачный выбор литературы перед сном», – тут же мысленно добавляю. Неудивительно, что мне мерещатся всякие...

Я хочу бросить книгу на кровать, но останавливаюсь. На покрывале уже лежит то, что никак не могло оказаться в моей комнате. Я подхожу ближе и в ужасе, чтобы не закричать, закрываю рот рукой. На постели покоится огромный букет черных тюльпанов.

– Ма-а-ам! – я выбегаю из комнаты, стараясь не поворачиваться к цветам спиной, словно это пакет со змеями. И, даже не постучав, влетаю в ее комнату. – Мам! Откуда в моей комнате цветы?

Она еще спит, но при моем появлении сонно открывает

глаза и удивленно хлопает рыжеватыми ресницами.

– Перси? Что случилось?

– Откуда на моей кровати цветы? Я проснулась и увидела букет! Прямо на покрывале!

– Какой букет? Откуда?

Мама явно была не в курсе, а это могло значить только одно...

– Черные тюльпаны... Их принес он, – обреченно выдавливаю я, и в глазах темнеет от осознания, – он был в моей комнате, пока я спала.

Прихожу в себя я долго, от легких похлопываний по щекам и резко ударивших в нос паров аммиака.

– Убери это... – шепчу я пересохшими губами и встаю.

Кажется, последние события довели меня до нервного истощения. Мама стоит на коленях возле меня и испуганно хлопает глазами. В ее руках ватка, которая ужасно противно пахнет, но маме как будто все равно. Когда она вообще успела сбегать на кухню за нашатырем?

– Что с тобой? Может, в больницу? – обеспокоенно спрашивает она.

Ох, хоть бы мой обморок не отразился на ее самочувствии. Я пытаюсь собраться и как можно бодрее отвечаю:

– Нет, просто голова закружилась. Обыкновенный обморок...

– Но ты ударилась головой! – восклицает она, порываясь

прикоснуться к моему лбу.

Я останавливаю ее и провожу пальцами по коже, ощущая боль от прикосновения. Надо же, действительно ударилась! Пульсация в месте ушиба начинает нарастать, и заботливая мама быстренько отправляет меня в постель.

Увидев цветы в моей комнате, она хмурится, но молчит, прекрасно понимая, что разговоры на эту тему, чего доброго, доведут меня до еще одного обморока. Она укладывает меня на кровать и, подоткнув одеяло, словно маленькой девочке, молча уносит с собой букет.

Я поворачиваюсь к тумбочке и достаю из ящичка маленькое зеркальце.

Ну, прекрасно! Будто бы мне мало темных кругов под глазами и безумного вида, так мой лоб теперь еще украшает огромная шишка. Зеленые глаза лихорадочно блестят, выдавая мое не совсем нормальное психическое состояние. Их цвет на фоне бледного лица становится еще ярче, чем обычно. Волосы спутались и висят растрепанным хвостом набок. Нужно привести себя в порядок, но вставать категорически не хочется. При дневном свете все ужасы ночи отступают и глаза закрываются сами собой. Пока я сплю, приходит мама, просит меня встать и поесть, но я отказываюсь, продолжая дрейфовать на волнах сна.

Будит меня звонок в дверь. Проснуться быстрее мне не помогла бы даже мамина раскаленная сковородка, опущенная на голову, но это – другое. Не надевая тапочек, я несусь

к двери, боясь, что мама забудет мои наставления и откроет сама. Заглянув в глазок, я вижу привидение. Ах, там еще стоят вампир и кто-то напоминающий Франкенштейна. И все ростом мне по пояс.

Ну конечно же! Сегодня Хэллоуин! Вздохнув, открываю дверь и отсыпаю детям конфет из вазочки, которую подает мама. Когда она успела подготовиться? Я вообще выпала из жизни, думая только о том, как пережить следующий день, а за ним ночь.

Закрыв за детьми дверь, поворачиваюсь к маме и говорю:
– Больше никому не открываем. Пусть думают, что нас нет дома!

– Но это же просто дети... – пытается воспротивиться мама.

– Нас. Нет. Дома! – строго отрезаю я и иду в комнату. Пусть лучше я буду плохой дочерью. Лучше плохая дочь, но живая, чем хорошая, но мертвая.

Я укладываюсь обратно в кровать, но сон не идет. Конечно, весь день отсыпалась! Не представляю, как после такого возвращаться в обычный режим. И перестанут ли мне сниться те ужасные глаза? По правде говоря, ничего ужасного в них нет. Они достаточно хороши, даже, я бы сказала, по-настоящему красивы! Но та темнота, которая словно воронкой тянет из самого нутра силы, весь свет и самую жизнь, пугает до смерти. На ум вдруг приходят слова Ницше, в которых он говорит, что если долго всматриваться в бездну, то в от-

вет бездна начнет всматриваться в тебя. Так вот, глаза того мужчины были бездной.

От мыслей меня отвлекает телефонный звонок. На экране высвечивается имя подруги, и я незамедлительно поднимаю трубку:

– Молли, хорошо, что ты позвонила... – начинаю я, но осекаюсь. В трубке звучат глухие рыдания и всхлипы.

– Перси! Я больше так не могу... Я хочу, чтобы ты знала: ты самый светлый человек, которого я встречала, поэтому я звоню именно тебе, чтобы попрощаться. У меня больше нет сил жить!

– Что ты такое говоришь, Молли? Ты где? – Порывы ветра бьют в динамик и заглушают рыдания подруги, но я уже одеваюсь. Теплая байка с капюшоном и собранные в хвост волосы должны были меня скрыть, если вдруг я встречу с теми двумя, которые меня преследовали; или с незнакомцем из бара. К тому же праздник выгнал на улицу толпы туристов, поэтому мне легче будет затеряться.

Подруга не отвечает. По равномерным звукам шагов я понимаю, что она куда-то идет.

– Молли, не бросай трубку! Ты где? Скажи мне, и мы поговорим! Мы все решим! – воплю я, на ходу надевая ботинки.

– На мосту Шона О'Кейси. Но не нужно приходить, ты все равно не успеешь...

В трубке звучат короткие гудки, а я уже несусь к месту, ко-

торое назвала подруга. Господи, хоть бы успеть! Нужно поймать такси! Как назло, ни одной машины рядом нет. Пришлось бежать до главной улицы и ловить попутку, но толпы людей ни капли мне в этом не помогают, перебегая дорогу и останавливая без того медленный транспорт. Наконец передо мной останавливается машина, и полная женщина открывает дверцу.

– Садись, паренек! Куда спешишь?

– Мне нужно к мосту О`Кейси! Быстрее!

Я плюхаюсь на сиденье и скидываю капюшон. Растрепанные волосы рассыпаются по моим плечам.

– О, так ты не паренек! – хохочет женщина и, услышав сигнал позади нас, спешит продолжить движение.

Всю дорогу, которая мне показалась бесконечно долгой, я считаю секунды и грызу губы. Что у нее произошло? Почему Молли решила закончить свою жизнь? Вдруг, словно кролика из шляпы, моя память достает фразу, прозвучавшую несколько дней назад: «Остановись, ты и так видишь, что ей недолго осталось!». Они тогда говорили о Молли! Неужели подруга уже тогда была на грани? И что я за человек такой светлый, если не смогла даже этого увидеть, почувствовать?

– Остановите здесь! – резко кричу я, и женщина тут же тормозит. Резина на колесах взвизгивает, но я уже несусь к мосту, не удосужившись даже расплатиться за поездку. У меня нет на это ни секунды!

Я уже вижу мост, но вдруг врезаюсь в крепкое тело муж-

чины. Отлетев в другую сторону тротуара, я поднимаюсь и хочу извиниться, но с ужасом застываю. Передо мной стоит и ухмыляется тот самый бритоголовый мужчина, от которого я скрываюсь вот уже больше недели. В ту же секунду возле него материализуется второй преследователь.

– А вот и наша птичка! – низко хрипит тот, что стоит ближе. – Теперь не упорхнешь!

Глава 6

Я мчусь назад, оставляя позади надежду спасти Молли. Мое сердце разрывается от боли и сожаления, что не могу ей помочь, они не дадут мне ни одного шанса это сделать, но я должна спасти хотя бы себя. Ведь от меня зависит жизнь мамы. Свернув за угол ближайшего дома, я бегу вперед, а непрошенные слезы застилают глаза. Пытаюсь бежать быстрее, но моя физическая подготовка намного уступает преследователям. Я спиной чувствую, как они наступают мне на пятки, но адреналин в крови заставляет держать скорость. Бегу по улице, расталкивая застывших людей, понимая, что теперь никто не может мне помочь. И вскоре понимаю, что сама себя загоняю в тупик. Сойдя с главной улицы, я резко торможу. Передо мной возвышается бетонная стена, отрезающая меня от возможности сбежать. Понимая, что попалась, я оборачиваюсь и со страхом смотрю на мужчин. Они идут ко мне, словно псы, загнавшие кролика, предвкушая сытный ужин. Готова поспорить, один из них даже облизывается.

– Когда ты уже поймешь? От нас не убежать! – выдает тот, что пониже.

Мое сердце стучит где-то в горле, а сбившееся дыхание не позволяет вымолвить ни слова.

– Ну не молчи... Мы и так дали тебе недельную отсрочку. Хозяин хотел посмотреть на то, как ты будешь действовать.

– И что он увидел? – выдавливаю я, упираясь в стену спиной. Мой взгляд бегаёт от одного мужчины ко второму, стараясь уловить мельчайшие движения и не пропустить момент нападения.

– По-видимому, то, что ему понравилось, иначе он бы не отправил за тобой! – с досадой в голосе говорит один из них.

– И кто он? Ваш хозяин? – я стараюсь тянуть время. Вдруг мне все же удастся сбежать? Хоть шансов невероятно мало.

– Его имя не произносят среди людишек, если не хотят попасть к нему раньше времени. Но не переживай, скоро ты с ним познакомишься! – шепчет мужчина.

– Или мы сами решим, что с тобой делать, если вдруг ты придешься ему не по вкусу! – злорадно хмыкает другой и бросается ко мне.

Такой скорости я не видела даже у спринтеров. Еще секунду назад он стоял в нескольких метрах, а уже сейчас, крепко обхватив меня поперек тела, усмехается на ухо:

– Приятного путешествия во тьму, малышка!

Я не понимаю, о каком путешествии он говорит, но затем земля под нами разверзается и мы падаем. Я ожидаю, что сейчас попаду в самый настоящий ад или разобьюсь насмерть, настолько стремительно оказалось наше падение. Кажется, я плачу, прощаясь с жизнью. Но как только мы достигаем дна пропасти, мужчина пружинит, будто бы мы и не падали в бездну, и мягко становится на землю. Второй с глухим стуком приземляется рядом.

Это черти? Кто они вообще? Когда моя жизнь превратилась в ад? Где я допустила ошибку? Мужчины, не выразив никаких эмоций, подхватывают меня под руки и тащат вперед.

– Пожалуйста, отпустите меня! Куда вы меня тащите? – кричу я, не веря в происходящее, как и в то, что я действительно под землей! Mamочки! Мне точно снится страшный сон. Сейчас ущипну себя и проснусь. Но боль от крепкого захвата поперек ребер не позволяет усомниться в реальности ситуации.

– Не кричи! – отвечает мужчина с квадратной челюстью. Таких экземпляров можно увидеть разве что в кино про мафию. Хотя он и одет в элегантный костюм, но от него за версту несет кровью и грязью уличных воров. – Хозяин просил быть с тобой поосторожнее, и мне бы не хотелось его расстраивать! Поэтому просто заткнись, пока я не припомнил тебе тот удар подносом!

Я больно закусываю губу, стараясь не расплакаться. Мне всего лишь хотелось спасти Молли, а теперь эти уроды сделают со мной неизвестно что.! Как же мама без меня? Ведь вряд ли я смогу выбраться отсюда живой. От этих мыслей слезы брызгают из глаз, опалая холодную кожу щек.

Мужчины приволакивают меня в просторный зал с гладким утоптаным полом и каменными стенами. Бросив меня на холодную землю, они молча удаляются. Я нахожу в себе силы подняться и осмотреться, но так и не понимаю, ку-

да делись мои похитители. Вокруг нет ничего похожего на дверь или хотя бы окно. Я оказываюсь в огромном склепе, освещенном несколькими факелами. Мебели в этом странном помещении тоже нет, только одинокий стул из кованого железа возвышается в центре зала.

Я стучу зубами, продрогнув от холода. Страх не позволяет думать ясно, грозя перейти в панику и затопить мой разум темнотой. Как такое возможно? Нет, я понимаю, что это не простые люди, но чтобы земля разверзлась прямо под моими ногами, да посреди города?

Сажусь и натягиваю на колени грязную толстовку. Капюшон давно упал на плечи, и спутанные волосы обрамляют мое лицо, создавая вид безумной ведьмы. Я не знаю, сколько времени сижу так. Все это напоминает мне пытку. Чем больше я остаюсь в неизвестности, тем больше страха испытываю, в то время как наблюдающий за мной из темноты несомненно им упивается, словно целебным эликсиром.

Не в силах больше выдерживать это состояние, я вскакиваю и кричу:

– Кто ты? Покажись! Хватить меня мучить, черт тебя возьми!

Впервые за всю жизнь я позволяю себе так грубо выразиться. Но это место странно на меня действует, каким-то образом открывая все потаенное в душе.

Меня окружает полнейшая тишина: ни ответа, ни какого-либо движения я не слышу. Но вдруг я чувствую на шее

чь-то дыхание, пробирающее душу липким страхом.

– Ну здравствуйте, мисс Рейли... – шепчет незнакомец, и я резко оборачиваюсь. Передо мной стоит тот же мужчина из бара, взгляд которого еще долго преследовал меня в снах.

– Ты? Так это ты приказал меня похитить?

Смотрю в его глаза и чувствую, что тону. И в этом нет ничего романтического, о чем так любят писать в книгах. Этот взгляд буквально засасывает в воронку тьмы, из которой нет возврата.

Не без труда отвожу глаза и жду ответа. Незнакомец обходит меня по кругу, словно дикий зверь, и останавливается напротив.

– Да, дорогая, это я приказал!

Он ухмыляется и заправляет прядь моих волос за ухо. Я же отскакиваю от него, будто меня укусила ядовитая змея.

– Не смей ко мне прикасаться! Ты не имеешь никакого права!

– Ох, наивная моя девочка... Еще как имею! Ваш отец продал вас, и теперь это ваш дом. Привыкайте, ведь наверх вы больше не вернетесь. Теперь вы полностью моя, и только я буду решать, что с вами делать!

– Ты говоришь неправду! Отец не мог так поступить с единственной дочерью!

Я пытаюсь смотреть на мужчину, но не встречаюсь с ним взглядом. Вдруг перед глазами, словно картинка, возникает

образ моего отца. Он сидит в какой-то задымленной комнате и курит. Пепел на его сигарете уже напоминает опаленный стручок фасоли – такой же длинный и изогнутый, но отец слишком озадачен своими мыслями, чтобы заметить это и стряхнуть его. Посеревший, ссутуленный, а взгляд наполнен непосильной тяжестью. Таким я его еще не видела. Но когда он проигрывал всю зарплату, не принося домой ни копейки, выражение его лица было примерно таким же. Картинка сменяется, и к отцу подходит человек в шляпе и черном пальто. Я узнаю в нем своего похитителя. Папа не обращает на него никакого внимания, но мужчина вальяжно раскидывается на стуле напротив.

– Я могу тебе помочь, человек, – тихий уверенный голос звучит словно через толщу воды. – Кажется, у тебя неприятности.

– Чем ты мне можешь... – отец поднимает взгляд на незнакомца, и его глаза будто бы стекленеют. Он замолкает. Готова поклясться, что вижу в его взгляде настоящий испуг.

– Я могу выкупить твой долг. Но ты уже понял, что я не просто человек, который решил помочь... Я вообще не человек, и мне нужно то, что можешь дать только ты!

– Все что угодно! Только выплаты долг, иначе меня убьют! Мужчина в шляпе хмыкает. Я не вижу лица незнакомца, но уверена, что в его глазах горит огонь победы. В моем же сердце разрастается дыра.

Картинка меркнет, и я падаю на пол, задыхаясь. Меня ду-

шат слезы обиды и несправедливости. Отец продал меня, даже не поинтересовавшись, что со мной сделают. Собственная жизнь ему дороже моей, и это осознание буквально бьет под дых, заставляя хватать воздух ртом, как рыба, которую достали из воды. Мой покупатель стоит передо мной, не выражая никаких эмоций, пока я корчусь от боли у его ног.

Он молчит, а я лежу, уткнувшись носом в сырую землю. Я оплакиваю свое детство и надежду на то, что отец когда-нибудь образумится и вернется. Я плачу обо всем, чего не замечала в упор. Не хотела замечать. Папе всегда было все равно и на меня, и на маму. Он жил исключительно для себя. Заботясь только о себе. В глубине души я всегда это знала, но стоило увидеть все своими глазами, как почва уходит из-под ног.

– Вот видите! Вы, мисс Рейли, и сами знаете, что это правда! – будто услышав мои мысли, говорит мужчина.

Когда моя истерика немного утихает, я поднимаю заплаканные глаза на похитителя и с ненавистью выплевываю:

– Кто ты такой? Что тебе от меня нужно?

Я ненавижу его! Он разрушил мое детство. Он разрушил мою веру в отца и в благополучный исход. Он разрушил мою жизнь.

– Что ж, пришло время познакомиться! Я Аид. Повелитель царства мертвых!

Голос мужчины звенит такой силой и властью, что я вся сжимаюсь под его натиском, лишившись способности не то

что говорить – мне даже голову поднять трудно. Меня будто придавливает бетонной плитой. Я лежу в самой унижительной позе у его ног.

– Вы здесь для того, – продолжает он безразличным тоном, – чтобы отдать свой жизненный свет и стать для меня источником энергии.

Мне кажется, ему дико наскучила моя истерика и необходимость что-то объяснять. Он выглядит богом, которому под ноги попалась букашка, а он остановился, раздумывая, как лучше ее убить с большей пользой для себя.

– Но если я не хочу? Мне нужно вернуться! Пожалуйста! Отпусти меня! Хотя бы спасти подругу, я должна... – я начинаю умолять его, но он строго перебивает:

– Вы больше не вернетесь! А ваша подруга... Что ж, ей все равно не жить, так какая разница, умрет она сегодня или завтра?

– Мне есть разница! Я помогу ей, и она больше не захочет вредить себе! – я знаю, что он не уступит, но продолжаю умолять.

– Наивное дитя! Вы ничего не можете! Люди слабы и мелочны. И вы одна из них. Я вижу ваше желание помочь! Оно горит, словно рассветная Венера! Но это пройдет. Вы останетесь здесь и скоро превратитесь в не более чем оболочку, восполняя долг своего родителя!

Страшные слова срываются с его красивых губ. Но едва ли Аид осознает, какое они произвели на меня впечатление.

– Но почему я? – я обреченно выдыхаю.

Лицо мужчины приобретает задумчивое выражение. Он останавливает на мне свой тяжелый внимательный взгляд и всматривается так, будто бы впервые смог меня разглядеть.

– Вы притягательны для меня, как никто другой. Обычно люди сами выбирают свою участь – кормить нас. В обмен на прощение греха и возможность испить из реки забвения они позволяют таким, как я, питаться их жизненным светом, пока не превратятся в тень. Но вы, мисс Рейли...

– Я же не виновата ни в чем! Разве это справедливо?

– Дети всегда платят по счетам своих родителей. Но я бы не принял такую плату от него. Справедливее было бы забрать его, твоего отца.

Мужчина говорит честно и откровенно. Я не ожидаю от него такого. Мне кажется, он должен врать и юлить, как все подземные твари, о которых я слышала. Аид присаживается рядом и берет мой подбородок в длинные холодные пальцы. Наши взгляды встречаются, и он шепчет:

– Неужели бы вы позволили своему отцу погибнуть здесь? – спрашивает мужчина с едва заметным разочарованием в голосе.

– Нет! – ни на миг не задумываясь, отвечаю я.

– Поэтому вы здесь! – усмехается он. – Ваше бескорыстие и желание всех спасти – это то, что отличает вас от остальных. Ваш свет. Ярче я еще не встречал. Представляю, какой он на вкус...

Аид всматривается в мои глаза, и я понимаю, что мне конец. Если не сейчас, то очень скоро. Но как только я чувствую, что снова тону в темноте его глаз, мужчина отпускает меня, отходит и отворачивается.

– Как долго мне осталось жить? – шепчу я, даже не пытаюсь встать. Меня окутывает холодом и начинает бить дрожь.

– Как правило, люди здесь могут жить несколько месяцев. В зависимости от того, как часто они кормят темных. Но ты должна гордиться! Твоя смерть послужит высшим целям.

– Вы простые убийцы. Ничем не отличающиеся от таких ненавистных тобою людей, – говорю я и тут же жалею о своей несдержанности. Я не хотела злить его. Он и так пугал до ужаса. Но как он может называть нас ничтожными, когда сам едва ли лучше?

Мужчина вмиг оборачивается и больно хватает меня за плечи:

– Не смейте перечить богу! Вы, мисс, просто человек! Вы – не более чем пища на крупицу времени. Для меня ваша вечность исчисляется секундами! И умрете быстрее, чем я успею осознать! Для меня вся ваша жизнь – мгновение!

– Так убей меня прямо сейчас... Выпей, как ты это сделал с другими, и все. Зачем растягивать мои мучения? – шепчу я потупившись. Я не хочу разозлить его еще больше. Тогда, может быть, он не станет меня мучить, заставляя жить в этом ужасном месте. И мне все-таки не придется каждый день смотреть в его глаза, раз за разом теряя частичку себя.

– Мы не убиваем людей! – рычит Аид. – Только тех, кто на это согласен, взамен на глоток забвения. Я вам уже говорил!

– Но нескольких людей ты точно убил! Когда я была еще на земле. Тот парень из паба, который мне хамил. И девушка! Чем ты отличаешься от простого убийцы? Они же не давали своего согласия! Они сопротивлялись!

Стиснув зубы, зло гляжу на мужчину. О том, что убитые сопротивлялись, я знаю со слов детектива. Так что Аид либо врет, либо недоговаривает правила. И, может, благодаря этому у меня получится найти лазейку...

– Я не убивал никого! Тот представитель человеческой расы, который посмел поднять на вас руку, заслужил встречи с моими людьми, но я не приказывал его убивать!

Я могла поклясться, что в голосе мужчины проскальзывает замешательство.

– Но это правда! Ты же можешь посмотреть! – продолжаю глупо настаивать.

Аид отпускает меня и медленно встает.

– Я решу, что мне делать с этой информацией. Ирида! – кричит он в пустоту.

Тут же, словно всегда была здесь, к нам ступает невероятной красоты женщина. У нее радужные крылья и волосы, отливающие золотом. В одной руке она держит кувшин, а другую протягивает мне.

– Пошли, я проведу тебя, – говорит она.

– Куда?

Я смотрю на ожившее чудо, не отводя глаз. Женщина по-доброму улыбается, но молчит. За нее отвечает Аид:

– Туда, где вы будете жить, пока не превратитесь в тень.

Глава 7

Ирида идет впереди, освещая каменные стены разноцветным сиянием своих крыльев. Она так неуместно здесь смотрится, будто радуга вдруг решила посетить логово вампиров. Я вообще не могу представить, что такая, как она, может делать в подземном царстве рядом с самым темным из богов! Белое одеяние свободными волнами падает к босым ногам и опоясано на талии золотым ободком. Яркие волосы тоже как будто светятся, а плавная поступь выдает в ней божественное начало.

Мы долго поднимаемся по сырým ступеням, но солнечного света я так и не вижу. Ни единого окна, через которое можно было бы догадаться о том, что происходит во внешнем мире. О том, куда я все же попала и есть ли отсюда выход. И если внизу путь освещают огненные чаши, расставленные по углам, а весь интерьер выполнен в мрачных могильных тонах, то чем выше мы понимаемся, тем благороднее становится убранство коридоров. Настенные свечи роняют тающий воск на железные кованые подсвечники, деревянные блестящие ступени отливают кроваво-коричневым светом, который тут же впитывается в темноту.

Женщина шагает настолько тихо, что если закрыть глаза, то кажется, что я здесь одна. Я стараюсь не думать сейчас ни о чем. Осознание слов Аида дается мне слишком болезнен-

но. Предательство отца отравляет душу, будто бы это произошло не в очередной раз, а впервые.

Поверить в то, что где-то есть подземное царство во главе с темным князем? Еще вчера я бы засмеялась шутнику в лицо, а сейчас я просто пытаюсь не впасть в истерику. Мое состояние приближается к кататонии. Это странное место пугает меня до смерти. Я боюсь моргнуть и упустить из виду Ириду. Окажись я здесь совершенно одна, я бы потеряла сознание от страха. Мне кажется, что я даже слышу шипение и стоны страданий из самих стен. Быть может, мое воображение играет со мной злую шутку, но я не могу взять себя в руки. Бесконечные лестницы и коридоры, которыми я молча слеую за женщиной-радугой, кажется, не закончатся никогда. Мечтаю поскорее оказаться там, куда меня ведут, и просто уснуть. Я надеюсь, что если не умру до завтра, то после станет немного легче, а пока мой мозг нуждается в отдыхе.

Ирида доводит меня до больших дверей и, толкнув их, плавно машет рукой:

– Мы в башне западного крыла. Это самая высокая точка замка тьмы и самая дальняя от выхода. Теперь это твои покои. Располагайся. Ключи от этих дверей есть только у повелителя и его приближенных. Не надейся, что сможешь сбежать. Я не хочу, чтобы ты страдала, но можешь мне поверить: в этих коридорах тебя может поджидать то, с чем ты не захочешь встречаться. И эти существа даже на миг не задумаются перед тем, как обойтись с тобой по нашим законам. Не рас-

считывай на их благородство. Только хозяин способен тебя защитить, и пока ты ему нужна – ты в безопасности. Поверь мне, тебе не стоит играть с его добротой и милосердием.

Ирида говорит, словно добрая учительница, но слова ее жестоки. Хочу ответить, что их хозяин далек от доброты, как я от неба, но молчу. Я привыкла держать язык за зубами, никак не выражая свое отношение к чему бы то ни было. Как правило, так мне доставалось меньше хлопот. Да и к тому же я не умела отстаивать свою точку зрения. Каждый раз, когда дело доходило до спора, я ощущала себя посмешищем и не могла связать и двух слов. Зачастую чувства, бушующие внутри, затмевают здравый рассудок, отчего вместо поиска способа решения конфликта я говорю то, о чем впоследствии очень долго жалею.

Ирида какое-то время изучающе смотрит на меня, оценивая внешний вид, затем добавляет:

– Завтра у тебя будет все, что пожелаешь. Ты должна поддерживать в себе жизнь как можно дольше ради блага нашего хозяина, а значит, любые твои желания будут тут же исполняться. Так ты будешь более... полезна для повелителя.

Я задумываюсь о том, чего не сказала женщина. Она явно не мою полезность имела в виду. Скорее уж здесь подошло бы слово «вкусная». Да, если человек счастлив, то и энергию излучает соответствующую.

– Ты придешь завтра? – с надеждой в голосе спрашиваю женщину. Пока что я не встретила еще более благодушно

настроенного ко мне существа, которое к тому же не желало меня убить. И мне не хотелось лишаться этого призрачного ощущения защиты.

– Нет, я здесь только для того, чтобы провожать кормящих душ. Мне не место в этом мире.

Она разворачивается и тут же исчезает в темноте прохода, а я обреченно шепчу ей вслед:

– Как будто мне здесь место...

Глубоко вдохнув, я иду по коридору. Настенные свечи отбрасывают свет на небольшие участки холла. Я вижу несколько одинаковых дверей и поочередно начинаю заглядывать в комнаты. Света свечей едва хватает, чтобы понять: открытая мною комната – не спальня. За следующей дверью я также не вижу ничего полезного. И лишь после третьей попытки нахожу то, что искала. По крайней мере, в комнате есть кровать.

Я захожу и, прикрыв за собой дверь, оглядываюсь. Тут же, словно почувствовав мое присутствие, на стенах вспыхивают свечи. Свет от них прыгающими бликами падает на кровать с темно-красным бархатным пологом, на такие же алые стены и оседает на полу, застеленном голубым ковром. По нему расползаются розы, чем-то напоминающие пятна крови. Тут же я вижу окно и незамедлительно бросаюсь к нему. За стеклом темно, но я понимаю, что нахожусь очень высоко: кроме тумана над землей и бордового неба с частыми всполохами не то молний, не то россыпи каких-то искр, я ничего

не вижу.

Мне кажется, я сама нахожусь в небе, и до меня вот-вот дотянутся те пронизывающие черные вспышки, которые скрюченными пальцами перебирают алые облака. Попятившись, медленно ухожу вглубь комнаты. Что ж, если я попала в замок через вход, который располагается в самом низу, то вполне разумно оставить меня в самой высокой точке. Ведь чтобы сбежать отсюда, мне потребуется пройти весь тот путь, который я проделала с Иридой. И кто знает, может, она говорила правду и в этих коридорах живут существа пострашнее Аида. Но разве такое возможно?

Я скидываю грязные ботинки и валюсь на кровать. Перед глазами тут же предстает заплаканное лицо мамы, которая уже скоро поймет, что ее дочь бесследно пропала. Слезы горячими ручейками текут по щекам, но я не издаю ни звука. Завтра я придумаю, что мне делать. Я обязательно отсюда сбегу. Что бы ни говорил Аид, никто не имеет права насильно держать меня здесь.

Просыпаюсь уже не в темноте, но и утром ту серую дымку, которая окружает меня, тоже не назвать. От сна в неудобном положении затекли конечности. Я медленно встаю и потягиваюсь. В голове немного проясняется, но чувство безумной тревоги за маму и Молли съедает заживо. Я ощущаю острую необходимость найти отсюда выход.

Еще раз выглянув в окно, ожидая увидеть все тот же туман и красное небо, я от удивления открываю рот. Только

теперь я могу оценить, насколько высоко нахожусь. Если бы внизу был человек, то он бы был не больше спичечной головки. Решеток на окнах нет, а это значит только одно: либо никто не верит, что я могу сброситься, либо простые законы смерти здесь не работают.

Перед моим окном, сколько мне хватает зрения, раскидываются поля и равнины, холмы и леса. Все это окутывает розовая дымка негустого тумана. Темная река несет свои воды по левую руку от замка, огибая ландшафты невероятной красоты. Я засматриваюсь вдаль. Плохие мысли уносит из головы вместе с легким дуновением ветерка, забравшегося в окно. Я начинаю ощущать дребезжащее чувство свободы и счастья, глядя туда, и вдруг ловлю себя на мысли, что если бы мне разрешили сделать хоть шаг на те земли, то я бы не захотела возвращаться домой. Это место странным образом влияет на мое восприятие действительности. Я чувствую неправильность всего происходящего, но в то же время ощущаю свою причастность к этому миру. Но каким образом? Я же просто человек...

Мои размышления прерывает стук в дверь. Я сжимаюсь, ожидая увидеть Аида. Меня до ужаса пугает то, что нужно будет кормить это существо, отдавая свою жизненную силу. Но на пороге показывается еще одна женщина. Нет, это не Ирида. Если бы можно было представить более непохожую на нее богиню, то это была бы моя сегодняшняя гостя. Высокая женщина с бесстрастным взглядом проходит внутрь и

останавливается в метре от меня. На ее темных, словно вороново крыло, волосах виднеется венец с острыми шипами. Темно-бордовое платье с оголенных белоснежных плеч ниспадает до самого пола. В руках незнакомка держит факел, который освещает мою комнату яркими всполохами. Блики от него отражаются в ее темно-синих глазах зловещим огнем.

Я отхожу на пару шагов и упираюсь в стену. Сердце колотится в ребра, грозя их сломать изнутри. Я проглатываю вязкую слюну и шепчу:

– Кто ты? Ты пришла меня убить? – мне вдруг вспоминаются слова Ириды о тех тварях, встреча с которыми сулит мне неминуемую гибель.

– Нет, я пришла по велению Аида, – тонкий, но звучный голос выдает в своей хозяйке немалую внутреннюю силу. – Меня зовут Геката. Я богиня лунного света и магии. Именно мне поручено помочь тебе устроиться в царстве мертвых. Как тебе спалось? Кошмары не мучили, надеюсь? – спрашивает она, будто бы мы с ней давние знакомые или подруги, совершенно не обращая внимания на мое полуобморочное состояние.

– Нет! Мне не снились сны... – шепчу я, прикладывая огромные усилия, чтобы взять себя в руки.

Богиня подходит к окну и всматривается вдаль.

– Ах, вид на Елисейские поля. Ох и Аид. Поймал птичку, посадил в клетку и всячески ее маринует. Что ж... – она обо-

рачивается ко мне и насмешливо тянет: – Прекращай дрожать! Я не верю, что повелитель мог выбрать настолько трусливую особу. Ты же его чем-то привлекла, раз уж он захотел тебя выдернуть из человеческого мира. А значит, явно не за трясущиеся коленки. В тебе, должно быть, скрыта немалая сила. Загляни в себя, Персефона.

Ее голос обволакивает спокойствием и возвращает мое сознание в относительно нормальное состояние. Что значит «заглянуть в себя», я не знаю, но страх практически проходит.

Богиня кивает, довольная эффектом своей речи, и добавляет:

– Сегодня ты впервые посетишь нашего хозяина. Я здесь, чтобы объяснить тебе, что ты должна будешь делать. Присьдь. Тебе рассказали, в чем твое предназначение здесь?

Я присаживаюсь на краешек кровати и спрашиваю:

– Разве я не должна просто отдавать свою жизнь ему? – язык не поворачивается назвать по имени своего похитителя, которого я ненавижу с каждой минутой все сильнее.

– Да, верно. Но ты знаешь, как это происходит? – лукавых огоньков в глазах Гекаты становится больше.

Я качаю головой.

– Лучше всего пить энергию через физический контакт. И чем ближе контакт – тем больше энергии можно выпить, – взгляд ее рассеивается, и она облизывается. Но спустя мгновение приходит в себя. – Но повелитель вряд ли решит осу-

шить тебя до дна. Раз уж ты здесь, он постарается сделать это медленно, растягивая удовольствие.

– Зачем ему это? Почему не сделать это сразу? – пишу я, чувствуя головокружение.

Спрашивать о том самом физическом контакте мне ужасно не хочется. Скажи она что-то постыдное, такое, чего у меня еще не было, я бы упала на пол и билась в истерике до тех пор, пока сама не испустила бы дух прямо тут.

– Ты не знаешь темных. Мы привыкаем к одному источнику, с каждым разом различая все больше ноток вкуса. Момент, когда человек превращается в тень – последняя капля жизни, – как правило, звучит самым ярким аккордом. Но для того чтобы ощутить его, нужно испить всю гамму чувств этого человека.

– Когда ты меня к нему отведешь? Сейчас? – перевожу я тему в надежде, что у меня еще есть время.

– Нет, Перси! Ни в коем случае! Ты себя видела в зеркало? Разве это вежливо – появляться в таком виде перед повелителем? – возмущается Геката.

– Ну да, мы тоже моем фрукты перед употреблением.

– Что? – Геката непонимающе хмурится.

Я молча качаю головой.

– Что ж, тогда пошли! – радостно восклицает женщина и тянет меня из комнаты. Она приводит меня в большую комнату, отделанную голубым мрамором. Там нас ждут три девушки. Сначала мне кажется, что это такие же, как я, люди,

попавшие сюда для того, чтобы питать темных, но, подойдя ближе, я начинаю сомневаться. У незнакомок странного зеленоватого оттенка волосы и глуповатые выражения на лицах. Не успеваю я спросить, кто же это такие, как слышу слова Гекаты:

– Это Нимфы: Лори, Минту и Гелея. Они помогут тебе привести себя в подобающий вид. Ну а я, пожалуй, вернусь позже, – с этими словами Геката растворяется в откуда ни возьмись возникшем черном тумане, а я обреченно оборачиваюсь к девушкам.

Практически до вечера меня намывают, натирают маслами и плетут из волос дивные косы. Я пытаюсь поговорить с нимфами, но они лишь глупо хихикают в ответ на мои вопросы. Геката возвращается, как и обещала, к вечеру.

Удовлетворенно рассмотрев меня со всех сторон, она улыбается, словно сытая кошка.

– Ты прекрасно выглядишь, Перси! Хозяин будет доволен. Пойдем!

Длинное лиловое платье нежно шелестит, поглаживая шелком мои голые ноги. Обувки мне не дали, но отполированная лестница приятно холодит ступни. Волосы мне собрали в замысловатую прическу, расплести которую самой у меня, кажется, никогда не получится. Я впервые выгляжу настолько привлекательно, и от этого мне становится неуютно. Всю жизнь я пряталась за широкими безликими свитерами и джинсами, а теперь все мои изгибы слишком вызывающе

подчеркнуты тонкой тканью открытого платья.

– Это больно? – спрашиваю я, когда мы идем по темным коридорам в другое крыло.

– Нет, глупышка! Это приятно! В момент... соприкосновения люди чувствуют небывалое счастье. Ты еще сама будешь просить отвести тебя к Аиду...

– Что ты такое говоришь? Вы же убиваете! Как это может быть приятно? Я видела, что происходит с теми людьми, энергию которых недавно пили. Они превращаются в стариков!

Геката, ни на миг не замешкавшись, лениво отвечает:

– Да, есть в этом маленький недостаток. Но не беспокойся. Ты не успеешь заметить, как из тебя уходит жизнь. Это великая честь – быть испитой самим повелителем.

– Да вы все здесь ненормальные... – с ледяным укором цежу сквозь зубы. Но Геката лишь беззаботно улыбается одним уголком губ и открывает дверь, возле которой мы остановились.

– Удачи, птичка! – тонким голоском поет она, подталкивает меня внутрь и закрывает за мной дверь.

Я чувствую, будто меня запустили в клетку со львом и сказали, что мне нужно всего лишь его покормить, но при этом не погибнуть. Что ж, если я хочу выбраться отсюда, мне нужно очень постараться сделать для этого все, что в моих силах.

Глава 8

В комнате темно и тихо. Я замираю у самого входа и осматриваюсь. Прыгающие блики от огня, находящегося где-то в глубине комнаты, рассеивают мрак. Я останавливаюсь, не в силах сделать ни шагу.

– Проходите, мисс, не стойте на пороге... – мягкий баритон окутывает меня приятным, неизвестным раньше томлением.

Это то, о чем говорила Геката? Невероятное притяжение темных, из-за которого я сама захочу отдать им все? Нет, я не поддамся! Ему придется смотреть в мои глаза, полные ненависти, когда он будет пить мою энергию. Надеюсь, ему не понравится.

Шагаю в глубь комнаты и вижу высокую спинку кресла, как в старых тавернах. Она полностью скрывает хозяина, и только рука, небрежно откинутаая на подлокотник, играет с ремешком какого-то украшения. Подойдя ближе, я замечаю, что это часы.

– Вы опоздали! – выдает мужчина, немного поворачивая лицо в мою сторону. – Люди должны более внимательно относиться к отмеренному им времени. Ведь вся человеческая жизнь, по сути, – одно мгновение.

– Я не знала времени, здесь нет часов... – говорю я, подходя ближе.

– А разве вы не почувствовали? – спрашивает он с едва уловимым удивлением в голосе, все так же глядя на огонь в камине. Это единственный источник света, и красные всполохи отражаются в колдовских глазах мужчины.

– Я не понимаю, что мне нужно было почувствовать?

– Прислушайтесь к себе, – советует Аид и подбрасывает часы. Они тут же исчезают, оставляя после себя странное мерцание в воздухе.

Я следую подсказке мужчины и понимаю, о чем он говорит. Все время, пока меня готовили, я чувствовала, будто опаздываю. Я не знала времени, не знала, когда меня ждут, доверив все сборы Гекате и тем нимфам. Но лично мои внутренние, биологические часы били полночь уже давно. Этот замок и эти земли обострили все мои чувства.

Теперь я ощущаю... Стоит мне закрыть глаза, и я могу с точностью до секунды назвать время.

– Я поняла тебя, – шепчу так тихо, что сама себя почти не слышу. Мне все так же страшно, но к этому прибавляется еще и злость.

– Как устроились, мисс Рейли? – спрашивает Аид будничным тоном, как будто мы на светском рауте, а не в самой преисподней.

Я переступаю с ноги на ногу и обхватываю руками голые плечи.

– Как будто есть какая-то разница! – шиплю, прежде чем успеваю подумать. Мне не хочется раззадоривать тигра, но

и молчать не получается. Это место вытягивает все, что пытаешься скрыть. Даже от себя.

– Вам не стоит со мной так разговаривать... – глухо рычит мужчина и миг оказывается возле меня. Он хватает пальцами мою шею и несильно, но довольно ощутимо сжимает.

– О, ну так убей меня прямо сейчас! Чего ждешь? – хриплю я.

– Нет, мисс Рейли, вы же этого не хотите! – насмешливо тянет Аид.

– Вы ничего обо мне не знаете! Может, я хочу умереть? – выплевываю едкие слова, но взгляд Аида опускается на свою руку. Я сама не заметила, как крепко вцепилась в нее ногтями, желая оторвать ее от своей шеи.

– Вы, люди, всегда любили высокопарные речи, но, когда доходит до смерти, вы деретесь хуже чертей и визжите как свиньи!

Он отпускает меня и отворачивается. Я растираю шею и смотрю на его спину исподлобья.

В Аиде есть нечто такое, что недоступно простым людям. В темном омуте, скрытом за дорогой одеждой и хорошими манерами, живет нечто, до сих пор не показавшее в полной мере свои клыки. Я не хотела бы когда-либо увидеть эту тварь, рычание которой я сейчас слышала в голосе Аида. Меня вполне устраивало, что оно не стремится наружу, и я не хотела его дразнить.

– Все хорошо! – я стараюсь не делать бурю в стакане. –

Ирида отвела меня в башню, а Геката собрала к сегодняшнему... визиту. Мне понравился вид из окна... – зачем-то добавляю и закрываю рот.

– До вас там никто не жил. Вид на Елисейские поля – это привилегия, которой не каждый достоин. Но постарайтесь не смотреть туда не слишком часто, иначе вам захочется покинуть замок быстрее положенного. А мне бы этого не хотелось, – отвечает Аид, немного успокоившись.

Естественно, ему бы этого не хотелось. Чем больше энергии из меня можно высосать, тем лучше. Кому ж охота отпустить птичку в рай.

Мужчина отходит на пару шагов и поворачивается ко мне. Только сейчас я полностью вижу, во что он одет. На нем черные брюки и белая рубашка, рукава которой закатаны по локти, оголяя тонкие, но крепкие запястья. Он складывает руки на груди и подходит вплотную ко мне. Я поднимаю глаза и смотрю прямо на него. Молчание длится всего несколько минут, но за это время я успеваю хорошо рассмотреть Аида. Он, заметив мой интерес, не мешает мне и молча наблюдает за реакцией. А может, сам о том же думает.

Меня злит то, что я нахожу его красивым. Черные волосы зачесаны назад и собраны в короткий хвост, несколько темных прядей выбились из пучка и свисают по обе стороны бледного лица. Тонкий нос и широкие брови вразлет подсказывают мне, что передо мной очень жесткий, нетерпимый мужчина. Чувственные губы с чуть более пухлой ниж-

ней немного смягчают образ. Меня привлекает небольшая аккуратная щетина, которую хочется ощутить под пальцами.

Я сжимаю кулаки, чтобы не дать волю своему любопытству. Но самое притягательное – это глаза. С этого расстояния я вижу, что они не черные, как казалось раньше. Как я вообще могла так подумать? Они серые, как сталь, но из-за тьмы, которая окружает радужку, выглядят гораздо мрачнее. Но взгляд его по-прежнему пугает до смерти. Теперь я понимаю почему. Ведь этот мужчина и есть сама смерть.

– Вы очень красивы... – произносит Аид, и я вновь ощущаю, как меня обволакивают низкие, но мягкие и тягучие нотки его голоса.

Пытаюсь отстраниться. Кажется, не только я предавалась любопытству. Аид тоже внимательно изучал мою внешность.

– Красивых приятнее пить? – грубо задаю я вопрос, уже даже не пытаясь сдерживать свое отношение. Все равно ничего не выходит. Все равно он рано или поздно меня убьет, так ради чего молчать? Моя обычная тактика в сложных ситуациях здесь не сработает. Я точно знаю, что умру. Умру от рук этого...

Аид наступает на меня, грозно глядя из-под густых бровей, внутри все сжимается, и я делаю шаг назад.

– Приятнее пить счастливых! – шипит мужчина. – Добрых и солнечных! Искренних и тех, кого не мучает совесть!

Аид практически нависает надо мной всей своей яростной мощью.

– А вас самих совесть не мучает? Вы убиваете невинных! – отступаю еще на шаг.

– Никогда. Мы всегда даем выбор! Невинных людей среди них нет! – шаг на меня, и я упираюсь в стену.

– Но мне вы не дали выбора! – выкрикиваю я, отчаянно вжимаюсь в стену и понимаю, что дальше отступить некуда.

Аид опирается на стену. Расположив ладони по обе стороны от моего лица, он словно запирает меня в клетку, и прищуривается:

– Вы слишком молоды и слишком наивны, мисс Рейли! Знаете, сколько я праведных здесь встречал? Сколько благочестивых прошло через мой суд? Я видел, как они молились и носили кресты. Отдавали все на благотворительность и вели аскетический образ жизни. Они искренне считали, что таким суд не нужен, они достойны Элизиума. Но я видел их прогнившее нутро. Открывая карты их судеб, я знал, что увижу там, и никогда не ошибался. И знаете, где они теперь?

Последние слова Аид прошипел мне в губы. У меня не было возможности ответить, и я лишь покачала головой.

– Все они отправились в Тартарары! Вот так я с ними обхожусь! Когда-то самые святые на Земле сейчас кормят своими скелетами из шкафа пятидесятиглавую Гидру, и еды ей хватит на несколько столетий. Можете мне поверить. Так кого вы защищаете?

– Я лишь хочу справедливости! – вздергиваю нос.

Это оказывается моей ошибкой. Наши губы соприкасают-

ся, и я лечу в бездну.

Вам знакомо то чувство, когда летишь вниз, воздух забирает ноздри и дышать становится практически невозможно? Я ощущаю именно это. Сейчас, целуя Аида, я понимаю то, о чем говорила Геката. Я с бешеной скоростью несусь в бездну, зная, что вот-вот разобьюсь. Но меня охватывает не страх, а восторг. И боюсь я только одного: что никогда больше не испытаю такого всеобъемлющего чувства. Я буквально ощущаю, как каждая клеточка моего тела теряет силу. Как радость и счастье уходит из меня, но пустота тут же заполняется чем-то иным, темным. И это меня ни капли не пугает, наоборот – я наконец-то чувствую себя живой как никогда. Словно прохладный ветерок дует на раскаленную солнцем кожу. Словно насыщенный день сменяется нежностью и спокойствием сиреневой ночи. Я парю в невесомости.

Аид разрывает поцелуй и зовет кого-то, но я не в состоянии мыслить. Сейчас я – это он. Мне хочется еще и еще, я тянусь к его губам, но мужчина меня останавливает.

– Аид, пожалуйста... – шепчу я слова, едва ли понимая, что они означают.

– Не думал, что все так выйдет... Отдохни, Перси... – доносится его шепот будто бы откуда-то издалека. До меня не сразу доходит, что он впервые назвал меня по имени.

Мне становится жарко. И следом сразу холодно. Я должна была упасть, но понимаю, что он держит меня на руках. Нежно гладит по волосам. Это так на него не похоже. Но по-

чему он не хочет испить до дна? Я же чувствую, что ему, как и мне, это необходимо.

– Ирида, скорее! – рычит Аид, и я проваливаюсь в небытие, напоследок выхватывая помутневшим зрением радужные блики на стенах.

Прихожу в себя я долго и мучительно. То и дело выныривая из сна, прошу согреть меня. Укутываюсь в несколько одеял, но это не помогает. Я как будто превращаюсь в айсберг и тону в арктических водах. До этого я не осознавала, насколько сильно ненавижу холод. Он разрывает меня на части, и я молю сделать хоть что-нибудь, но с этим мне приходится справляться в одиночку. Моментами мне хочется поджечь себя, лишь бы ощутить хоть каплю тепла. Я падаю куском льда в пропасть забвения, снова и снова разлетаясь на тысячу мелких осколков.

Наконец-то мое тело начинает оттаивать. Я не знаю, сколько времени прошло, но я наконец-то могу открыть глаза и не потерять сознание в ту же секунду. Возле меня никого нет. Приподнимаюсь и откидываю три толстых одеяла. Готова поклясться, что мое тело обуглилось, но, осмотрев себя, вижу, что кожа выглядит розовой и сияющей, какой никогда раньше не была. Подавляю вдох и слышу едва ощутимое потрескивание воздуха. Устремляю взгляд в направлении звука, и в тот же миг на том месте появляется Геката.

– К чему был прошлый визит через дверь, если ты можешь появиться из ниоткуда? – хриплю я и устало падаю обратно

на кровать.

– Повелитель позволил мне материализоваться прямо сюда, пока я буду за тобой ухаживать, – спокойно выдает девушка и подходит ко мне. – Как ты себя чувствуешь? Тебе легче? – интересуется Геката и присаживается на кровать рядом со мной.

– Что со мной случилось? – задаю я встречный вопрос, на который знаю ответ. Это все он! Их чертов повелитель! Он чуть не убил меня, а я и рада! Готова была сама падать ему в ноги, лишь бы он забрал все.

– Соединение с темной энергией... – говорит Геката. А видя мое непонимание, добавляет: – Можешь называть это алхимией, если тебе будет проще воспринимать в таком виде. Потому как человеческими словами тебе никто не сможет достоверно объяснить весь процесс взаимообмена света и тьмы.

– Так будет всегда? – спрашиваю, точно зная, что девушка поймет, что я имею в виду.

Но она лишь смеется, будто я сказала что-то смешное, и говорит:

– Нет, глупышка! Так бывает только в первый раз. По крайней мере, тебе больше не будет холодно. Теперь ты часть этого мира.

Геката начинает петь о прекрасном подземном царстве, но меня все больше бросает в дрожь. Я не хочу быть частью этого мира! Я хочу домой! Моя жизнь там! Возле мамы и

друзей!

– Что будет дальше? – интересуюсь я, пряча дрожащие руки под одеяло.

– Тебе будет все так же хорошо после каждого кормления. Ты будешь все так же терять сознание, но раз за разом забыть будет длиться все дольше и дольше, пока однажды ты не превратишься в тень.

Жестокие слова, сказанные радостным голосом, еще раз подтверждают, что я должна бежать. И как можно скорее. Аид не станет медлить. Однажды он не остановится, когда я попрошу его выпить меня до дна, и для меня все будет кончено. Я должна вернуться к маме. Без меня она не сможет.

– Когда следующее кормление? – спрашиваю я.

Геката усмехается:

– Не терпится снова оказаться в руках повелителя? Понимаю... Но лучше называй это алхимией, так будет приятнее и тебе, и нам.

Да уж, главное, чтобы было приятно. Я не хочу разубеждать ее в догадках и вымученно улыбаюсь в ответ.

– Как придешь в себя. А пока набирайся сил. Думаю, через несколько дней хозяин пошлет за тобой.

– Мужчины тоже целуют других мужчин, чтобы испытать их жизнь? – выдаю вопрос, глядя в упор на Гекату. И откуда у меня только взялась смелость?

– Нет, только мужская и женская энергии могут сливаться во взаимный энергообмен. Ты же не думала, что только

ты отдаешь? Аид поделился с тобой тьмой, восполняя твой утерянный свет. Просто люди не могут выносить этого долго. Ваше тело разрушается, полностью превращаясь в тень.

– Я почувствовала его тьму. Но что насчет тех парней, которых отправили за мной?

– А что с ними? – удивилась Геката.

– Они забрали жизненные силы как минимум у двоих мужчин и девушки, – рассказываю я, чувствуя, что нащупала что-то важное.

Геката улыбается, но в глазах проблескивает настороженность.

– Хозяин не разрешает нам питаться на земле. Особенно если это люди того же пола. Это неминуемо приведет к смерти. Смею предположить, что те мужчины не выжили.

– Так и есть, но я хотела спросить...

– На сегодня достаточно вопросов! – перебивает меня она и спешно уходит, снова воспользовавшись дверью.

Надо же, она чем-то озадачена? Или те двое действительно сделали что-то непростительное? Значит, Аид не врал и они и правда не убивают? Это мои похитители решили просто развлечься?

После ее ухода на тумбочке появляется горячий обед, но я не спешу к нему притрагиваться. Хочется заморить себя голодом. Хочется не видеть никогда Аида и Гекату. Но я не могу себе этого позволить. Мне нужны силы, а значит, я должна есть. И как только я почувствую, что пришла в себя, – смогу

сбежать отсюда.

Я хватаю поднос, заботливо оставленный Гекатой, и набрасываюсь на пищу. Еще никогда еда не была для меня настолько вкусной. Как будто я голодала несколько дней, а то и недель, что, возможно, было недалеко от правды. Мое внутреннее ощущение времени говорит, что я права. Пока желудок принимает пищу, голова непрестанно думает обо всем, что произошло. Меня удивляет изменчивость Гекаты. В прошлый ее визит она показалась мне серьезной и не склонной к легкому общению. В ее словах были насмешка, ирония, но никак не озорство. Сейчас я увидела совсем другую девушку. Если б я не знала, что это точно она, то подумала бы, что передо мной другое божество. Чуть позже я пойму, почему она такая разная, а пока я могу думать только об одном: как сбежать из этого проклятого мира.

В голове кружатся странные мысли: я еще ни разу не слышала о том, чтобы кто-то вернулся из царства мертвых в мир живых. Хотя, может, если сюда попадают по доброй воле, то и сбежать нет смысла? Или же выхода из этого замка в принципе не существует? Но я все же решаю попробовать! Хуже уже точно не будет! Если меня не съест какое-нибудь чудовище, живущее в этих стенах, то наверняка убьет сам Аид.

Глава 9

В этом месте совершенно нет солнца. Тот рассеянный свет, который падает с неба, превращает утро в розовые сумерки, но как такового рассвета не наступает. Ночное небо над замком меняет тысячу оттенков красного, закутывая меня в уныние, словно в шаль. Только над Елисейскими полями царит вечное утро. Яркие лучи солнца пронизывают сочную зелень, оседая где-то там, внизу. Так невероятно далеко и так близко.

Пока я набираюсь сил, мой план с побегом откладывается. Я бесконечно гляжу из окна, как зачарованный ребенок. Иногда ловлю себя на мысли, что не хочу никуда уходить. Что мое предназначение здесь – отдать свою жизнь Аиду и, превратившись в тень, парить над благословенными землями, чувствуя лишь покой и умиротворение. В такие моменты мне приходится одергивать себя и вспоминать, ради чего я должна вернуться на поверхность. Но бывало и такое, что Гекате приходилось оттащить меня от подоконника и приводить в чувство. Как бы маняще ни выглядели те земли, мне все же не следует так засматриваться на них. Моя человеческая психика не сможет выдержать всего этого и однажды сломается. Но почему Аид решил поселить меня именно здесь? Этот вопрос я задала Гекате, как только она появилась в следующий раз.

– А ты разве не заметила? – певуче произносит девушка и ухмыляется уголками губ.

– Не понимаю, о чем ты!

Мне надоело, что она отвечает вопросом на вопрос. К чему столько загадочности? У меня и без этого голова кругом идет.

– Вглядываясь туда, ты понемногу возвращаешь себе силы.

– Тогда почему я еще не здорова? К чему это все? Может, если я буду достаточно долго смотреть на этот рай, мне и умирать не придется? – резонно спрашиваю я.

– Если ты будешь долго черпать энергию Элизиума, ты сойдешь с ума, дорогая моя. Твое человеческое тело и психика выдерживают лишь малую долю того, что может дать тот мир. Это разрушительная сила. И для живых она губительна не меньше, чем темная сила Аида.

– Понятно... – хмурюсь я, оттого что ничего не понятно. – Когда следующий визит? – меняю тему. Начинает болеть голова от нескончаемого потока рвущихся наружу вопросов.

– Завтра в полночь. Я приду раньше, чтобы подготовить тебя! – Геката собирается уходить, но я ее останавливаю.

– Мне можно отсюда выйти? Я устала сидеть в четырех стенах! – капризно надуваю губы. Мне не хочется никуда выходить, но, надеюсь, девушка не заподозрит, чем вызван мой интерес.

Она останавливается и улыбается. Сегодня меня посетила

игривая Геката. Я успела заметить уже три разных состояния этой девушки, и они диаметрально отличаются между собой. То она хмурая и серьезная, не терпящая возражений. Иногда таинственная и огненная. Сегодня же она легкая и веселая – именно поэтому я выбрала этот день, чтобы расспросить ее о как можно большем. Только действуя таким образом, я получу шанс получить нужную информацию и при этом не быть разоблаченной.

– Ох, птичка моя... – Геката подходит к окну и проводит по подоконнику длинными пальцами. Каждое ее движение напоминает танец. – В этом замке живет множество разных... существ, с которыми тебе лучше не встречаться.

– Но почему? Если хозяин приказал меня не трогать, то какая может быть для меня опасность в этих стенах? – продолжаю стоять на своем, вперившись в нее взглядом. Мне нужны эти ответы.

– Не все такие послушные. Темные – народ свободолюбивый. А запреты иногда воспринимают как руководство к действию, не боясь даже за свою прогнившую шкуру. Так что если ты сама не умеешь за себя постоять, то, боюсь, тебе не выжить. Некоторые существа понимают только язык силы.

– Расскажи о них! Кто здесь живет?

Я задаю вопросы, а сама сжимаюсь изнутри, страшась, что сейчас Геката поймет, к чему весь мой интерес, и закончит разговор. Или же еще хуже – запрет меня и доложит обо всем Аиду. Но она продолжает расхаживать по комнате и вальяж-

но, словно плывет по воздуху, взмахивать кистями рук. Ее движения изящны, а голос как музыка.

– Прямо под твоей башней, ниже на несколько десятков лестниц, мои покои. Ох, как там хорошо. Из моего окна не видно Элизиума. Тучи и мрак царят в моей обители. Тысячи свечей разгоняют его, но он клубится змеями вокруг огненных чаш и книжных полок. Если бы ты зашла ко мне, то немало бы удивилась изобилию интересных и столь непривычных вещей для человеческого глаза.

– Как-нибудь зайду! – обещаю я, точно зная, что никогда не появлюсь в ее покоях. – А кто еще живет здесь?

– Еще в западном крыле обитают Танатос и Гипнос. У них тоже довольно интересно, но не жди, что они позовут тебя к себе. Братья очень замкнуты.

– Кто они такие? – по правде говоря, мне было интересно, представляют ли они для меня какую-то опасность. Но Геката продолжила рассказ в своей манере:

– Их место обитания мало похоже на твое или мое. Там нет привычных нам вещей. Только яркий свет жизненных нитей, которые тянутся через весь зал, утопая во мраке углов. Именно они обрывают жизни, когда приходит час. Их обиталище покрыто пологом тишины и неприкосновенности. Не каждому удавалось и одним глазком увидеть, как вершатся судьбы. Даже я была у них всего раз, но запомню этот визит на всю жизнь. Ведь вмешавшись в этот процесс, можно нанести непоправимый вред мирозданию и повергнуть его в

хаос, – благоговейно произносит девушка и театрально взмахивает рукой.

– Это так интересно, расскажи еще! – словно ребенок прошу я, отмечая про себя, что эти двое не станут мне помехой.

Геката улыбается:

– Прямо в середине нашего замка находится его сердце. Главный зал. Вершина правосудия. В нем Аид с верными мудрецами Радамантом, Миносом и Эаком вершат суд над пришедшими душами.

Значит, и это мне не опасно. Главное – проскользнуть мимо, не останавливаясь посмотреть.

– А те двое, которые меня притащили сюда? – осторожно копаю я дальше.

Нахлынувшие воспоминания о тех головоломках неприятно зацепили мое лицо, заставив скорчить гримасу некоего отвращения с недовольством. К счастью, Геката этого не заметила. Лицо ее утратило былую легкость, и она повернулась к окну, уставившись на розовые тучи.

– Босавин и Гадриель? Ох, они обитают в восточном крыле. Это приближенные слуги нашего хозяина. Они практически всегда подле него и выполняют самую грязную работу, – Геката немного скривилась, и я угадала в этом жесте пренебрежение. Похоже, не только мне не понравились эти парни.

– Кто они? – я смотрю тоже на небо, краем глаза подмечая эмоции собеседницы.

– Демоны, чтоб их гидра сожрала!

Настроение девушки начало портиться, потому я решаю не давить, чтобы не терять ее расположения, и задумчиво хмыкаю.

– Что-то я заболталась. Пора идти. Отдыхай! – Геката взмахивает цветастой юбкой и, не прощаясь, исчезает, оставляя меня в глубокой растерянности. Я уверена, в замке обитает намного больше темных и более опасных, чем она успела рассказать. Но также я поняла, что Геката о них не рассказала намеренно. Она что-то почувствовала; или же ее настолько раздражают те двое, которые меня похитили? Что ж, меня тоже не обрадовало их появление в моей жизни. И кажется, мне придется бежать прямо сейчас, не зная всего, что может меня поджидать на темных лестницах подземного замка.

Как только сумерки спускаются на замок, а в комнате зажигаются свечи, я иду к шкафу и ищу свою одежду. Нужно сделать все быстро, ведь с минуты на минуту может прийти Геката. Одежды, в которой я попала сюда, нигде нет, но я смогла найти удобное платье. Оно облегающее и длинное, но сделано из теплой тянущейся ткани. Как раз то, что нужно, чтобы было удобно бежать.

Надеваю его на голое тело, в очередной раз сетуя на то, что мне не оставили даже белья. И правда, зачем, если ты всего лишь корм. Кукла, которую к тому же регулярно моют и причесывают. Вздохнув, я нахожу шпильки на туалетном столике и подкалываю длинные пряди, чтобы не мешались.

Смотрю в зеркало. Зеленые глаза бьют переливами лихорадочного блеска. Ищу в них блики свечей, но понимаю, что их нет. Мои глаза изменились. Я вижу, что и сама изменилась, но не хочу этого признавать. Я вернусь домой, и все будет по-прежнему. Я обязательно все забуду, как страшный сон. Только бы вернуться.

Бросаю последний взгляд в зеркало и желаю себе удачи. Медленно выхожу из спальни и иду к лестнице. Коридор в моих покоях тих, и только свечи зажигаются вслед неслышным шагам босых стоп. Кладу ладонь на кованую ручку и молюсь, чтобы дверь в общий холл оказалась не заперта. Но та вспыхивает, миг вырываясь острыми лучами света сквозь мои пальцы. Я вскрикиваю, ожидая адской боли от ожога. Но ничего не чувствую. Смотрю на ладонь: розовая и гладкая. И тут же слышу скрип. Это дверь открылась в ожидании, когда я осмелюсь выйти. Аид не запер меня? Это значит, что он мне доверяет или же... ему все равно? Почему-то последняя мысль кольнула в сердце, но я постаралась выбросить ее из головы. Все, что мне нужно, – это выбраться из этого места. Я попала сюда через нижний зал. И, насколько понимаю, там должен быть выход. Но кто-то же его охраняет? Даже думать об этом было страшно, поэтому я решаю для начала добраться туда, а там пусть хоть сжигают.

Я выхожу на лестницу и смотрю вниз. Тьма скрывает несколько десятков пролетов, и кажется, что подо мной настоящая бездна. Ступив на верхнюю ступеньку босыми но-

гами, я ощущаю холод и желание бежать быстрее, но беру себя в руки. С каждым шагом все больше прислушиваюсь к окружающим меня звукам, но неестественная тишина пугает сильнее, чем рычание и лязг зубов, как из моего недавнего сна. Я словно снова попадаю туда, только уже по-настоящему. Меня обволакивает ощущение, что сон обрел очертания, и по мере моего погружения во тьму это ощущение только укрепляется. Свечи отбрасывают тени на темно-коричневые перила, но совершенно не дают света. Мне кажется там, внизу, меня ждет кто-то или что-то, что подарит мне откровение, которого я ждала всю жизнь. Страх не уходит, лишь уступает место странному притяжению. Я чувствую, как трясутся мои колени, спину покрывает холодный пот, словно я оказалась в ожившем кошмаре, но не могу остановиться. Я шаг за шагом спускаюсь прямо в ад.

Никого нет. Но я чувствую их. Невидимых наблюдателей, что смотрят за мной, как за крысой в клетке. Смотрят и злобно ухмыляются, потирая руки. Им нравится наблюдать за попытками жертвы избежать расправы. Они знают, что выхода у меня нет, и просто наблюдают. Я же продолжаю путь, храня в груди лучик надежды.

Я не заметила момента, когда начала слышать шепот. Может, и с самого начала своего пути, но сейчас он отчетливо выделялся на фоне тихого потрескивания свеч и прочих едва различимых шорохов.

– Перси-и-и... – слышится шипение откуда-то издали.

Верчу головой, пытаюсь найти источник звука и понять, кто меня зовет. Но как только я пытаюсь на нем сфокусироваться, голос рассеивается, словно дымка. Может, всему виной мое воображение? Или кто-то ловко играет со мной?

Шепот повторяется, и я невольно ускоряю шаг. Я прошла уже десятки пролетов, но так и не встретила никого из обитателей замка. Кажется, они идут по пятам, но я их не вижу. Но как только я успеваю это отметить, до моих ушей доносится странный звук. Это звон? Или скрип? Ясно лишь одно: эти звуки заставляют каждый волосок на моем теле встать дыбом, потому как предмет или существо, издающего его, я даже не могу вообразить.

Я спускаюсь ниже и оказываюсь перед массивной дверью. Она огромна. Вершина железных створок утопает во мгле. Меня что-то манит зайти. Как будто за ней скрывается тайна, которую мне необходимо узнать. Без которой я не смогу жить дальше. Не в силах сопротивляться, я иду к ней. Тело слушается и повинуется странному зову, а сознание кричит, чтобы я убиралась. Но я проигрываю этот бой и кладу руку на массивную ручку.

Из-за двери раздается нечеловеческий крик, и меня отбрасывает к противоположной стене. Я готова завопить, как ребенок. Готова бить руками и ногами о пол, лишь бы остановить это. Я чувствую всю эту боль на себе. Меня как будто режут по живому. Вопль отчаяния не прекращается, проникая в каждую клеточку моего тела и разума. Я не в силах

выносить муки, сквозящие через эту дверь. Они пропитывают меня отвратительным запахом. Окутывают душным облаком. Я даже ощущаю этот противный вкус на языке, но не могу понять, что это.

– Перси-и-и... – снова странное шипение. Этот голос возвращает меня к реальности, и тут до меня доходит: это просто чувства. Кто-то за дверью страдает, а в этом замке слишком обостряется восприятие. И то, что меня накрывает, – не что иное, как отголоски чьей-то агонии. За этой дверью находится главный зал. И сейчас там идет суд. Осознание этого – словно удар молота по голове. Попятившись к ступенькам, я не оборачиваясь бегу вниз. Мне хочется избавиться от липкого привкуса стыда, избавиться от забивающего ноздри сожаления. Мне не о чем жалеть, это не мой суд, мне нечего стыдиться. Голова проясняется, лишь когда я пробегаю несчетный лестничный пролет, но продолжаю бежать, не забываясь о шуме, который издаю. К черту все! К черту подземное царство и суд! Гекату и нимф! Энергию света и тьмы! К черту Элизиум! К черту Аида!

Я не замечаю, как начинаю плакать. Если бы не слезы, я бы увидела старика впереди, но было слишком поздно, когда я врезалась в его грудь. Мужчина для своего возраста оказался достаточно крепок. Он аккуратно ставит меня на ноги и, не отпуская, смотрит прямо в глаза. Я ожидаю, что старик схватит меня, затем как-нибудь сообщит Аиду о том, что я сбежала, но он лишь зачарованно взирает на меня, не выра-

жая никаких эмоций.

– Славный цветок Аида... – его шепот еле слышим. – Зелень Елисейских полей в ее глазах.

Я не понимаю, с кем он говорит. Хоть его безумный взгляд не отрывается от меня, он как будто говорит в пустоту. Или сам с собой. И это пугает до мурашек.

– Можно мне уйти? – прошу я, едва шевеля губами, не надеясь, что он даст мне сделать это.

Глаза старика напоминают орлиные. Маленький зрачок зорко высматривает любое мое движение, и я бы увидела ярко-голубые радужки, если бы не та пелена, которая окутала их белым покрывалом. Старик молчит, затем улыбается. Но эта улыбка не добавляет доброты его лицу, лишь делает его еще более безумным.

– Цветок не может сбежать с земель, на которых вырос. Здесь его корни... – загадочно произносит незнакомец.

Я не успеваю спросить, что это значит, как остаюсь одна. Старик исчезает, будто его никогда и не было. А я оглядываюсь и вновь пускаюсь бежать. Мне некогда задумываться над его словами и странным исчезновением. Он отпустил меня, это главное. Вот я уже ощущаю, как ступени под моими ногами становятся шершавыми, а в воздухе появляется запах сырости. Чувствую, что я уже почти на месте. Неужели у меня все получилось? Но как только я об этом думаю, за спиной раздается шипение:

– Отдай мне его!

Старуха подкралась ко мне сзади. Ее седые редкие волосы спутанными прядями падают на лохмотья, в которые завернута незнакомка. Лица практически не видно. Скрюченные пальцы тянутся ко мне, а беззубый рот открывается в неистовом крике:

– Отдай мне его! – громче восклицает она, а я не могу сдвинуться с места. Все мое сознание вопит, что нужно унести ноги, но они будто приросли к полу.

– Кого «его»? Что вам надо? – кричу я, безуспешно пытаюсь вырваться из невидимых пут.

– Твое дитя! – шипит змеей ведьма и подходит ближе.

– Нет у меня никакого дитя! Отпусти, старая карга! – кричу я не сдерживаясь. Здесь все сошли с ума! И я сойду, если немедленно не уберусь отсюда! Я не могу здесь находиться больше ни секунды!

– Ты отдашь мне его, правда? – жалобно спрашивает старуха, и я необдуманно киваю. Ее резкая смена настроения пугает еще больше. Она видит мое согласие, и безумный смех разливается по всему коридору, спрыгивает по ступеням, словно мячик.

Волосы на голове становятся дыбом от этого звука, но у меня наконец-то получается вырваться. А может, старуха просто решила отпустить меня?

Я срываюсь с места и без оглядки бегу по пологому спуску. Но оступаюсь. Падаю и качусь вниз, слыша, как рвется мое платье, а тело пронизывает жуткая боль, словно в каж-

дую клеточку впиваются мириады острых игл. Последним
мои уши настигает хруст ломающихся костей.

Глава 10

Мое тело ноет от боли, но я заставляю себя подняться. Чувствую, что все вот-вот закончится. Силы на исходе, а каждый шаг отдает болью, но я продолжаю идти. Передо мной предстает еще одна дверь. Она поменьше, чем та, что встречалась ранее, но я понимаю, что достигла цели. Это вход в тот зал, через который я попала в замок. Именно через нее Ирида повела меня наверх, а значит, я практически выбралась. Осталась самая малость. Последний рывок.

Я делаю несколько несмелых шагов и приоткрываю створки. Петли еле слышно скрипят, но, кажется, звук разносится на несколько этажей выше. Оглядываюсь в страхе, что меня засекли, но нет, я по-прежнему в полном одиночестве. Чувство странного притяжения крепнет, практически оглушает. И я делаю шаг внутрь.

В помещении слишком темно. Плотная тягучая темнота, которую не в силах разогнать даже чаши с огнем, обволакивает меня. Она живая и как будто дышит. Пульсирует вокруг, вторя моему бешеному сердцебиению. Что это? Какой-то церемониальный зал, в котором любая сущность тонет во власти тьмы? Она здесь хозяйка, и ей хочется прощупать гостью на прочность.

Я слышу странное шипение, как если бы разворошила ногами клубок змей. Но упрямо иду туда, где виднеется выход.

Это точно он, я чувствую! Серая дымка в форме овала тянется от пола до самого каменного потолка. Она мерцает неоднородным зеркалом, словно за ней водопад. Ускоряю шаг. Вот она, моя новая жизнь, я выбралась! Я смогла!

Но как только я прикасаюсь к выходу, который идет рябью под моими пальцами, чудовище сбивает меня с ног.

Лязг зубов, разрезающий воздух возле моего уха, словно сабля, дикий необузданный рык. И вот я лечу на пол. Надо мной нависает жуткая оскаленная морда. Я срываюсь на крик. Горло начинает саднить, но тварь крепче впивается в меня когтями, не позволяя подняться. Тяжелой лапой прижимает к полу. Под его весом становится почти невозможно вдохнуть. Дыхание зверя забивает мои ноздри зловонием. Я узнала его. Это тот самый трехглавый пес из моего сна. Сейчас его слюна начнет капать на мою кожу, прожигая ее словно кислотой. Но я ничего не чувствую. Только когти, как острые стальные прутья царапающие мое хрупкое тело. Платье порвалось, не сумев защитить меня от его смертоносного оружия.

– Не трогай меня! – слова вылетают вперемешку с воплями, но пес не реагирует. Я чувствую его звериную радость. Он загнал кролика, пытающегося убежать, и ликует. Смотрит на меня своими желтыми горящими глазами и растягивает момент победы.

– Оставь меня! Не трогай! Не трогай! – не унимаюсь я. Истерика накрывает с головой. Я кусаю животное за лапу.

Оно рычит и готово сомкнуть свои челюсти на моей шее. Сорванные связки пропускают только хрип. Я зажмуриваюсь и жду смерти, но слышу голос:

– Это было смело, не так ли, Цербер?

Не открывая глаз, я узнаю бархатистый голос. По моему лицу катятся слезы. Соль опалает царапины на щеках, но я не могу остановиться. Слышу мягкое урчание и чувствую, как тяжесть с моего тела уходит. Чудище слезло, будто бы и не нападало вовсе, а лишь по-доброму игралось со мной. И я решилась открыть глаза.

Аид стоит возле меня и гладит пса по вздыбленной шерсти. Мужчина одет в стильный деловой костюм. Белая рубашка оттеняет смуглый треугольник кожи возле шеи, а взгляд устремлен на меня. Я бы подумала, что передо мной бизнесмен, а не князь подземного царства, но корона на его голове сделана из костей, а это не оставляет места для сомнений. Его настроение трудно понять, а взгляд совершенно нечитаем. Не понимаю, злится он или взбешен до края.

Я всхлипываю и сворачиваюсь клубочком у его ног. Сил подняться нет, я полностью раздавлена. Выход был так близко, но только теперь я поняла, что это была иллюзия. Мне ни за что не дали бы уйти. Просто наблюдали, смогу ли дойти до конца, хватит ли смелости...

Закрываю лицо руками и рыдаю, сознавая, что на этом моя жизнь завершена. Прости, мама, я сдалась. Я никчемная, ни на что не способная дочь. Прости, Молли. Подруга

из меня так себе. Ты нуждалась во мне, а я бросила тебя в самый страшный момент, когда была нужна тебе как никогда. Я всех предала.

Чувствую прикосновение, но никак не реагирую. Аид поднимает меня на руки и качает, как ребенка. Он гладит меня по волосам, скользит ладонями по обнаженному телу. Его дыхание опалает кожу и заставляет сжиматься все внутренности. Нежность в его движениях никак не сочетается с жестокостью его слов:

– Вы не убежите отсюда, Персефона. Я не отпущу вас! Я хотел посмотреть, хватит ли у вас смелости пройти весь этот путь. Вы были напуганы, но смогли.

– Зачем же ты оставил дверь не запертой? Чтобы наблюдать, как я буду бегать по замку в поисках выхода? Тебе доставляют удовольствие чужие муки?

Я пытаюсь отпихнуть его от себя, но мужчина лишь крепче прижимает меня к своему сильному телу.

– Нет, мисс Рейли, я узнал, что вы покинули комнату, когда вы уже подошли к главному залу. Я почувствовал ваш свет и решил проследить.

– Но дверь... – начинаю было я и замолкаю. Если он запер, то как у меня получилось?

– Вы не могли выйти! Я подумал, что вам кто-то помог сбежать. Только у Гекаты и Ириды была такая возможность... – задумчиво тянет Аид.

– Это не они! Я сама вышла! – быстро произношу я, не

желая, чтобы кто-либо понес наказание за мой побег.

– Этого не может быть, мисс! – упрямо твердит Аид. Я не знаю, что ему ответить. Меня разрывают противоречивые чувства.

– Отпусти меня... – хнычу я.

Но Аид меня не слышит. Он гладит мои руки и шепчет:

– Вы восхищаете меня, мисс! В вас скрывается то, чего я раньше в людях не встречал, и теперь, увидев это, я просто не смогу вас отпустить. Вы моя!

– Я не вещь! – хриплю сорванным голосом, но больше не отстраняюсь. Я вскидываю голову и смотрю прямо ему в глаза. Он отвечает напряженным взглядом, а руки замирают на моих бедрах. Ох, сколько всего в этих глазах. И как я могла подумать, что они ничего не выражают? Сейчас в них плещутся восхищение и злость, изумление и страсть. Я вижу, как некогда колючая сталь превратилась в бушующий океан. Серый и пугающий, но безумно манящий. Мне хочется броситься в эти волны. И пусть они меня погубят, но я хочу раствориться в них.

Широкие брови сходятся на переносице, изучая меня. Его ладони скользят по моим ногам, вызывая толпу мурашек. Я даже не знаю, от страха или желания. Когда его пальцы достигают внутренней стороны бедер, ощущая отсутствие белья, мужчина рычит и останавливается. Он закрывает глаза и хрипло спрашивает:

– Почему вы так хотите вернуться? Вам здесь плохо? – я

впервые услышала нотки замешательства в его голосе.

– Мама, она болеет. Только я могу ей помочь. Я должна вернуться, чтобы она могла жить.

Я вся дрожу, даже не пытаюсь скрыть этого. Выныривая из омота его глаз, я немного прихожу в себя и прячу лицо на его груди.

– А если я ей помогу? – Аид прочищает горло и продолжает, возвращая себе прежнюю уверенность в голосе: – Ваша мама останется жива.

– Как? – глупый вопрос слетает с моих губ прежде, чем я успеваю подумать.

Но Аид решает ответить:

– Мы можем не только отнимать, но и дарить жизненную энергию. Она будет жить, но вы больше никогда к ней не вернетесь. Не будете пытаться сбежать. Вы примете мой дар и ответите взаимностью. Вы согласны, мисс Рейли?

Я поднимаю глаза и не задумываясь киваю. Я знаю, что он не обманет. Вижу это по его глазам.

– Да! Если ты обещаешь, что ей больше не придется страдать!

– Я обещаю!

В руках мужчины появляется цепочка. На ней поблескивает рубиновый кристалл в форме капли.

– Что это? – я замороженно смотрю на безумной красоты украшение, даже не подозревая, что это мои будущие оковы.

– Это Зерно Граната. Возьмите его и наденьте, если при-

нимаєте мои условия. Вы действительно не должны расплачиваться за грехи своего отца, и я заключаю с вами договор. В обмен на вашу жизнь я подарю вашей матери возможность существовать еще очень долго – в рамках человеческого понимания этого слова.

– Хорошо! – киваю я, и Аид защелкивает замок цепочки на моей шее. Кулон вспыхивает и гаснет, а я обреченно понимаю, что добровольно подписала себе смертный приговор.

– А Молли? Что будет с ней? – сбивающимся голосом спрашиваю я.

Аид на миг закрывает глаза, будто бы думает. Его зрачки бегают под закрытыми веками, и я каким-то образом, совершенно непонятным для себя, понимаю, что он смотрит карту судьбы Молли. Точно так же, как он смотрел жизнь моего отца. Только тогда мужчина показал картинку и мне.

Аид открывает глаза и сощуривается:

– Ей я не могу помочь.

– Она жива? – уточняю я. Я была уверена, что она еще в Хэллоуин что-то с собой сделала.

– Пока да! Но ее душа полна тьмы. Тело ее сильное, а внутри все выжжено. Я не могу помочь в таких случаях. Это ее выбор.

– Пока жива... – тяну я оглушенно.

Слезы готовы вырваться наружу снова, но Аид отвлекает меня. Он ставит меня на ноги и окидывает изучающим взглядом.

– Я не могу понять, почему вы так о них печетесь? Это же просто люди! К тому же не самого лучшего порядка! Они мелочны, а поступки их вызывают отвращение. Почему вы готовы пожертвовать собой ради них?

– Потому что я их люблю... – шепчу я, опуская взгляд, но Аид мягко берет меня за подбородок и поднимает лицо.

– Мир не заслуживает вас, мисс Рейли. Теперь вы только моя!

Он накрывает мои губы поцелуем, и я чувствую ту самую алхимию. Нашу связь. Свет бьет из меня лучами, словно я солнце, но мне не становится плохо. Жизнь из меня вытекает капля за каплей, но я понимаю, что все правильно. Во мне нет пустоты. Тьма заполняет место моего света, и нет ничего более естественного, чем этот обмен. Мне не холодно, но меня бьет дрожь. Я снова вылетаю из реальности, окунаясь в чистое желание. Кажется, моя душа нашла свое предназначение. По крайней мере, сейчас я испытываю именно это.

В этот раз все по-другому. Аид прикасается к моей талии и скользит пальцами по бедрам. Нырять под разорванное платье и снова рычит. Слышу треск шелка. Остатки одежды падают к моим ногам. Но мне не холодно. Мое благоговение вызвано только его близостью.

– Моя... – шепчет Аид, прижимая голое тело к себе.

Я хочу почувствовать его кожу на своей. Она такая же гладкая, как его губы? Но тонкая ткань костюма мешает мне прикоснуться к нему. Словно свеча, я таю в его объятиях, а

скользящие по моему животу пальцы рождают внутри неведанные до этого желания. Сердце отбивает рваный ритм, и я осознаю, что должна вот-вот потерять сознание, как в прошлый раз, но этого не происходит. Мне хочется большего, чем просто поцелуй. Я дрожу под его пальцами, но Аид медленно отстраняется.

– Персефона... – его сокрушительный шепот говорит о чем-то плохом. – Я увлекся, вы слишком... вкусная. Невероятно притягательная. Но я не понимаю, как так вышло, что вы все еще в сознании? – глаза мужчины расширяются от ужаса. С ним такое впервые, но я в слишком странном тягучем состоянии, чтобы понять это.

– Какая разница, Аид? Пожалуйста, просто поцелуй меня снова... – я прошу его, молю, но он не слушает.

– Ирида! – крик доносится будто через толщу воды.

– Зачем ты меня отталкиваешь? – чуть ли не плачу я.

– Потому что не хочу, чтобы вы превратилась в тень раньше времени! Ирида! – снова рычит Аид в нетерпении.

– Она уже идет, разве ты не чувствуешь? – задаю я вопрос, фокусируясь на новых ощущениях. Радужное трепыхание приближается, но я его не вижу. Только откуда-то точно знаю, где сейчас Ирида.

– Я чувствую, но как это сделали вы? – Аид вскидывает брови и косится на вход.

– Я здесь, хозяин! – девушка забирает меня у замершего мужчины, и мы исчезаем под пристальным задумчивым

взглядом Аида.

Я не теряю сознание, мне даже не становится плохо, я просто парю в невесомости. Мы оказываемся в моей комнате, и Ирида аккуратно кладет меня на кровать.

– Почему ты в сознании, Персефона? – спрашивает она у меня, и с моих губ срывается смешок.

– Это и для меня секрет... – отвечаю я и прикрываю глаза.

Я чувствую, что радужное мерцание исчезает и я остаюсь одна. Откуда у меня эта способность? Мои мысли уплывают. Лишь остается ощущение, как крепкие руки прижимают меня к горячему телу, а я благодарно утыкаюсь носом в шею.

Мне это снится? Сил открыть глаза совершенно нет, но если это сон, то он прекрасен. Меня качает на волнах ласкового море с серыми глазами. И я засыпаю в колыбели его рук.

Глава 11

Пробуждение не такое болезненное, как в прошлый раз. Наоборот – я чувствую себя живой как никогда. Геката говорила, что с каждым разом мне будет хуже и хуже, но это оказалось неправдой.

Я медленно открываю глаза и потягиваюсь. Вспомнив свой сон, резко оборачиваюсь и смотрю на вторую половину кровати. Пусто. Значит, все же присутствие Аида мне принилось, но насколько же реалистично я его чувствовала! Я как будто пропитана запахом этого мужчины. Даже сейчас ощущаю покалывание кожи в тех местах, к которым он прикасался во сне, а волосы и подушка источают знакомый аромат. Цитрусово-мускусный, свежий и пряный одновременно.

Подношу кисть к носу и глубоко вдыхаю, закрывая глаза. Так и есть, я пахну им. Только как будто изнутри. Бросаю взгляд на окно. Темно-красные шторы не позволяют разобраться, какое сейчас время суток, хотя здесь его вообще сложно определить. Земные привычки все еще преследуют меня. Я добровольно согласилась на заточение с последующей смертью, так есть ли разница, что я больше не увижу солнца? Если ценой тому жизнь мамы, то, думаю, я сделала правильный выбор.

Мои мысли прерывает хлопок двери. Цитрусовый запах развеивается, сменяясь цветочно-медовым шлейфом, сооб-

щая о прибытии гостьи.

На пороге показывается Геката, и глаза ее горят праведным гневом. Такой взгляд на мне отработывали учителя или мама, когда я что-то вытворяла. И, надо сказать, вполне успешно заставляли меня хотеть провалиться сквозь землю. Но теперь мне некуда проваливаться, я уже под землей, потому этот взгляд не вызывает во мне ни смущения, ни какой-либо неловкости. Только раздражение, что ко мне вламываются вот так, словно я ничтожество. Ребенок, которого нужно отругать.

Я приподнимаюсь на локтях и устремляю на девушку уверенный взгляд. Сегодня ко мне пожаловала Геката в облики справедливости. Мое зрение играет со мной странную шутку: я смотрю, как богиня идет ко мне, и рядом с девушкой, словно два призрака, шествуют еще два ее лика. Они невесома, но невероятно похожи на Гекату. Слева, переплетая полупрозрачные пальцы в волосах настоящей богини, мерцает озорная сущность. Она на вид явно моложе, чем две другие, я бы сказала, она очень юна. Девчушка стреляет глазами по сторонам и игриво подмигивает мне. Справа хитро поглядывает Геката-ведьма. Эта женщина старше, практически старуха. Призрачные руки держат пучок каких-то трав, а глаза скрывают непостижимую тайну. Она смотрит на меня и загадочно улыбается. Я же замираю, не понимая, почему вдруг начала видеть все три лика богини. Разве они не должны быть скрыты от человеческих глаз?

Геката распахивает шторы и поворачивается ко мне:

– Как тебе удалось сбежать? Повелитель заставил меня выпить зелье признания, чтобы добиться правды! А это весьма неприятно! Но я ему сказала сразу, что не помогала тебе! Так как у тебя это вышло?

Она зла, и я не знаю, откуда у меня берется смелость ответить. Я будто раздвоилась. Одна часть меня хочет рассыпаться в извинениях и спрятаться под одеяло, а другая берет над ней верх. Волна негодования захлестывает мое сознание, и я выпрямляю спину.

– Ты не вправе кричать на меня, Геката! Я не у тебя в услужении! Мой повелитель – Аид, но не ты!

Такой тон непривычен даже для меня, а голос пропитан силой. Внутренне я вся съеживаюсь от несвойственного мне поведения, но продолжаю гневно смотреть на девушку. Богиня резко замирает. Замолкает и долго вглядывается в меня, будто не верит своим глазам. Гнев ее испаряется как дым, а взгляд приобретает совершенно иную форму.

– Персефона? – Геката как будто впервые увидела меня. – Как у тебя получилось... Подожди, ты заметила меня? – глаза ее становятся как два блюда.

– Как ты поняла? – удивляюсь я ее сообразительности. Ведь даже Аид не понял, что я чувствую приближение Ириды. Он не поверил моим словам.

– Мне сказали они! – Геката берет за руку призрачные личины и восхищенно протягивает:

– Ты изменилась. Я пока не могу понять, в чем именно, но, когда придет ночь, моя ведьминская сущность сможет тебе в этом помочь, – Геката поворачивает голову к призрачной старухе: – Ночь – ее время. Но я хочу знать, как ты выбралась отсюда? Кто тебе помог?

– Не знаю, каким образом у меня вышло открыть дверь. Я просто нажала на ручку, и она поддалась. Мне показалось, меня просто забыли запереть!

– Этого не может быть! Аид открыл карту событий через зелье правды, и оно показало, что я запираю дверь! – Геката подошла ближе и попыталась ко мне прикоснуться. Но в сантиметре от моей руки замерла:

– Можно?

Я окидываю ее внимательным взглядом и киваю.

Девушка берет мою ладонь и закрывает глаза. Несколько минут она неподвижно изучает что-то, видимое только ей, и распахивает веки:

– В тебе сейчас очень много тьмы! Она окутывает твою нить жизни, переплетаясь с ней, будто родная. А я не могу понять, почему это происходит! Как и то, что ты смогла выйти за дверь, когда это мог сделать только хозяин. Но главное... после второго кормления ты должна была пролежать без сознания несколько суток, но этого не произошло...

– Я вообще не теряла сознание в этот раз! – выдаю я, вспоминая наш поцелуй.

По коже ползут мурашки, а в груди становится жарко. Я

невольню начинаю воспринимать Аида как мужчину, и это очень плохо. Понимаю, что дело в поцелуях и будь у меня в этом опыт, я бы не реагировала так остро. Наверное.

Геката встает и пятится назад.

– Этого не может быть! Ты же просто человек! – шепчет богиня, и два призрака возле нее начинают егозить: девчушка прыгает и дергает Гекату за юбку, не находя себе места, а старушка шепчет что-то на ухо.

– Мне нужно подумать. Ты разрешишь прийти к тебе вечером? – Геката заламывает пальцы и смотрит прямо мне в глаза.

Тьма во мне снова расправляет крылья:

– Да! Но ты не будешь больше входить сюда будто к себе домой! Пока я еще жива, я буду подчиняться Аиду и только ему, но не тебе! – я откидываю одеяло и становлюсь на ноги. На мне ничего нет, но впервые меня это не смущает. Гордо задрав подбородок, шагаю к окну и опираюсь ладонями на подоконник: – Мне нужно платье! Я хочу красное, словно это небо! – вглядываясь в алые тучи, приказываю я. Это не похоже на меня. Я словно очнулась после длительного сна. Может, во мне не сейчас стало слишком много тьмы? Может, она всегда была во мне, а Аид просто разбудил ее, высвободил? Сердце начинает биться часто-часто. Кулон на моей шее теплеет, словно успокаивающий поцелуй, и я инстинктивно тянусь к нему пальцами.

– Как скажете, госпожа! – кивает Геката.

Я понимаю, что резкая перемена ее поведения вызвана ощущением силы, исходящей от меня, а ведь она сама говорила, что под землей понимают только язык силы.

Внезапно меня окутывает мерцание, и я чувствую холод шелка на своей коже. Ярко алое платье струится по моему телу, и я удовлетворенно киваю. Отрываю взгляд от одежды и снова устремляю его в окно.

– Что со мной происходит? Я меняюсь! Ты говорила, я буду чахнуть с каждым кормлением, но я чувствую себя горящим факелом. Я еще никогда прежде не ощущала в себе столько силы!

– Я не знаю, Персефона! Я вижу ее в тебе, чувствую часть энергии хозяина в токе твоей крови, но она не разрушает тебя, как должна! Она будто покорилась тебе.

– Покорилась? – переспрашиваю я, удивленно оборачиваясь к девушке.

– Теперь я понимаю, как у тебя вышло открыть дверь. В тебе часть повелителя, а для него все двери в замке открыты! Теперь ты действительно свободна и можешь уйти! – восхищение в голосе Гекаты немало пугает меня, но я стараюсь не показывать этого.

– Я больше не собираюсь сбегать! Мы с Аидом заключили договор!

Мои пальцы крутят кулон, и это не остается незамеченным:

– Зерно Граната? – удивляется богиня и подходит ближе. –

Я не видела его уже многие тысячелетия. Откуда он у тебя?

– Его мне дал Аид. В знак заключения нашего соглашения.

– Тогда я ошиблась, Персефона! Ты не свободна.

– Что это значит?

– Это значит, что ты не сможешь покинуть царство Аида, пока этот кулон на тебе. А снять его без воли хозяина ты не в силах.

– Я и не собиралась, больше нет... – оборачиваюсь к богине, неожиданно понимая скрытое от меня: – Ты говоришь, что давно не видела его, но разве не всем выдаются такие при заключении договора?

– Нет, конечно, не всем! До этого никто не сбегал отсюда. Ты первая здесь не по своей воле, но даже не в этом проблема. В этой подвеске заключена капля крови повелителя. Это огромная сила. Даже мне неизвестно доподлинно, какая именно. Но то, что с его помощью можно навредить самому Аиду, это точно. Именно поэтому он скрыл его от всех. Я уже не надеялась увидеть его снова, думала, он был уничтожен хозяином, – Геката дотрагивается до рубиновой капли и вздрагивает. – Но не могу понять, почему он решил подарить его тебе...

Улавливаю ревностные нотки в голосе Гекаты, но прежде, чем успеваю спросить еще хоть что-то, она кланяется и растворяется в воздухе не прощаясь.

Я еще долго смотрю в пустоту, где только что была девуш-

ка, обдумывая ее слова.

Что она имела в виду? Действительно ли Аид собственноручно вручил мне то, что может ему навредить? Вложил в мои руки меч, лезвие которого способно его убить? Я не верю в его бескорыстие или случайность действий. Мне кажется, в его поступках есть второе дно. И не одно. Их там несчетное количество. И чтобы понять всю суть загадки, недостаточно быть просто человеком. Но одно я знаю точно: теперь я могу выходить из комнат. В моем распоряжении весь замок. В груди бьется растущая сила. Она темная, но больше не пугает меня. Я отмечаю про себя, что теперь в моей власти чувствовать приближение любого существа, обитающего в стенах замка. А сила, которую я ощущаю в себе, сможет защитить меня.

Хоть я и понимаю, что больше не пленница, все же не тороплюсь исследовать новые территории. Шок от пережитого все еще берedit душу. Я решаю остаться в спальне и все как следует обдумать.

До прихода Гекаты остается еще много времени. Я забираюсь на подоконник с ногами. От взгляда вниз начинает кружиться голова, но я упрямо смотрю на алый туман, покрывающий земли Аида.

Что там, внизу? Какой мир я увижу, когда мгла рассеется? Или она здесь навечно? За все время, проведенное в подземном мире, мне не показывались ни Луна, ни Солнце, только красное небо, светлеющее к утру. Оно переливалось всеми

оттенками розового, бордового и алого, но никогда не светлело до такой степени, чтобы можно было понять, что наступил день. Я попала на земли вечного заката.

Сквозь редкие просветы в тумане виднеется коричневое плато без какой-либо растительности. Над ним кровавые тучи. Если по прибытии сюда меня это не заботило, то сейчас любопытство берет верх. Этот темный, совершенно незнакомый для меня мир завораживает не меньше, чем его хозяин. Нет, я скучаю по земле, скучаю по матери и подругам, но какие-то внутренние инстинкты подсказывают, что мое место здесь, рядом с Аидом. Но я еще не понимаю, как к этому относиться.

Этот князь смерти, мрачный хозяин теней медленно, но верно заполнял пустоту внутри меня своей темнотой, отчего я становилась цельной. Мне всегда казалось, что тьма – это что-то плохое, это зло в чистом виде и от него нужно избавляться. Обратная сторона добра и всего хорошего, что может быть в человеке. Но теперь я уже не так уверена в этом. Темнота как черная кошка, которая обросла суевериями. Но она не запустит в тебя когти, пока ты не погладишь ее против шерсти. С ней вполне можно подружиться и найти взаимопонимание.

Раньше я думала, что не нуждаюсь в той темной части, которая есть в каждом человеке, отрицала ее. А сейчас поняла, что всегда ощущала пустоту внутри себя, в которую, словно в мозаику, вложили последний недостающий пазл. Теперь я

точно знаю, что мы не можем определить, где в наших душах бреши, пока не заполним их. А до тех пор человек будет жить со сквозняком в дырявом сердце и искать то, чем можно заполнить пустоту.

Опершись горячим лбом о холодное стекло, я задумываюсь о своей жизни. Как круто она изменилась. Еще недавно я была простой студенткой. Была тихой и нелюдимой. Мне нравилось проводить вечера за книгой, а не в компании друзей. Моя жизнь ничем не отличалась от жизни сотен других людей. Она была довольно скучной и посредственной. Но все изменила одна встреча в баре. И все перевернулось с ног на голову. Можно ли сказать, что это была судьба? Или роковая случайность? И почему именно я? Я могу кричать и рвать на себе волосы, бегать из угла в угол и сетовать на судьбу, но итог остается один: сейчас именно я сижу запертой в замке подземного царства и смотрю на земли, по которым бродят тени умерших. Неужели совсем скоро я стану одной из них?

Я закрываю глаза и пытаюсь сосредоточиться. Расслабляя каждую клеточку своего тела, я вдруг начинаю чувствовать странное свечение. Похожее на то, что я ощутила, когда бежала мимо зала, в котором Танатос и Гипнос плетут судьбы. Перед моими глазами возникают светящиеся нити, и они, словно паутина, опутывают весь замок. Не открывая глаз, я пытаюсь дотронуться до одной из них, но вибрирующий звук пронизывает пространство, и нить исчезает. Меня завораживает эта картина. Как ребенок, впервые увидевший радугу, я

хочу дотянуться до нее рукой, но она ускользает от меня.

Встаю на ноги и иду к другой нити, чуть более темной. Она звенит на низких вибрациях, и мне становится интересно, что будет, если поддеть ее, как струну. Но стоит лишь прикоснуться, как нить с явным недовольством убирается. Медленно исчезает, шипя от вторжения, будто щупальце неизвестного существа прячется в нору. Я иду дальше и поочередно трогаю каждую нить. Я понимаю, что это судьбы обитателей замка, каждого из них. Им неприятен мой интерес, но любопытство не дает мне усидеть на месте. Пальцы ощущают цвета и настроение. От прикосновений к некоторым меня начинает потряхивать, от других веет злостью, третьи отдают забвением. Но ни одна не вызывает приятных чувств. Каждая из них по-своему противна.

По-прежнему ступая с закрытыми глазами, я спускаюсь на этаж ниже. Мне не нужно видеть, чтобы идти. Я каким-то образом чувствую путь. Замок тих и безмолвен. Босыми ступнями касаюсь пола и перепрыгиваю более мелкие, неинтересные нити. Меня волнует лишь одна. Она безумно манящая, но слишком далекая. Я тяну к ней руку, но она все время отдаляется. И как бы я ни пыталась, я не могу правильно оценить расстояние до нее. Словно смотрю на нее через толщу воды. Бегу за ней, минуя несколько коридоров и пустынных залов, мимо заброшенных лестниц. Мои глаза закрыты, а дыхание рваное, но я не могу остановиться. Эта нить, темная как ночь, но яркая как взорвавшаяся звезда, ведет меня

в неизвестном направлении.

Не могу взять себя в руки. Она играет со мной, и я, понимая это, все равно не могу прекратить следовать за ней. Вдруг под моими ногами вырастает преграда, и я лечу на пол, выставя ладони вперед. Ожидаю удара, но меня подхватывают крепкие руки. Медленно распахиваю глаза, уже точно зная, чье лицо увижу.

Взгляд повелителя мрачен и холоден. Он скользит по мне, и я физически ощущаю его прикосновение. Молчание затягивается, но я не в силах его разрушить. Только сейчас я вижу, как та нить, за которой я гналась, словно ручная змея, обвивает тело Аида. Это его жизнь. Я гналась за ней.

Высвобождаюсь из рук мужчины и отхожу на несколько шагов. Аид не позволяет мне выйти из поля его зрения и молча следит за моими действиями.

– Мисс Рейли? Зачем вы хотели это сделать? – вкрадчивым тоном спрашивает Аид. Под его взглядом и ледяным тоном вопроса мне хочется упасть на колени и просить прощения. Но вместо этого я поднимаю подбородок выше и переспрашиваю:

– Это запрещено? Мне было интересно, что это за нити такие! Только и всего!

– Вы могли просто спросить! Но вместо этого вы устраиваете переполох в замке, гоняясь за его обитателями. Здесь так не принято. Так же, как на земле не принято хватать людей за... отдельные части тела.

– Больше этого не повторится... – склоняю голову и понимаю, что переступила черту дозволенного. Но желание дотронуться до его нити никуда не пропадает. Что за странное притяжение? Он даже не человек. Я боюсь его, но интерес выше страха.

– Как вы ее видите? – Аид приподнимает бровь, и я точно знаю, что он имеет в виду, – что именно я видела, когда бежала за его нитью жизни.

– А ты разве не знаешь? – удивляюсь я его вопросу.

Он отрицательно качает головой.

– Свою – нет. Только Танатос и Гипнос видят все судьбы без исключения. Меня очень удивляет, что это можете делать и вы. А меня практически ничем не удивить. Как вы это сделали? – Аид подходит ближе, но я делаю шаг назад.

– Она сильная и самая прочная из всех, – выдаю я сдавлено, отступая еще на шаг.

Аид, словно пантера, плавно двигается ко мне.

– Что еще? – практически шепотом уточняет мужчина.

– Ты же знаешь...

– Я хочу услышать это от вас! – Аид загоняет меня в угол.

Упираюсь спиной в стену и запрокидываю голову, чтобы видеть его лицо. Темнота в его глазах живыми змеями обвиняет серый зрачок, заставляя холодеть от ужаса.

– Она... соткана из тьмы, но светит ярче звезды. А еще... она манит меня, притягивает... – шепчу я, словно в трансе. Мой взгляд падает на губы мужчины, и я вспоминаю то ощу-

щение полета, которое они дарили, целуя меня. Облизываюсь, и это не остается незамеченным.

– Как и ваша для меня... – глухо рычит мужчина и впиивается в меня поцелуем.

Его ласки вызывают мурашки и головокружение. Горячие руки исследуют тело под тонкой тканью платья. Невероятная внутренняя сила переполняет меня и требует выхода, грозя разорвать на куски слабое девичье тело. Я чувствую, как его тьма струится по моим жилам. И как мне плохо. Слишком поздно я понимаю, что он не забирает, а лишь отдает. Чувство, что душа сейчас взорвется, подобно воздушному шару, наполняет меня страхом и паникой. Я не могу разорвать поцелуй, хоть и понимаю, что он меня уничтожает. Аид еще сильнее прижимает меня к своему телу и шепчет прямо в губы:

– Перестаньте бороться! Перестаньте отвергать, впустите ее в себя! Примите как свою!

– Не могу...

Колени предательски подкашиваются, и я висну на руках мужчины. Поцелуй становится практически невесомым. Аид отстраняется и напряженно смотрит прямо в мои глаза. Я на грани разрушения, но не могу выполнить его просьбу. Тьма ломает меня, переполняет и борется с моим светом. Мне нужно избавиться от чего-то одного. Слишком много силы для меня. И как только я чувствую, что сейчас умру, Аид сокрушенно стонет и снова впиивается в меня поцелуем.

Я с облегчением понимаю, что он освобождает мою душу от света, не позволяя ей взорваться.

Сердце колотится так, что готово проломить грудную клетку. Дыхание участилось и стало поверхностным, но я в сознании. Аид держит меня на руках и перемещает в мою комнату. Аккуратно, даже слишком, кладет меня на кровать и отходит. Мои глаза закрываются от усталости, и прежде, чем я засыпаю, слышу едва уловимый шепот:

– Моя Перси...

Глава 12

Будит меня мягкое прикосновение к плечу. Я вскакиваю и вижу перед собой Гекату. Сон еще не покинул мое сознание, и я не сразу понимаю, где нахожусь.

– Что произошло? – выдаю я первое, что приходит на ум. Но события, словно цветные картинки калейдоскопа, мелькают перед глазами, заставляя вспомнить, как я здесь оказалась.

– Ох, Геката, прости, я совсем забыла о твоём визите. Я все пропустила, да?

Бросаю взгляд в окно. Уже практически ночь. Подземная ночь.

– Ничего ты не пропустила. Аид меня предупредил, что ты отдыхаешь и тебя не стоит тревожить. Как ты? – девушка вглядывается в меня и ухмыляется. – Ты совершенно не теряешь сил, Перси. Это удивительно.

Геката изучает меня, словно диковинку, улыбаясь краешком губ и кивая самой себе.

– Ты обещала помочь мне понять, почему я не становлюсь тенью, – говорю я, натягивая на себя одеяло, будто бы подсознательно страшусь правды и пытаюсь от нее укрыться.

– Я за этим и пришла. Но для ритуала нужно дождаться ночи, только тогда мой старший лик сможет выйти к тебе и провести его.

– Ритуал? Какой? – удивляюсь я, внутренне сжимаясь. Не знаю, готова ли я к каким-то ритуалам.

– Я объясню тебе, когда придет время. А пока расскажи мне, как ты оказалась возле покоев хозяина.

Я смотрю в зеленые глаза Гекаты и вижу любопытство. Сейчас передо мной лик озорства. Другие два призрачными пятнами мерцают рядом с девчушкой. Женщина-справедливость, так я ее назвала, закатывает глаза и демонстративно отворачивается, а старуха хитро поглядывает на меня, тоже ожидая ответа.

– Я не обязана говорить... – начала я, но Геката перебивает:

– Ох, да перестань! Расскажи, нам очень интересно. Тысячи лет здесь не было настолько оживленно, как это стало с твоим появлением.

Я вздыхаю.

– Ладно, я просто шла за нитями. Мне показалось это любопытным. Увидела нить жизни Аида и захотела к ней прикоснуться.

– Что? Ты видела нить самого хозяина? – удивляется Геката-озорство, а призрачная старуха заходится смехом, шепча что-то на ухо девчушке.

– Что она говорит?

Перевожу взгляд с одной на другую. Мне никогда не нравилось, когда меня обсуждают в моем присутствии.

– Она посоветовала спросить, понравилась ли тебе реак-

ция хозяина на это и почему ты все еще жива, – Геката весело хихикнула, а щеки ее налились румянцем.

– Я уже поняла, что сделала что-то не то. Мне объяснили, что это... невежливо, – хмыкаю я, отворачиваясь.

– Невежливо? Не совсем подходящее слово, но пусть будет по-твоему, – кивает Геката. Даже лик справедливости растянул губы в призрачной улыбке.

– Ладно, достаточно! – прекращаю я неудобный разговор и перевожу тему: – Расскажи мне лучше, кто тот старик с безумным взглядом? Я встретила его на лестнице, когда... – я запинаясь, но прокашливаюсь и продолжаю: – когда я пыталась убежать.

– С седыми волосами и бородой? – уточняет Геката, не замечая моей заминки.

Я киваю.

– Это Аскалаф. Садовник подземного мира.

– Садовник? – с ухмылкой переспрашиваю я, вспоминая безжизненные участки земли под окнами замка. – Разве здесь есть какая-нибудь растительность?

– Конечно! – Геката подскакивает и по-детски разводит руки в стороны. – Этот мир огромен. Он не заканчивается стенами нашего замка. Аскалаф выращивает вечно цветущие деревья Елисейских полей, поддерживает зелень Асфоделиевых лугов и равнин, хранит бутоны черных тюльпанов, которые так любит хозяин, от кровавых молний.

Я вспоминаю букет, оказавшийся на моей кровати в Хэл-

лоуин, и меня бросает в дрожь. Я вновь понимаю простую истину: Аид играл со мной. Он в любой момент мог забрать меня под землю, но выжидал. Неприятное чувство липнет к моему сознанию, которое хочет сопротивляться. С одной стороны, Аид забавляется со мной. Для него я игрушка, скрашивающая его вечное существование. Он может все. Глупо было надеяться, что я смогу спрятаться от него в своей квартире, но он подпитывал мою надежду, продолжая пугать. С другой же стороны, все его естество вызывало во мне желание быть рядом. Противоречивость чувств ломает меня изнутри. Я не знаю, как к нему относиться, и это выматывает сильнее ненависти или любви.

Геката тем временем продолжает:

– Единственная территория, где Аскалаф никогда не бывал, – это Тартар.

– Тартар? Это Ад? Но почему старик туда не заглядывает? Там нет растительности? – я удивленно вскидываю брови.

– Да, в твоём понимании это ад. И нет, там есть растительность, но очень мало. Деревья, взращенные на засохшей красной глине, не имеют жизненного тока. Кустарники могут исколоть до кровавых ран и вытянуть из тебя все чувства. Они питаются гневом и ненавистью. Но Аскалаф не может там находиться. Это место попросту его убьет. Ведь он сам как то растение, которому нужен свет.

Я представила себе Тартар.

– Это место и впрямь ужасно, не хотелось бы туда попасть.

Геката присаживается на край подоконника и скрещивает руки на груди.

– Ты и не попадешь. Туда отправляются только грешные души. А старик этот хоть и странный, но один из самых безобидных существ в замке. Тебе повезло, что ты встретила именно его, а не кого-нибудь похуже.

– Понятно, – задумчиво протягиваю я. – Но я видела не только его. Прямо возле зала, где был выход, я наткнулась на страшную старуху. Она хотела получить какое-то дитя, – молтаю головой, стараясь выкинуть из головы ее жуткий взгляд и противный скрипучий голос.

– О, это создание куда интереснее. Но тоже довольно безобидное, – Геката окидывает меня взглядом и добавляет: – Для меня. Для тебя каждый здесь представляет опасность.

– Кто она?

– Это ведьма Гелло. По правде сказать, я не знаю, зачем она здесь живет. Каждый в этом замке выполняет определенное задание. Играет свою роль на поприще смерти, но старуха здесь была всегда и смысл ее пребывания даже для меня остается загадкой. Никто не помнит, откуда она взялась, но поговаривают, что она ест младенцев.

– Что? – восклицаю я. – Она ест младенцев и живет в замке? Почему ее не отправить в Тартар, если она убивает детей?! – возмущение находит на меня, словно волна, поднимая со дна души не успевшую улечься тьму.

– Перси, успокойся! Сама подумай, откуда в замке дети?

Говорю же, это просто байки. Не бери в голову.

– Хорошо... – тяну я и откидываюсь на подушки.

Тьма во мне требует выхода, и я закрываю глаза, чтобы успокоиться. Удивляюсь своей вспыльчивости. Я бы не сказала, что я очень спокойный человек, но таких вспышек за собой не замечала. Тьма клокочет в груди, давая понять, что это не мое, а часть Аида. Та энергия, которой он поделился, что-то делает со мной. Меняет меня на глубинном уровне, заглядывает в самые потаенные места души, заполняя пустоты.

Когда дыхание приходит в норму, а сердцебиение замедляется, я встаю с кровати и иду к окну, в которое смотрит Геката.

– Как у Аида получается быть настолько невозмутимым? – спрашиваю я, вскидывая взгляд к небу. – По нему никогда не скажешь, что он взбешен. Меня же разрывает его тьма.

– У тебя не было тысячелетий практики, как у него. Не сопротивляйся ей. Прими.

– Как будто это так просто, – протягиваю я.

– Когда-нибудь и ты научишься держать ее на коротком поводке.

– Если не погибну раньше... – задумчиво добавляю я и вглядываюсь в стремительно темнеющее небо, мысленно проводя аналогию со своей душой.

– Это мы сейчас посмотрим. Время пришло. Ты готова? –

я замечаю, что Геката сменила лик. Теперь на меня смотрят глаза ведьмы. Она ухмыляется, но без злости. Мне становится очень жаль, что я пропустила момент превращения. Это было бы интересно. Но слова Гекаты поднимают тревогу в моей душе, и мне становится не до этого.

– Что я должна сделать? – сжимаю пальцами подоконник в ожидании ответа. Что-то мне подсказывает, что он мне не понравится.

– У тебя на шее очень мощное оружие, Перси. С его помощью можно узнать все, что тебе интересно. В нем содержится капля крови Аида.

– Капля чего? – слова вылетают со свистом через сжатые зубы. Неприятная догадка царапает изнутри.

– Не хочешь ли ты сказать, что я буду должна ее выпить? Геката молча кивает и добавляет:

– Это опасно. Прежде всего потому, что ты человек. Я не могу предугадать, как это на тебя повлияет. Но кровь Аида дает возможность на время стать им. Получить его способности. И если другое божество это выдержит, то человек...

– Я поняла! – перебиваю я девушку. Пальцы тянутся к кулону. Рубиновое свечение пульсировало в нем, словно сердце.

– Аид рассердится, если я это сделаю? – я сама знала ответ на этот вопрос. Чувствовала. Но все же решила спросить об этом Гекату.

– Да, – ее короткий, как выстрел, ответ заставил сердце

болезненно сжаться. Мне не хотелось нарушать условия договора и идти против самого повелителя мертвых, но тьма внутри меня добавляла решимости.

– Сделаем это! Я хочу знать, что со мной происходит!

– Теперь я понимаю, за что тебя выбрал Аид, – восхищенно протянула Геката. – Что ж, тогда приступим. Пойдем?

– Что? Куда? – непонимающе смотрю на девушку.

– Со мной! Не здесь же ты собралась падать на пол и стогреть от боли.

От слов Гекаты по коже пошли мурашки. Ну да, с чего я решила, что это будет не больно?

– Если ты хочешь таким образом меня отговорить, то у тебя ничего не выйдет! – пытаюсь храбриться я.

– Отлично!

Девушка берет мою ладонь, и мы исчезаем. В буквальном смысле. На несколько мгновений я перестаю ощущать свое тело. Таким образом происходит перемещение? Довольно необычное чувство, и не скажу, что особо приятное.

Мы появляемся в комнате, едва освещаемой свечами в настенных чашах, и я вздрагиваю. Мне буквально хочется потянуться, потрясти костями, чтобы каждая из них встала на свое место. Геката замечает это и ухмыляется:

– Ох, извини, что не предупредила! Забыла, что ты впервые перемещаешься. Ничего, скоро привыкнешь.

– Не хотелось бы... – бурчу себе под нос и оглядываюсь.

Комната Гекаты достаточно большая и просторная. Пря-

мо передо мной предстают огромные стрельчатые окна, пропускающие красный свет на дощатый пол. Потолки довольно высокие, и мне приходится запрокидывать голову, чтобы увидеть их. В носу щекочет от запаха трав и благовоний, но я иду вглубь и рассматриваю обстановку. Слева отдает последние крохи тепла остывающий камин, над ним потрескивает ряд горящих свечей. По обе стороны от него расположены полки, заставленные старинными фолиантами. А повернув голову, я понимаю, что стены всей комнаты увешаны книжными полками разного размера, перемежаясь пучками сухих трав. Теперь ясно, что является источником этого горьковатого запаха. Между окнами стоят два стола. На них разложены разные предметы, природу происхождения которых трудно разобрать. Я подхожу ближе, но молчавшая до этого Геката резко останавливает меня:

– Смотри под ноги. Мне кажется, тебе не захочется сюда ступать, пока ритуал не начнется.

Я смотрю вниз и вижу четко очерченный круг. По краям расставлены свечи и мерцающие камни. Замечаю пятиконечную звезду внутри и отпрыгиваю, будто увидела ядовитую змею.

– Ч-что это? – заикаясь, отступаю назад. Я такие видела только в ужасниках, где вызывали демонов.

– Не бойся, это место, где души обретают связь с другими мирами.

Я киваю, делая вид, что поняла, о чем говорит ведьма. Она

подходит к столу и открывает толстую книгу. Желтые страницы хрустят под ее пальцами и отражают томление свечей.

– Так, где оно... Никогда не думала, что придется воспользоваться этим заклинанием, – Геката листает книгу и спустя пару минут громко восклицает: – Нашла! – погладив страницы, она поворачивается ко мне и несет книгу внутрь круга. Кладет ее на пол и присаживается рядом. Я тороплюсь присесть с ней, но ведьма меня останавливает:

– Нет, ты стойшь! И делаешь все, как я скажу, сразу и не мешкая. От этого будет зависеть не только успех нашего заклинания, но и твоя жизнь!

Я молча выпрямляюсь и внимательно слежу за Гекатой. Она закрывает глаза и начинает шевелить губами. Сначала ничего не происходит, но вскоре пламя свечей начинает подрагивать, а некоторые огоньки и вовсе трещать, выбрасывая вверх снопы искр.

Геката продолжает беззвучный монолог, а меня потряхивает. Ладони вспотели, и я вытираю их о юбку.

Ожидание чего-либо всегда ярче самого события. Будь то предпраздничные хлопоты, которые в разы интереснее самого праздника, или ожидание экзамена перед дверью кабинета, во время которого можно запросто накрутить себя до обморока. Так же и сейчас – я стою и не знаю, что будет дальше. Эта неизвестность пугает больше возможной боли или даже смерти.

Голос Гекаты становится громче, и я постепенно начинаю

различать слова, но это мало чем мне помогает. Она говорит на незнакомом мне языке. Вокруг поднимается ветер, черные волосы ведьмы развеваются, словно плащ заблудшего путника. Глаза ее закрыты, но губы не прекращают читать текст, который она нащупывает пальцами. Ветер бушует и скидывает стеклянные колбы со столов, почти все свечи погасли, за исключением тех, что стоят на линиях круга. Меня трясет, дыхание учащается. Я вижу, какой хаос творится вокруг, и мне страшно. В комнате Гекаты родилось торнадо, оно сейчас снесет все, что здесь есть, и похоронит нас под завалами книг. Хочется выйти из круга и бежать, но что-то заставляет меня остаться на месте.

Вдруг Геката открывает глаза. Они горят зеленым огнем, а взгляд совершенно обезумел.

– Пей! – приказывает она не своим голосом.

Я дотрагиваюсь дрожащими пальцами до кулона и начинаю вертеть его в руках. Черт, почему я не спросила раньше, как его открыть? Гладкий камень теплеет в моих руках и бьется, словно сердце.

– Пей! – уже кричит Геката, и я вздрагиваю от ее неестественного тона.

Меня захлестывает паника, а ветер вокруг рвет на мне одежду и волосы, забивает нос так, что невозможно вдохнуть. Подушечки пальцев скользят по кулону и одной из них я задеваю что-то колючее. Капля моей крови размазывается по камню, и он вспыхивает.

– Как его открыть? – стону я в пустоту и вижу, как камень темнеет, превращаясь в маленький пузырек.

Ну наконец-то!

Откидываю крохотную крышечку и без раздумий выливаю содержимое себе в рот.

В тот же момент все затихает. Свечи вновь вспыхивают ярким светом, озаряя комнату, как и прежде, а глаза Гека-ты приобретают привычный цвет и осмысленность. Она зло-радно ухмыляется и шепчет:

– Ты думала, что все закончилось? Нет, птичка, все только начинается!

Сразу после ее слов мои ноги подкашиваются, и я, будто шарнирная кукла, которой обрезали веревки, падаю на пол, утопая в темноте.

Глава 13

Меня разрывает от боли. В глазах серебрятся тысячи звезд. Кажется, я умерла. По крайней мере мое тело. Сознание же находится в агонии. Я кричу, но с губ не слетает ни звука. Бью ногами и руками об пол, но мое тело лежит неподвижно. Мне никак не избавиться от пронизывающего каждую клеточку жуткого холода. Под закрытыми веками пляшут искры и, словно лезвия, режут белки глаз.

Я никогда не представляла, что однажды придется испытать нечто подобное: настолько сильную боль, что смерть кажется спасением. Но она не приходит. До этого момента я думала, что ощутила настоящую боль, когда перевернула на ногу чашку с кипятком и кожа прикипела к колготкам, которые пришлось отдирать по живому. Сейчас это воспоминание растворяется легким облачком на фоне разрушающей лавины мучений. Я рассыпаюсь на мелкие острые осколки и собираюсь вновь, чтобы снова разбиться. Бесконечный круг ада.

Я хочу умереть и прошу невидимого наблюдателя остановить пытку. Знаю, что кто-то следит за моей агонией, и прошу убить меня, если этого еще не произошло.

Может, я попала в ад и вынуждена терпеть эти муки вечного? Никто не может безнаказанно предавать Аида. Только я посмела. Но как только я вспоминаю его имя, боль на мгно-

вание останавливается. Она, как дикая тварь, вцепившаяся грязными клыками в мягкую кожу, замирает, почувствовав своего хозяина. Но я все еще ощущаю острые клыки глубоко в теле.

Я понимаю, что единственный способ остановить зверя – это позвать Аида, но я не зову. Стоит мне произнести его имя, и он услышит. Мы с ним теперь связаны. Но если он придет и узнает, что я сделала, – мое наказание будет куда более суровым, чем то, что происходит со мной сейчас. Поэтому я, сцепив зубы, терплю и выжидаю. Горячие слезы катятся по мертвым щекам, согревая ледяную кожу. Я не зову Аида. Вспоминаю его глаза, длинные волосы, щекочущие мою кожу. Теплые губы, накрывающие мои, дрожащие, в жестком поцелуе. Боль отступает, теперь я могу сделать вдох. Воздух спасительной волной врывается в легкие, наполняя меня жизнью. Сколько я не дышала? Только лишь воспоминания об Аиде возвращают меня обратно. Но шевелиться я все еще не могу. Мое тело не поддается контролю, а сознание проваливается в небытие.

Я оказываюсь в месте, которому нет определения. Здесь нет пола, стен и потолка, только уже привычная темнота, пронизываемая красными вспышками. Своего тела я тоже не ощущаю – сейчас я просто призрак, вроде двух ликов Гекаты. Сейчас я ничто. У меня нет имени, прошлого и будущего. Только момент настоящего, где я всего лишь пылинка. Меня тянет вперед, и я вижу воронку из кровавых туч.

Они сгущаются и змеятся по кругу молниями. Мне не хочется туда, но остановиться я не в силах. Я здесь всего лишь гостя. Спектаклем же управляет кто-то другой. Я вижу, как алые тучи сгущаются и засасывают меня в торнадо. Знаю, что там меня ждет нечто ужасное, и упираюсь изо всех сил.

Не хочу! Собираю всю свою силу в кулак. На удивление у меня получается. Я вдруг понимаю, что могу хоть немного, но управлять своим перемещением. Но не успеваю я обрадоваться, как чувствую толчок в спину.

– Не останавливайся! – голос Гекаты звучит приглушенно, будто через толщу воды.

Я лечу в адскую воронку. Глубоко внутри я осознаю, что все идет верно, и перестаю сопротивляться притяжению.

Меня кружит в водовороте событий. Замечаю молнии, которые расширяются по мере моего приближения и, лопаясь, как мыльные пузыри, превращаются в картинки. Они вспыхивают перед глазами, словно на размытом экране старого телевизора.

На первой я вижу крыльцо роддома. В вечернем воздухе пахнет дождем и теплым какао, которое продают в парке неподалеку. Вот моя мама, еще молодая, держит на руках дитя, укутанное в цветное одеялко. Она смотрит на него и улыбается. Вокруг царит тишина, словно мир замер в ожидании чего-то чудесного.

Мне хочется подойти ближе и посмотреть на личико ребенка, но не делаю этого, ведь точно знаю, что это я. Меня

пронизывает тепло. Я замечаю нить, вьющуюся вокруг ребенка в маминых руках. Она яркая и светлая, каких я еще не видела. Нить горит огнем, и, кажется, ее видят все – настолько она освещает все вокруг и отражается бликами глазах прохожих. Но мама стоит молча, не замечая ожившего чуда в своих руках.

Вокруг нее неторопливо кружат золотые листья, а она, словно и сама ребенок, проснувшийся вдруг взрослым, не понимает, что делать дальше. Как бедный человек, выигравший целое состояние, держит его в руках и от переполняющего счастья не знает, как реагировать.

Мама видит мужчину, и в нем я узнаю своего отца. Еще совсем юный и беззаботный. Счастливый взгляд и добрая улыбка. Папа подбегает и бережно берет сверток в свои руки, целуя маму в щеку. Он опоздал. Я вижу глаза мамы и понимаю, что она практически плачет. В ее душе клубится обида, но папа пытается всячески ее загладить, рассказывает шутки и ведет маму домой. Картинка растворяется, но мне хочется знать, что же произошло дальше? И я тянусь к ней. Вопрос уплывает вместе с событиями двадцатилетней давности. Я знаю, что она его простит, чем бы он ее в тот момент ни обидел.

Вторая картинка вспыхивает разразившейся молнией прямо передо мной. Вот я иду в школу, мой ярко-синий бант треплет ветер, а счастливые глаза смотрят на папу. Он хмурится и кусает губы, но я не замечаю. Мои мысли заняты дет-

ским восторгом новых событий. Я заворожено смотрю на лучи солнца, которые падают на асфальт, проскальзывая через пробелы в заборе. Худенькие ножки пытаются наступать только на светлые промежутки, играя в свою игру с светом.

Нить, что окружает меня маленькую, все так же сияет золотом ярче солнечных лучей. Она освещает это утро, как и улыбка девочки с синим бантом. Но этого снова никто не замечает. Картинка меркнет. Я не увидела продолжения, но точно знаю, что в ночь накануне папа проиграл всю зарплату. Он уже хмурый и неразговорчивый, думает, как объясниться перед мамой. Вечером будет большой скандал.

Меня тянет дальше. Что-то заставляет душу переворачиваться каждый раз, когда новая картина возникает перед моими глазами. Что я увижу теперь?

Вот я сижу поздним вечером у крыльца школы и жду папу. Он должен был меня забрать, но, видимо, забыл. Телефона нет. Денег на автобус – тоже. Мне страшно и грустно. Я слышу мужской смех вдалеке и понимаю, что ко мне приближается толпа пьяных мужчин. Прячусь за дерево и обхватываю себя руками. Нить дрожит вместе со мной, но все так же ярко освещает все вокруг.

Глядя на этот фрагмент совей жизни, я вспоминаю, что в тот вечер мама не дождалась нас с отцом и забила тревогу. Она примчалась к школе и нашла меня, замерзшую и грустную. Но я не плакала. Что-то держало меня. Но стоило мне увидеть родное лицо, слезы крупным градом покатались по

моим щекам.

Картинка идет рябью и растворяется в красном дыме, чтобы тут же на ее месте появилась другая.

Вот мой первый день рождения, который мне разрешили отметить с друзьями. Он так и не состоялся. Мне пятнадцать. Я сижу грустная за столом. Мама попросила позвонить друзьям и сказать, что праздника не будет. Папу отправили за покупками и праздничным тортом, но уже вечер, а его все нет. Мама знает, что сегодня он уже не вернется. Чествовать гостей будет нечем. Позвонив подругам, я кладу трубку и вытягиваю из-под тарелки бумажную салфетку и одним движением стираю яркую губную помаду. Это момент невозврата. Выбрасываю салфетку в урну как олицетворение последней капли доверия к отцу. Моя нить не теряет яркости. Наоборот – как будто становится толще, крепче.

Следующий виток событий, и меня забрасывает в непривычно жаркий для Дублина день. Лето только началось, но многие уже надели легкие футболки и шорты. Я иду по улице и одариваю счастливой улыбкой прохожих. Чувствую себя красивой. Самый популярный парень школы обратил на меня внимание и позвал на встречу. Я распустила длинные волосы, что делала довольно редко, и надела голубой сарафан. Юбка развеивается на ветру, как и светлые волосы, которые прекрасно сочетаются с голубым.

Помню тот день и не хочу досматривать, но выбора нет. Я не владею своим передвижением. Даже глаза закрыть не

в силах, потому что понимаю: все происходит лишь в моей голове. Вижу себя юную, из прошлого. Прихожу в кафе, куда позвал меня Пит, и долго жду. А его все нет. В моих зеленых глазах постепенно зарождается разочарование. С каждой минутой ожидания они как будто угасают, теряют блеск. Когда через окно проглядываются сумерки, я встаю и ухожу домой. Позже я узнаю нечто омерзительное: Пит выяснил, что нравится мне, и на спор позвал меня на свидание.

Нить обвивает мои понурые плечи и разгорается еще ярче. Я не понимаю, почему так, ведь от предательств и разочарований она должна была наполняться тьмой.

Дальше я вижу себя в старшей школе. Первый проваленный экзамен, подготовиться к которому я не смогла из-за криков родителей. Всю ночь я сидела в своей комнате и слушала на повторе одну и ту же песню. Не из-за того, что она мне нравилась, а потому, что она заглушала ругань из-за стены. Только с ее помощью я могла укрыться от раздражающей мою душу ссоры между родителями.

Я выхожу из кабинета. Меня душат слезы. Впервые я чувствовала себя так ужасно. Отличница, гордость класса, а не смогла сказать даже двух слов по билету. Мимо плетется компания ребят, они смеются надо мной, выкрикивая что-то о моем помятом виде. Моя душа бьется раненой птицей в призрачном теле, вспоминая то разочарование. Глядя, как прежняя я бегу к остановке, я ощущаю в душе давно забытую боль.

Я не хочу больше этой пытки, но мое сознание продолжает нестись по лабиринтам памяти, подсовывая мне одно разочарование прошлого за другим. И каждое из событий нанизано на нить моей жизни, как лампочки на рождественскую гирлянду.

Сейчас я вижу то, чего не хотела бы видеть больше никогда. Отправная точка, с которой пошло все наперекосяк: первый случай маминого обморока – тогда мы поняли, что она заболела. Эта картинка цепкими ледяными пальцами обхватывает мою душу и сдавливает ее до онемения.

Не хочу этого видеть! Не хочу возвращаться в то время! Злость и бессилие наполняют мой разум, и я готова разнести все вокруг, лишь бы не чувствовать этого вновь. Я кричу, вторя себе из прошлого. Но в отличие от той меня, крик которой закладывает уши, здесь с моих губ не слетает ни звука. Может, там, где лежит мое тело, я действительно кричу, но Геката предупреждала, что легко не будет.

– Еще немного... – слышу я странный шепот из ниоткуда и беру себя в руки, стараюсь сконцентрироваться на чем-то другом.

Мой взгляд падает на золотую нить. Она на миг тускнеет, но вскоре разгорается с невиданной силой. Как такое возможно? Почему она становится ярче?

Чья-то крепкая рука выдергивает меня из воспоминания, и я прошу закончить мучение. Я не понимаю, зачем мне все это видеть снова? Что я должна понять?

– Отпусти меня... – мысленно повторяю я.

А в ответ слышу спокойный шепот:

– Ты должна увидеть все! Для этого ты здесь. Уже скоро...

Шепот уносится ветром, а меня швыряет дальше.

Я оказываюсь в баре. Тот самый вечер, когда я впервые увидела Аида. Я знаю все, что произойдет, до мельчайших деталей. Сколько раз я проигрывала ту ночь у себя в голове, искренне считая, что все началось с нее. С этой проклятой встречи. Но мое внимание привлекает странное поведение моей нити жизни. Она тянется к Аиду и опутывает его. В тот момент глаза мужчины расширяются от удивления и находят мои. Он долго всматривается в мое испуганное лицо и замирает, ожидая, что будет дальше. Его взгляд внимательный и изучающий. Я тогда не поняла, почему незнакомец так на меня смотрит, но сейчас, видя изнанку этого события, я теряю дар речи. Так это не он меня нашел, а я его?

Его черная как ночь нить искрится звездным мерцанием и ведет себя странно по отношению к моей. Скользит по ее поверхности, как будто принохливается, оплетает. Лицо Аида – непроницаемая маска. Он все так же не сводит с меня глаз, но теперь я замечаю в его взгляде интерес и хорошо скрываемое напряжение. Когда моя нить, вопреки моему чутью, узнает мужчину, я вижу его взгляд, пылающий яростью. Он явно чувствует притяжение между нами и не может ему противиться. Это его раздражает. Он привык владеть ситуацией, но сейчас полностью безоружен перед светом моей нити.

Вглядываюсь в свое лицо и вижу смущение от пристального внимания незнакомца. Наши судьбы сплетаются без нашего ведома, и даже Аид никак не может повлиять на это. Я вижу в его глазах желание. Он хочет меня всю, без остатка и промедления. Выпить до дна, оставляя лишь тень. По мере соприкосновения наших нитей я чувствую отголоски его эмоций и понимаю, что он едва держит себя в руках. Он очень зол.

Сейчас, наблюдая за всем со стороны, я замечаю гораздо больше деталей. И главная из них – это то, что именно я спровоцировала его, чтобы он обратил на меня внимание. Я сама, не ведая того, оплела его своей нитью, не дав возможности устоять.

Начинаю задыхаться от осознания всего этого. Мир переворачивается у меня на глазах. Но тут происходит что-то невероятное: взгляд мужчины перемещается на несколько дюймов и смотрит прямо на меня. Ту, которая призраком наблюдает за происходящим. Меня накрывает паника. Я пачусь назад.

Словно из тумана, слышу встревоженные слова Гекаты:
– Проклятье, Перси, он заметил?.. Убирайся оттуда!

Меня очень грубо выдергивает из воспоминания. Это вызывает потерю ориентиров. Словно я попала под девятый вал и теперь барахтаюсь в океане вспышек, не зная, где верх, а где низ. Мое сознание теряется, и я не знаю, за что ухватиться. Паника захлестывает с головой, заставляя задыхаться.

– Иди за нитью!

Подсказка Гекаты прозвучала как нельзя кстати. Я сосредотачиваюсь и откидываю все лишние мысли. Темнота вокруг меня бурлит звеньями отдельных событий, не связанных в единую цепочку. Но вдруг я вижу ее. Свою нить. Хватаюсь за нее, как за спасательный круг, и выныриваю на поверхность. Меня продолжает затягивать воронка, но я точно знаю, куда мне нужно следовать дальше. Туда, куда яркой стрелой тянется моя судьба.

Я больше не рассматриваю каждое событие из прошлого отдельно, они мелькают картинками вокруг меня. Вот Аид стоит напротив моего окна в Дублине. Первая наша встреча в замке. Первый поцелуй. Первое кормление. С каждой нашей новой встречей, с каждым прикосновением и взглядом в моей цепочке судьбы появляется все больше темноты. Я оглядываюсь назад и вижу то, что повергает меня в шок. Мотаю головой, отказываясь верить своим глазам.

Тьма в моей нити появилась не со встречи в баре, нет. Она всегда была в моем клубке судьбы, с самого моего рождения. Аид всегда был связан со мной.

На меня находит озарение: каждое событие, показанное мне ранее со вспыхивающих картинок, так или иначе привело бы меня к тому, где я нахожусь сейчас. Все началось не месяц назад, а гораздо раньше. Как только я родилась, вся моя жизнь вела меня к одному: я должна была оказаться здесь.

Тут же я ощущаю тепло, разливающееся по моему прозрачному телу. Яркая, словно солнечный свет, нить опоясывает меня и звенит как струна. Она не просто так потянулась к незнакомцу. Это для меня он был чужаком, а для нее – нет. Она узнала Аида и потянулась к нему, потому что наши нити всегда были связаны.

Но почему? Я же просто человек. Как я могла быть связана с самим повелителем царства мертвых?

Осознание, что все предрешено, точечным ударом бьет по сердцу и выбивает почву из-под ног. Я хватаю ртом воздух, хотя уверена, он мне не нужен. В глазах темнеет. В ушах стоит ужасный звон из какофонии разных голосов и звуков. Меня мутит. Голову кружит, как на безумных аттракционах, и я падаю в темноту, убежденная в том, что теперь мне уж точно конец.

Глава 14

У меня такое чувство, будто я погребена под половыми досками. Мое горло забито землей, а глаза смотрят через просветы наверх и молят о помощи. Слышу шаги и звуки, но сама не могу даже пошевелиться. Я просто незримый гость, который заперт в своем теле без возможности сказать хоть слово. Мне становится страшно от мысли, что я отныне вынуждена вечно находиться в таком состоянии. Похоронена заживо. Мой удел – бесчисленные годы наблюдать сквозь щель за жизнью других, а самой лишь молить о смерти.

Резко сажусь, не понимая, где я. Воздух врывается в мою грудь, раздирая легкие, и вырывается дрожащим криком ужаса и боли. Я совсем не дышала все это время? Лишь когда из груди выходит весь воздух до капли, а голос срывается на хрип, я постепенно умолкаю.

Что произошло? Вокруг темно, но я различаю едва уловимое движение.

– Все хорошо, Перси! Ты вернулась! Дыши! – голос Гека-ты доносится откуда-то издалека, вслед за ним загораются окружающие меня свечи.

– Ч-что? Что это было? – роняю дрожащим хриплым голосом. Оглядываюсь и вижу, что все так же нахожусь в комнате Гекаты, но уже за пределами проклятого круга.

– То, что ты видела, и был ответ на твой вопрос. Что же

ты спрашивала, Персефона, раз ты увидела все это?

Двигаю руками и ногами, ожидая почувствовать лавину боли. Мне казалось, мое тело пропустили через мясорубку, но ничего такого не ощущаю. Только легкое покалывание звенящей энергии под кожей.

– Я не знаю... В моей голове не было четкого вопроса, кроме того, что я хотела узнать...

– Ты хотела узнать, что с тобой происходит? – уточняет ведьма.

– Да... Именно этот вопрос крутился в моих мыслях, но еще... Наверное, я все же думала о том, что не заслужила такой участи. Я хотела... нет, требовала у судьбы показать мне, почему именно я! За что на мою голову свалилось такое наказание? Что плохого я сделала, раз заслужила подобное?! – мой голос снова срывается, и я с трудом сдерживаю поток бурных эмоций.

– И что ты узнала? – осторожно спрашивает Геката, не реагируя на мой крик.

– Ты не видела? – с болью в голосе переспрашиваю я. – Ведь ты все это время была рядом, я чувствовала!

– Я и была, но не видела того, что видела ты! Я лишь контролировала процесс, чтобы ты не потерялась в лабиринтах памяти.

Я смотрю в ее пылающие глаза и долго думаю. Неужели она не врет? Тогда как она почувствовала, что Аид заметил призрак... той, второй меня?

Словно в ответ на мой немой вопрос ведьма невесело улыбается:

– Я ощущала твои эмоции и отголоски мыслей. Но все же, думаю, нам показалось. Хозяин не мог почувствовать тебя.

– Надеюсь... – протягиваю я, пытаюсь унять сумасшедший ритм сердца.

Чувствую, как покалывание под кожей усиливается, и смотрю на свои руки. Легкое мерцание окутывает кожу, и я перевожу вопросительный взгляд на ведьму.

– Мне кажется, ты уже не совсем человек, Перси! – говорит Геката и задумчиво обходит меня сзади.

– Но кто? – я верчу ладонями, выискивая изменения в себе.

– Думаю, ты стала ближе ко мне, чем к людям! – изрекает девушка, и я хмыкаю.

– Ну конечно, я же связана с ним, а теперь еще кровью...

– Он не узнает об этом, пока ты ему не скажешь!

Я поднимаюсь на ноги и чувствую клокочущую в груди силу. Она бушует внутри океаном, плещется, пытаюсь выбраться наружу. Но я не знаю, как ее применить. Пока не знаю.

– Мне нужно к себе, я хочу побыть одна! – говорю я и тут же чувствую, как исчезаю. Стоило мне подумать о своей комнате, я тут же оказываюсь в ней. Надо же! Как Геката смогла меня переместить, не прикасаясь?

Сила, наполняющая меня, подрагивает, требует выхода и подсказывает, что я сделала это сама. Она, как сторожевой

пес, которому удлинители поводок и дали немного поразмяться, просит расстегнуть ремешок полностью. Ликование возникает из ниоткуда. Но мне хочется большего. Я верчу головой в поисках чего-нибудь, что могло бы помочь высвободить энергию, так рвущуюся наружу. Но понимаю, что здесь я ничего не найду. Унылое убранство, ни кусочка живого мира, который так нужен мне сейчас.

Только мысли.

Что же со мной происходит? Во что я превращаюсь? Или уже превратилась?

Сажусь на подоконник и опираюсь лбом о холодное стекло. За окном светлее обычного. Розовые тучи пропускают рассеянный свет, и спокойствие, которое приходит при взгляде на Елисейские поля, прогоняет мрак из души. Энергия, бьющая внутри меня ключом, ненадолго сворачивается клубочком и притихает.

Неужели я должна была здесь оказаться? Это не случайность, не злой рок, а моя судьба? Воспоминания об увиденных картинках проносятся в голове одна за другой, и меня начинает бить дрожь.

Нужно отвлечься. Скольжу взглядом вниз. Туман немного рассеялся, и за ним виднеются пустынные участки земли, где-то далеко внизу. Этот удивительный мир за такое короткое время смог стать мне практически родным. Такой близкий, но в то же время невозможно далекий. Кажется, до него подать рукой. Но могу ли я выйти, чтобы почувствовать его?

Мне вдруг безумно захотелось оказаться там, внизу. Ступить босыми ногами на красноватую землю. Вдохнуть густой, туманный воздух. Тучи расступаются, и я вновь вижу безжизненное плато. Не успев даже моргнуть, я тут же оказываюсь там. Снова перенеслась?

Ступаю на каменистую поверхность и вглядываюсь вдаль. Из-за тумана ничего не видно. Волосы подхватывает бушующий ветер, на миг отнимая возможность дышать. Юбка шелкового платья красным пламенем танцует вокруг моих ног. Оглядываюсь, но не могу ничего разобрать.

Я, наверное, никогда не привыкну к такому способу перемещения. Это для меня слишком необычно, но невозможно впечатляет. Сердце стучит так, что готово выпрыгнуть из груди, но меня накрывает волной восхищения. Сила, ненадолго уснувшая внутри, расправляет свои черные крылья и требует выпустить ее. Она почувствовала такую близкую свободу, точно как я, и уверена, что этот мир принадлежит нам. Я соглашаюсь с ней. Сейчас у меня такое чувство, что я могу сделать все что угодно. Разрушить весь этот мир, а затем заново собрать по кусочкам в единое целое.

Энергия внутри бушует, я ощущаю ее, а она – меня. Я взмахиваю рукой, и туман вокруг закручивается в воронку. Хватаю поток ветра горячей ладонью и, словно плетью, рассекаю воздух. Тьма внутри меня ликует, но я тянусь к свету. Он ближе, хоть и тесно переплетен с энергией Аида. Я ищу в себе свое, то, что всегда принадлежало только мне. Сейчас

это просто. После ритуала я стала видеть все слишком четко. Словно кто-то протер лобовое стекло моей машины, которая на всех парах несется в ад. Но мне не страшно. Я не боюсь той разрушительной силы, которую вдохнул в меня Аид. Она больше не навредит мне, я чувствую ее как свою. Люблю ее. Она вплетена в мою, будто родная. Но я все так же боюсь ее хозяина. Если он узнает, что я натворила...

Мысли о его расправе надо мной вылетают из головы, подгоняемые светом, рвущимся наружу. Он, словно сердцебиение, проникает из глубин души лучами и заставляет ликовать. Кружиться, раскидывая руки. Я свободна. Впервые в жизни я чувствую себя так легко. Подставляю ему лицо и хохочу. Я пьяна. Пьяна силой. Его или своей – неважно. Из всего путешествия по прошлому я поняла одно: я – это он. Отражение его сущности. Моя жизнь с рождения и до теперешнего момента была связана с этим миром и какой-то роковой случайностью свела нас вместе. Я не только та, которая может дать ему свет. Вернее, не только это. Я та, которая способна принять его силу как свою.

Кружусь. Хохочу и плачу. Танцую. Представляю, что для него. Мое платье намокло от густого тумана и обволакивает тело словно вторая кожа. Босые ноги не чувствуют холода. Душа наполнена светом и теплом. Я замечаю, как на безжизненной земле вокруг меня, там, куда падают лучи моего света, прорастают цветы. Хрупкие стебельки растут с невероятной скоростью, расправляя цветные бутоны. Они

так неуместны здесь. На пронизывающем ветру их нежные лепестки облетают, но цветов становится все больше. Смейся от счастья. Это я их вырастила. Привела весну в подземное царство вечной смерти.

И я вновь пускаюсь танцевать. Так, как никогда в жизни. Мое тело мне неподвластно. Оно извивается, двигается в безумном танце. Наконец-то я чувствую себя собой. Я всегда любила танцевать и делала это действительно хорошо, но всегда стеснялась показать это. Моя самооценка повязла в вечных насмешках из-за отца или образа жизни, который мне приходилось вести из-за него. Но сейчас я узнала, что ни в чем не виновата. Что это он, не я, совершал все ошибки. Что, в конце концов, я была связана с Аидом с рождения, и любое мое действие не влияло на исход моей судьбы. Но сейчас другой случай. Я больше не прячусь в раковину своих комплексов.

Я танцую только для себя и выливаю в движениях всю свою боль, предательство и нерастраченную любовь. Моя жизнь никогда не была легкой. Я всегда чувствовала на своих плечах груз ответственности за других и никогда не желала, чтобы что-то было по-другому. Но сейчас я именно та, кто я есть. Живу и дышу только для себя. На один короткий момент я почувствовала, что не связана ни с кем обещаниями и кровным родством. Моя жизнь впервые принадлежит только мне.

Кричу в небо, раскинув руки. Мой танец безумен, и я в

нем сгораю. Как сырая спичка, вспыхнувшая по велению чуда, не иначе. Я свечусь как звезда. Чувствую чужой взгляд на себе, но не хочу обращать на него внимания. Этот момент только мой. Стоило попасть в царство мертвых, чтобы впервые почувствовать себя живой. Какая ирония.

Я танцую, и огонь в моей крови не дает мне остановиться. Тело, словно электрическая струна, пронизано светом и горит от энергии. Я хочу выплеснуть ее. И у меня это получается. Свет исходит из меня непрерывным потоком, и я забываюсь, подгоняемая этой бурлящей рекой ощущений.

Вдруг чувствую чью-то руку на твоей талии. Мягкое, нежное прикосновение. Но не хочу останавливаться. Я скольжу по крепкому телу, которое обхватывает меня сзади жаркими объятиями, и чувствую целостность. Это именно тот, для кого я танцую. Из-за которого я танцую. Именно он меня освободил. И я не прекращаю движений. Чувствую его тьму, окутывающую меня безумием, и поворачиваюсь лицом к нему. К тому, кто украл мою свободу, душу и желание. Но только сейчас я понимаю, что он не украл – освободил. Серые глаза пылают чувственностью и страстью. Эти эмоции я вижу впервые на его лице и впервые меня не пугают его прикосновения.

Его пальцы забираются под мокрую ткань моего платья и прикасаются к озябшей коже. По мне бегут мурашки удовольствия. Сердце неистово колотится. Дыхание сбивается, и я медленно поднимаю взгляд на Аида.

Мы застыли в бесконечном мгновении вечности. Смотрим друг на друга, не отрываясь.

– В чем ваш секрет, мисс Рейли? – спрашивает полупотом мужчина.

Я смотрю в расплавленное железо его глаз и с улыбкой отвечаю:

– Ты же бог, Аид. Ты существуешь дольше всего человечества.

Его ловкие пальцы касаются груди, и я вздрагиваю. Желание накатывает огромной волной. Понимаю, что еще миг, и я не смогу ему противиться. Растаю в его руках, как шоколад на солнце.

– Вот именно, мне открыты все тайны этого мира, но не вы. В чем ваша тайна? – повторяет вопрос Аид.

Дрожу от его ласк, но отстраняюсь. Я больше не человек, а значит, и сила у меня другая. Вдруг понимаю, что могу противостоять ему, самому богу мертвых.

– А ты догадайся! – улыбаюсь я и под удивленный взгляд исчезаю из его рук.

Глава 15

Я оказываюсь в своих комнатах. Мое сердце отбивает рваный ритм, а эйфория захлестывает до полубморочного состояния. Я исчезла прямо из-под носа Аида. Чувство, что я играю с огнем, подстегивает глубинные низменные эмоции. Мне нравится это: дразнить самого бога смерти и знать, что мне есть чем ему ответить. Я уже не человек. Да, пусть не бог и толком не владею силой, но уже точно не пыль под его ногами.

Дыхание вскоре приходит в норму. Тело гудит, как после длительной физической нагрузки, а мозг отчаянно требует отдыха. Бурный поток чувств тоже постепенно затихает, а внутренняя сила, получившая долгожданную свободу, теперь свернулась клубочком и уснула. Мне легко. Физически мне очень хорошо, но вместе с этим приходит осознание того, что я наделала. Я открыла Аиду все карты. Показала, на что способна. Продемонстрировала свою силу и исчезла в самый пикантный момент. Но останься я, что было бы тогда? Посмотрел бы он на меня как на девушку? Как далеко зашел бы, лаская обнаженное тело? Я же видела его взгляд. Он явно был на грани. Хотя это всего лишь догадки. Может быть, я вижу только то, что хочу.

Подхожу к окну и с опаской смотрю вниз. Туман практически рассеялся, и подо мной проглядывается большая поля-

на пестрых цветов. Розовый туман окутывает хрупкую россыпь растений, превращая увиденное в сказочный пейзаж. Еще сутки назад я бы не разобрала ничего с такой высоты, но теперь мой взор стал острее, нежели раньше. Теперь я подмечаю все. Как яркость лепестков, так и то, что это невероятное чудо не могло оказаться в таком жутком месте при помощи одних лишь сил природы. Как не может горный эдельвейс вырасти на скалах, где стоит замок Дракулы. Здесь правят иные силы.

Я, не отворачиваясь, вспоминаю танец и руки Аида на своей горячей коже. Прерывистый вздох слетает с моих губ. В груди снова становится жарко. Свет, струящийся по моим венам, разгорается ярче, будто по щелчку пальцев, а соседствующая с ним тьма отвечает довольным урчанием. Как будто я погладила спящую кошку, которая моментально отреагировала на ласку.

Это приводит меня в замешательство. То, что я должна была оказаться здесь, кормить Аида своей энергией, я поняла благодаря ритуалу. Но вопрос, зачем это все нужно, до сих пор не нашел своего ответа. И расстраивает меня не только это. Я чувствую, как трепетный страх перед Аидом постепенно трансформируется в нечто иное. Когда я получила силу, нужда в защите отпала. Я знаю, что не погибну от его рук. Он не выпьет меня досуха, не отправит на Елисейские поля блуждать вечной тенью. Пусть я еще не равная ему, но меня безумно расстраивает, что я этого хочу. Я хочу быть рядом с

ним. Мне нравится этот мир, и больше всего меня приводит в замешательство то, что я смотрю на Аида не совсем как на божество, в моих чувствах страх уступил место чему-то другому. Я начала смотреть на него как на мужчину.

По телу пробегает дрожь, и я инстинктивно мотаю головой, не желая принимать свои чувства. Я, та, которая предпочитала быть незаметной тенью, не хотела никем руководить, никем править, сейчас хочу быть божеством? Нет, я не могла настолько изменить свои взгляды на жизнь. Но ощущения говорят сами за себя. Эта сила внутри не позволит мне остаться в тени. Она привела меня сюда не для этого.

Мысли возвращаются к Аиду. Если я еще могу смотреть на него как на мужчину, то он... я знаю обо всех изменениях, постигших меня здесь, ему же они неведомы. Даже будь я трижды сильнее его, не думаю, что он признает это, что посмотрит на меня не как на источник энергии.

Я сажусь на кровать и обхватываю себя руками. Дрожь потихоньку проходит. Горячая слеза скатывается по щеке. Я не хочу ничего испытывать к существу, которое не посчиталось с моими желаниями. Да он не человек даже!

Эйфория от танца полностью покидает меня, ее, словно обрушившийся на голову снег, сменяет осознание моей беспомощности. Все дело в его поцелуях. В прикосновениях и взгляде. Так еще никто на меня не смотрел. Никто не пробуждал во мне такую лавину чувств и страсти. Я понимаю, что это просто последствия алхимии. Но, в конце концов,

это не могло пройти бесследно. Какая бы сила ни поселилась во мне, я все еще остаюсь двадцатилетней девчонкой, которая прежде не испытывала чувства влюбленности. Что я об этом знаю? Да ничего! Если даже в самом боге смерти смогла увидеть мужчину.

Я закрываю глаза, откидываюсь на подушки и стараюсь унять слезы. Кто знает, почему я плачу? Может, только сейчас до меня дошло, насколько я одинока. Не только здесь, в подземном царстве, а вообще в жизни. Я всегда была одинока. Ни мама, ни тем более отец не могли заполнить ту эмоциональную пустоту внутри меня. С парнями я не встречалась, подруги не могли понять и половины моих мыслей, из-за которых я считала себя довольно странной, а вскоре и вообще перестала ими с кем бы то ни было делиться. Сейчас же меня окутывает теплый кокон, в котором я больше не вижу клетку.

Сон приходит незаметно, когда слезы еще не высохли до конца. Я чувствую легкое прикосновение к щеке, но сил открыть глаза, чтобы посмотреть, кто это, не нахожу. Кто-то убирает мои слезы – или, может быть, мне просто это привиделось, – и я проваливаюсь в темноту сладкого сна.

– Перси, вставай! – ласковый голос выдергивает меня из дремы. – Ты уже несколько суток спишь, а пора уж и вспомнить, зачем ты здесь.

Я разлепляю глаза и, протерев их кулаками, смотрю на Гекату-озорство. Она стоит у окна и, скрестив руки на груди,

хитро улыбается.

– Несколько суток? Ты не шутишь? – почему-то мне слабо верится в сказанное, тем более от этого лика ведьмы только и можно ожидать таких шуток.

– Да какие уж шутки! Аид сам не свой. Приказал тебя не будить, но, когда заметил, что ты не появляешься уже какой день подряд, забеспокоился.

– Лев забеспокоился, что его мясо испортилось? – уточняю я и поднимаюсь.

– Ну зачем ты так? Аид, он хоть и жестокий – в своем понимании – но справедливый правитель. Он озвучил тебе свои намерения с самого начала, и, кажется, ты согласилась с ними. Или ты изменила свое мнение? – Геката недоверчиво смотрит на меня, будто выискивая в моих глазах ответ.

Я краснею и отворачиваюсь. Не хватало еще чтобы она догадалась о моих мыслях. Успев сто раз пожалеть о сказанной фразе, я подхожу к окну и потягиваюсь.

– Да, мы давно выяснили, для чего я нужна Аиду. Исключительно для удовлетворения его... хм, потребностей! – говорю я как можно равнодушнее, но обида все же звучит в моем голосе басовой нотой.

Геката молчит, но я уверена, она заметила мое состояние и все, что я пыталась скрыть. Да уж. Одно дело самой не знать, чего хочешь, а другое – когда все вокруг думают, что ты влюблена...

– Не хочешь ли ты сказать, что считаешь себя недостой-

ной кормить хозяина? – с подозрением спрашивает ведьма.

Я внутренне расслабляюсь. Геката неверно истолковала мою обиду.

Резко оборачиваюсь:

– Все, что я считаю, я озвучу ему сама, Геката! Не нужно строить ложных догадок! Я сказала ровно столько, сколько сама считала нужным сказать.

Девушка с подозрением смотрит на меня еще несколько мгновений. В ее глазах разгорается борьба между любопытством и желанием покориться.

Я даже сама не заметила, какую силу вложила в свои слова. Они все еще звенят в воздухе. Наконец Геката склоняет голову и тихо произносит:

– Ты права, Перси! Я не заметила, но ты очень быстро набираешь силу. С каждым днем ты становишься все более похожа на Аида, и меня это пугает.

– Я похожа на Аида? – глупо повторяю я, ничего не понимая. – Разве у нас не диаметрально разная сила? У него тьма, у меня свет!

– Да, все так, но я ощущаю в тебе его тьму, и она имеет власть даже надо мной. Ты сильная, Персефона. В твоей власти сейчас если не все, то большая часть живущих в этом замке.

Геката смотрит на мой профиль, и я краем глаза замечаю огонь в ее зеленых глазах.

– Ты говоришь загадками, Геката! Что значит «в моей вла-

сти»? Ты хочешь сказать, что я могу повелевать старухой, которая ест младенцев? Сказать ей, чтобы она убиралась?

– Да! – кивает девушка.

– И приказать садовнику Аскалафу высадить под моими окнами сад? – с вопросом я поднимаю бровь.

– И это тоже! Он не посмеет ослушаться, хоть и вряд ли действительно сможет это сделать.

– Почему? – спрашиваю я, вспоминая, как собственноручно вырастила там целую поляну цветов; только сомневаюсь, что в этом мире подходит слово «собственноручно» в таких делах.

– Персефона, замок стоит на земле, которая не может ничего вырастить, – слишком добродушно, как маленькому ребенку, объясняет Геката, – это пустошь, лишенная жизни. Сама суть подземного царства кроется в его безжизненном пространстве. Сюда попадают разные души и, как ты знаешь, не всегда хорошие. До суда человеческая душа должна понять, что перенеслась на другую сторону, в другой мир, где нет ничего живого. И только если душа проходит судные врата, она может отправиться на земли Асфоделиевых полей или же в Элизиум. А нет – она больше никогда не увидит света, цветов или зелени. Ни одна деталь не должна напоминать душе о надежде.

– Зачем такая жестокость? Ведь грешникам и так достанется в Тартаре!

– Это не жестокость, а справедливость! У грешников нет

ни единого шанса выбраться из бездны страданий, так зачем же им дарить надежду? Хорошие же люди и так увидят достаточно света и радости. Здесь же условия для всех равны.

Она права. Ложная надежда еще хуже окончательного разрыва со всем живым. Уж лучше человек сразу поймет, куда попал и что ему грозит, чем будет мучиться, изводя себя несбыточными мечтами, что его простят, пожалеют... Я тоже предпочитала сразу услышать «нет», чем изо дня в день надеяться на положительный исход. Слышать «может быть», которое, как правило, в итоге всегда означало «нет», просто с кучей потраченных надежд.

Я снова поворачиваюсь к окну и смотрю вниз, вглядываюсь в туман. Сквозь него по-прежнему просматривается россыпь цветов. Их не смог уничтожить даже сильный ветер и густой туман.

– Геката, подойди ко мне! – улыбаясь, зову девушку, и она слушается.

– Посмотри же туда, что ты там видишь?

Я наблюдаю, как ведьма подходит к окну и ее глаза расширяются от удивления.

– Перси... Но как? Что это? Даже мне со всеми моими знаниями не удалось бы это сделать. Хозяин собственноручно вытянул всю жизнь из этой земли. Это он сделал? – задает еще один вопрос Геката, не отрывая взгляда от цветов. И следом сама же отвечает: – Нет, не он. Повелитель может только отнимать, но не дарить. Ему нужна была хоть крупн-

да жизни в этой земле. А для такого поля – целый океан света, который он бы преобразовал в цветы. Но тогда кто?.. – ведьма поворачивается ко мне, а я все так же молчу, улыбаясь краешком губ.

– Неужели это ты, Перси?

– Думала, никогда не догадаешься! – я улыбаюсь еще шире.

– Но как? И зачем? А если повелитель узнает? – с опаской спрашивает она.

– Он знает, Геката! Аид первым увидел эти цветы.

– И ничего тебе не сделал? – все еще не веря моим словам, спрашивает ведьма.

– Как видишь! – ухмыляюсь. – Но теперь мне нужно увидеть его. Когда кормление?

Геката еще минуту стоит неподвижно, осознавая все, что узнала, а потом приходит в себя:

– А? Кормление? Ах ну да! Я поэтому и пришла! Сегодня в полночь, Перси. Давай я помогу собраться.

Глава 16

– Ты мне так и не расскажешь? – Геката перебирает мои золотистые светлые пряди, пока я сижу на мягком пуфик возле камина. Она решила самостоятельно заняться моей подготовкой к встрече с Аидом, отослав нимф домой, к реке Амелет.

Думаю, ее решение обусловлено скорее любопытством, чем реальным желанием помочь. Нимфы до этого прекрасно справлялись. По крайней мере, Аиду нравилось.

– Рассказать что? – переспрашиваю я, разглядывая свои отросшие ногти. Непривычно длинные. Если бы я захотела, могла бы выцарапать кому-нибудь глаза.

– Как у тебя получилось вырастить те цветы? – спрашивает Геката.

Руки ведьмы не движутся, будто бы она не умеет одновременно думать и заниматься делом. Она этого даже не замечает, с нетерпением ожидая моего ответа.

Я задумываюсь: могу ли я ей поведать о том, что случилось? Как рассказать о цветах, не упоминая обо всем остальном, что тогда происходило? Почему-то тот танец, как и все, что последовало за ним, кажется мне очень интимным. Хочется сохранить это в сердце только для нас двоих с Аидом. Может, это и было излишне романтично, но я же просто девушка. По крайней мере, была до недавних пор...

– Я не знаю, как это вышло. Просто сила, которая бушевала внутри меня, нашла выход именно в таком проявлении, – сухо отвечаю я, стараясь не дрожать от воспоминаний: руки Аида, скользящие по моим бедрам, его страстный шепот, пробирающий до мурашек, и мой танец в сплетенном ритме ударов наших с ним сердец... Ох, какое будоражащее чувство.

Голова кружится, и я закрываю глаза, чтобы унять дрожь.

– Хватит, мне кажется, прическа уже готова! – быстро говорю я, поднимаясь на трясущихся ногах. Я не спешу увидеться с Айдом, но и оставаться здесь, под допросом ведьмы, тоже нет никаких сил и желания.

– Но я же не закончила... – пытается остановить меня Геката.

– Закончила!

Отхожу к окну и устремляю взгляд в темноту. Красные вспышки терзают небо, но тишина стоит мертвая. Будто все звуки сбежали из этого мира в поисках более благодушной среды. Мы с ведьмой тоже молчим. Она понимает, что продолжать разговор нет смысла, как и наводить мне красоту.

Я выравниваю дыхание и пытаюсь перевести тему:

– Скажи, почему я не вижу тех двух демонов, что меня похитили?

Сейчас я могла бы им ответить. Они бы у меня получили по заслугам.

– Босавин и Гадриель? – с неким отвращением в голосе

выплевывает Геката.

Я киваю, не глядя на девушку, и она продолжает:

– Они контролируют перемещение душ на реке Стикс. В замке их редко можно встретить, но оно и к лучшему. Два за-сранца, каких поискать еще... – голос ведьмы сочится ядом, и мне становится интересно, за что же она их так ненавидит.

Я поворачиваюсь и прищуриваюсь:

– Что между вами произошло?

– В каком смысле? – девушка стряхивает с рукавов невидимые пылинки – ей явно не по себе от таких вопросов.

– Ты знаешь, о чем я! Почему ты так зла на них?

Геката закатывает глаза и вздыхает:

– Ох, Перси! Другому любопытному я бы уже высушила его длинный язык, но не тебе, – она смотрит в мои глаза, и я вижу искорку веселья: – Мне кажется, мы могли бы с тобой подружиться.

– Мне тоже так кажется! – я улыбаюсь краешком губ, снимая напряжение в беседе. Пусть наше знакомство и общение нормальными не назовешь, но, в конце концов, я же была человеком, простой смертной, а она ведьмой, которая живет дольше, чем существует человечество.

Геката садится в кресло и закидывает ногу на ногу. Ей не хватает только длинного мундштука с дымящейся сигарой, чтобы изобразить важную шишку, – такое светское лицо она соорудила.

– Эти два наглеца никогда не упускают возможности пе-

рехватить хорошую работу. Если где-то раздают бесплатный сыр, эти двое первыми вытягивают его, а в мышеловку попадает кто-то другой. Других таких изворотливых и гнилых существ трудно выискать даже в нашем подземном мире, не говоря о верхнем.

– Но почему Аид их держит? – удивляюсь я.

– Ах, Перси, все просто! Они как те крысы, любящие норы и гниль. Они выполняют самую грязную работу, в том числе...

– В том числе похищение меня?

Я мрачнею, вспоминая, как два мужика тянули меня по земле и грозились прибить, если я не перестану кричать. Ненависть Гекаты передается мне, и я цепляюсь пальцами за подоконник.

– Да, но ты же знаешь, Перси, Аид никого не похищал ранее. Каждый, кто попадал сюда, отдавал свой свет исключительно по своей воле. Они продавали души хозяину только ради каких-то никчемных прижизненных благ.

В моей голове возникает вопрос, от которого идут мурашки по коже. Неизвестное до этого времени чувство сжимает грудную клетку и заставляет сердце плавиться от обиды.

– Скажи, Геката... – я замираю, не зная, стоит ли спрашивать.

– Что ты хочешь знать? – торопит меня ведьма, чувствуя, как и я, что час кормления вот-вот настанет. Время бежит с невероятной скоростью.

– Аид, он брал еще чью-то энергию? Я имею в виду, пил ли он чей-то свет? – чувствую, что краснею, но ничего не могу с собой поделать. В памяти возникают слова Гекаты о том, что мужчина может пить только энергию женщин, и наоборот. А чтобы выпить ее, нужен поцелуй. Я представляю, как Аид целует другую девушку, как она тает в его руках, и боль острым кинжалом пронзает мое сердце.

– Я бы могла ответить тебе, что да, пил, он же повелитель, у него больше привилегий, чем у нас всех, вместе взятых, но не скажу. Я просто не знаю, – взгляд ведьмы становится задумчивым.

– Значит, я первая девушка, которая живет здесь? – мое сердце делает кульбит, и мне хочется подпрыгнуть от радости. Раз ведьма не видела ни одной, то это было не так, как со мной. Но выражение лица Гекаты притормаживает мое счастье.

– Да, ты первая, но я вижу, о чем ты думаешь, Перси. И меня это немало расстраивает. Это не мое дело, но я привязалась к тебе и не могу не предупредить.

– О чем? – дрожащим голосом уточняю я, кожей чувствуя неладное.

– Он – древнее божество, он вечный как сама жизнь. Его призвание и цель существования в том, чтобы этому миру не пришел конец. Чтобы каждая человеческая душа прошла арку весов суда и обрела покой.

– Я понимаю, но...

– Дослушай! – перебивает девушка и устремляет на меня зеленый горящий взгляд. – Я вижу, что ты не понимаешь! В твоём сердце уже зародилось ненужное человеческое чувство, но ты должна знать, что у Аида и сердца-то нет! Он не умеет любить! И то, что у него за все тысячелетия не было пары, только подтверждает это! Мне очень жаль, но даже то, что ты становишься похожей на нас, не сделает тебя равной ему.

– Я не этого хотела. Просто мне казалось, он смотрел на меня не как на источник энергии... – зачем-то оправдываюсь я, а по щеке скатывается предательская слеза.

– Ох, Персефона... В тебе еще очень много человеческого. Может, когда-нибудь ты и станешь божеством, но пока еще в тебе живет человек. Девушка, которая не знает, что такое любовь.

– Достаточно! – обрываю я то ли Гекату, то ли свои слезы. – Я поняла тебя! Ты заблуждаешься! Я не чувствую ничего к Аиду, это обман. Мне просто было интересно, только и всего!

Геката кивает, но я понимаю, что мои слова не убедили ни ее, ни меня саму.

– Мне пора идти! Уже полночь, а хозяин будет зол, если его еду подадут позже назначенного времени.

– Ты права! – грустно соглашается ведьма и растворяется в воздухе.

Я подхожу к зеркалу и вытираю ручейки слез. Заставив

себя улыбнуться отражению, я с болью в сердце представляю комнату Аида, чтобы уже через мгновение оказаться там.

Он сидит в высоком кресле, боком ко мне, практически как в первую нашу встречу. Камин отбрасывает блики на черные лаковые туфли, но совсем не греет мою вмиг озябшую кожу. Хотя внутри мне и так жарко. Я молчу, не двигаюсь с места. Аид поднимает на меня темный взгляд из-под густых бровей. Не могу разобрать его эмоций, но мне кажется, мужчина зол. Нет, не так, он взбешен, но огоньки от камина пляшут чертятами в его глазах, обманывая меня напускным весельем. Он тоже молчит, как будто дает время обдумать мою ошибку. И это срабатывает. Я начинаю перебирать в голове все, что могла натворить, но больше всего меня пугает то, что Аид узнал о капле его крови, которую я выпила ради ритуала.

Тишина становится невыносимой, но я не хочу начинать разговор. Если он решит сейчас же меня убить, то так тому и быть, но унижаться перед ним я не стану.

Я выпрямляю спину и расправляю плечи. Во взгляд вкладываю больше уверенности и равнодушия, даже, может быть, немного надменности. Пусть сердце мое почувствовало к нему нежность, я ни за что этого не покажу.

Изменение моего настроения не проходит мимо внимания Аида, и тот хитро улыбается одним уголком губ.

– Вы пришли... – нарушает тишину мужчина.

– А могла не прийти? – вскидываю брови. – У нас же дого-

вор. Как я смею его нарушать? – пальцы тянутся к кулону, но я тут же одергиваю себя. Неожиданно, но мне кажется, будто украшение весит тонну, что оно сейчас же задушит меня. Я хватаю ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег реки.

– Да, договор. Но и вы теперь не просто человек, так ведь, мисс Персефона?

Мое имя из его уст проливается бальзамом на оцарапанное сердце. Я вздрагиваю и закусываю губу. Взгляд мой падает на губы мужчины, и я понимаю, насколько сильно хочу их поцеловать. Почувствовать их мягкость и чувственность. Горячий шепот своего имени, отражающийся прямо в сердце.

– Все верно, Аид! – растягиваю последнее слово и вижу, как расширяются его зрачки. В них плещется желание, и я точно знаю, что ему тоже понравилось то, как я произношу его имя. Без капли преклонения или заискивания. Чистый вызов его величеству от простой смертной.

– Подойдите! – зовет он шепотом, и я не смею послушаться. Делаю несколько шагов и оказываюсь возле него. Аид поднимается на ноги, и его величественная фигура нависает надо мной, закрывая свет, исходящий камином, словно поглощая его. Его мне заменяет взгляд хозяина, в котором горят интерес и страсть. Разве так смотрят на безликий источник энергии?

Его губы слишком близко, чтобы я могла думать связно, но я слегка отстраняюсь, чем удивляю мужчину. Вижу, как

интерес в его глазах растет. Он понимает и принимает мою игру. Еще несколько встреч назад я не могла противиться его желаниям, как и своим собственным. Сейчас же я ощущаю хоть и тонкую, но довольно четкую грань.

Легкое прикосновение к щеке, и вот уже его горячие пальцы порхают по моей шее и спускаются к ключице. Дрожь миллиардами мелких мурашек пробегает по всему телу, и я ухмыляюсь в ответ. Один – один, Аид. Он понял, что я хочу этого поцелуя не меньше, но что он вкладывает в него? Чистый интерес к моему свету или же что-то другое?

Не убирая его руки, я поднимаю ладонь и прикасаюсь к его груди. Шелковая рубашка скользит под пальцами, и я чувствую то, чего не должна была ощутить. У него есть сердце! Иначе, что же сейчас в его груди грозит выпрыгнуть наружу?

Ухмыляюсь и продолжаю путь ладони вниз. Пальцы достигают живота, и Аид издает рычащий звук. Перехватывает мою руку и подносит к своим губам. Теплый поцелуй, никак не связанный с алхимией, выбивает воздух из моей груди, и я поднимаю растерянный взгляд на мужчину.

– Ох, Персефона... – улыбается он, увидев мое смущение. Закрепляя свою победу, Аид притягивает меня к себе и целует в полураскрытые губы.

Я забываю, как дышать, растворяясь в его руках. Чистое безумие. Как я могла подумать, что в силах его переиграть? Все мои желания сейчас сводятся только к одному: чтобы он

не прекращал. Но Аид и не собирается меня отпускать.

Свет покидает мое тело, освобождая место для его тьмы. И она врывается в меня глотком свежего воздуха. Только сейчас я понимаю, как мне этого не хватало. Будто в засуху я пытаюсь напиться водой, которую уже не надеялась получить.

Его язык раздвигает мои губы и сплетается с моим. Из груди вырывается сдавленный стон, и мужчина вторит ему. Разве при простом кормлении не только я получаю удовольствие? Но судя по тому, что руки мужчины не столько придерживают меня, сколько жарко прижимают к себе, можно было вообразить...

Ох, когда его губы накрывают мои, а колени подкашиваются от нахлынувших чувств, так легко обмануться. И я хотела этого. Я обманывала саму себя, отвечая мужчине на страстный поцелуй, лишь отчаянно желая, чтобы он чувствовал ко мне то же самое, что и я к нему.

Глава 17

Я не знаю, сколько длится этот поцелуй. Он разрушает меня и собирает заново. Тьма ласковым зверем окутывает тело, играет с моим светом, поглощая его. Этот красивый танец смерти завораживает и тянет в воронку неизбежности. Я ощущаю себя другой, ощущаю, как Аид меняет меня на самом глубинном уровне. И вдруг понимаю совершенно простую, но оттого и незаметную вещь: смерти не существует. Только изменение. Ничего не исчезает бесследно, ведь на его месте всегда будет что-то другое. Даже если вся наша планета взорвется, на ее месте никогда не останется истинная пустота. Разрушая, мы создаем, а создавая – разрушаем. Любое действие или мысль, рождаясь, уничтожает то, что было до нее. И этот круговорот неизбежен. Все циклично и больше напоминает замкнутый круг, чем прямую линию от точки рождения до точки смерти.

Это осознание выбивает почву из-под ног. Человек не умирает, он идет своим путем, преодолевая преграды, но даже после окончания жизни на Земле он не перестает существовать. Каждого ждет свой путь, прямо отражающий его состояние души. Каждый по итогу получит то, чего заслужил.

С невероятным усилием я разрываю поцелуй и смотрю в глаза самого бога смерти. В его взгляде бушует штормовой

океан. Глубокий, серый, несущий неминуемую гибель моей воли. Но я не отвожу взгляда. Для меня они само совершенство. В них хочется тонуть. И в этот миг ко мне приходит истинное осознание, что он видит во мне не только источник энергии. Геката была не права. В его взгляде плещутся хорошо скрываемая страсть, желание и... любовь?

– Перси... – шепчет Аид.

Я молчу и притрагиваюсь ладонью к его щеке. Ощущаю нашу связь лучше, чем когда выпила каплю его крови. Тогда зрение мое было еще человеческим, а глаза не различали все безумные оттенки его тьмы. Я как будто увидела восьмой цвет, которому не было названия. И этот взгляд околдовывает меня все сильнее, лишает ощущения реальности.

– Аид... – отвечаю я, хватаясь за его рубашку, как утопающий за спасительный плот.

Мне кажется, мои ноги превратились в желе. Чувства терзают меня, и я не могу сдерживать их. Меня качает на волнах его влияния. Но я не хочу тонуть одна. Обнимаю мужчину за шею, но ощущаю, как его тело напрягается.

В этот раз все по-другому. Я не теряю сознание, не висну на его руках безвольной куклой. Он может чувствовать, что мой свет не слабеет, а лишь заменяется его тьмой. И это восхищает Аида. Мужчина подхватывает меня на руки и несет на кровать.

Меня вовсе не заботит, чем все это закончится. Разве бог смерти может любить? Он же даже не человек! Можно ли во-

обще представить, что реакции у него такие же, как у обычного мужчины? Мне трудно это вообразить.

Сознание тает свечой в его горячих руках. И мы падаем на кровать. Красный бархат ласкает оголенную кожу и кружит голову.

– Вы пахнете солнечным светом и диким медом, моя девочка! – шепчет Аид, целуя мою шею.

Толпа мурашек пробегает от ключицы до пальцев ног. Я дрожу. Мне хочется большего, но как перестать бояться? Кто я, а кто он? Пусть во мне есть немного божественной силы, но Аид может сломать меня как куклу. И если не физически, то душевно. Смогу ли я отпустить его, когда он наиграется? Стоит ли заходить так далеко? Ведь пути обратно для меня не будет.

Мысли разлетаются стаей испуганных птиц, когда руки Аида спускаются на мою грудь и сжимают ее через ткань. С губ срывается стон, а тело пронзает сладкая истома. Собирая силу воли по крупичам, я хватаюсь за нее и отстраняюсь от Аида.

– Вы боитесь меня... – шепчет мужчина.

Это не вопрос, но я зачем-то отвечаю:

– Да, то есть нет, я боюсь не тебя... – еле слышно говорю я.

Аид склоняет голову, внимательно слушая меня.

– Чего же? Я слышу, как бьется ваше сердце, оно выдает страх, а не желание.

– Я боюсь того, что ты со мной делаешь. Как на меня влия-

ешь. Я совершенно тебя не знаю, – несвязно бормочу я, подтягивая под себя колени.

Бретелька платья, которую Аид сбросил с моего плеча, вызываяще открывает вид на упругую грудь, и мужчина опускает взгляд. Его пальцы подхватывают ленту, а я вся сжимаюсь. Но он только ухмыляется и поправляет ее на место.

– Вы знаете обо мне ровно столько, сколько нужно. Как и я о вас. Вы помните о нашем договоре, мисс Рейли? Мы не будем выходить за его рамки.

Аид смотрит на мой кулон и замолкает. Я неосознанно беру его в кулак и сжимаю. Мне страшно. Что, если он догадается, что я осушила сосуд? Во мне капля его крови, капля его силы, и он это может воспринять как личное оскорбление. Он вручил мне Зерно Граната, как змей-искуситель яблоко в руки Евы. Это проверка моей верности. Откушу ли я кусочек от его силы? Но я вкусила запретный плод, и теперь только время подскажет, в какой час меня настигнет расплата за такую вольность.

– Мисс Рейли... – начинает Аид.

Я невольно сжимаюсь, готовясь к худшему. Сердце отбивает рваный ритм и готово сломать мне ребра изнутри. Но мужчина будто не замечает моего состояния. Он поднимается с постели, уходит к креслу и опирается на него локтем.

Его лицо полностью расслаблено, словно между нами несколько мгновений назад и вовсе ничего не происходило.

Аид смотрит на меня, как на интересный экспонат в музее – с улыбкой и глубокой задумчивостью, заставляя сжиматься в клубочек. Но когда он отводит взгляд, я постепенно выравниваю дыхание и прихожу в норму. Мысли вновь собираются и текут в нормальном ритме.

– Я, наверное, пойду... – осторожно говорю я.

– Оставайтесь.

Его голос звучит мягко, практически как просьба. Я поднимаю взгляд на Аида и не знаю, что сказать. Меня до сих пор колотит. Все эмоции, пережитые за минуты с ним, от восторга и эйфории до безумного страха, выливаются в неконтролируемую дрожь – предвестник истерики.

Аид замечает мое смятение и, ухмыляясь, подходит ко мне, затем хватает покрывало и заворачивает меня в него с головы до ног.

– Я ничего вам не сделаю. Просто не хочу, чтобы вы уходили. Не знаю почему, не спрашивайте.

– Хорошо, но мне хочется спать. Я хоть и не теряю сознание теперь, все равно сильно устаю... – шепчу я, и Аид кивает.

– Знаю, ложитесь, я просто буду рядом. Вам тоже будет легче перенести последствия алхимии, если я буду с вами, поверьте.

И я верю. Ложусь на кровать и подтягиваю под себя ноги. Аид садится в кресло и устремляет взгляд на плещущиеся языки пламени в камине. Мне кажется, я не смогу уснуть,

зная, что он рядом, наблюдает за мной. Но, к моему удивлению, вскоре я успокаиваюсь и согреваюсь. Мне уютно и хорошо. Энергия в груди улеглась и больше не грозит разорвать меня на куски. Я громко зеваю и закрываю глаза.

Впервые в жизни я ночую с мужчиной. Не совсем с ним, но в его комнате. Аид по-прежнему остается в кресле и, кажется, совершенно забыл о моем присутствии. Для меня это новое чувство, но я не боюсь, не ощущаю неловкости. С другой стороны, он и не совсем человек, тогда что же я должна испытывать в таком случае? Наверное, все именно так, как и должно быть, а мою душу переполняет верное осознание, что нахожусь я на своем месте.

Перед тем как провалиться в сон, я слышу легкие шаги. Кровать рядом со мной прогибается, и я ощущаю ласковое прикосновение руки Аида к своей щеке. Невесомые касания похожи на порхание крыльев бабочки. Я жмурюсь от удовольствия и поворачиваюсь к нему. Не контролируя свои действия, утыкаясь носом в его грудь, чувствуя невероятно притягательный запах свежести океана и диких лесов. Мужчина слегка напрягается, но вскоре обнимает меня в ответ.

– Спи, моя девочка... – звучит довольно знакомым тоном, будто бы я слышала это каждую ночь. Но я не задумываюсь об этом. Лишь зеваю, прижимаюсь сильнее к его крепкому телу и проваливаюсь в мир грез.

Так спокойно я не спала еще со школы. Мне казалось, я плавлюсь зефиром на солнце, так мне сладко и хорошо. Еще

не сообразив, где я нахожусь, плавно потягиваюсь, словно сытая кошка, и открываю глаза. Вспомнив вчерашние события и то, что я провела ночь в комнате Аида, оглядываюсь, но нигде его не нахожу. Сажусь на кровати и задумываюсь. Мне не страшно, уже нет, но где-то в груди поселяется странное, необъяснимое чувство. Оно словно щекочет мою душу, отчего хочется или смеяться, или убежать.

Камин уже давно отгорел, а за высоким окном проглядываются розовые сумерки. Утро. Рассеянный нежный свет падает на мою кожу, придавая ей некое внутреннее свечение. Аид открыл окна, перед тем как уйти? Странная мысль мелькнула в голове. Что, если он хотел, чтобы я проснулась не в темноте? Неужели тот, кто не умеет чувствовать и любить, может предугадать подобные вещи?

Я встаю и подхожу к окну. Судя по расстоянию до земли, комнаты Аида находятся если не на таком же уровне, как мои, то лишь немногим ниже. Мысли текут неторопливым потоком. Закрываю глаза и глубоко вдыхаю воздух. Комната хранит в себе запах хозяина, едва уловимый, ни с чем не сравнимый, но такой... привычный?

– Вы проснулись... – слышится позади шепот, а вслед за ним я ощущаю прикосновение теплых ладоней. Мужчина проводит нежными пальцами по моим рукам от запястий до плеч.

– Ты вернулся... – зачем-то говорю я. Почему мне казалось, что он оставил меня до следующего кормления?

– Я рад, что успел до того, как вы исчезли! – усмехнулся Аид.

Поворачиваюсь к нему и всматриваюсь в его глаза. Сегодня это северный океан при полном штиле. Он не грозит разорвать меня на части, ударяя о скалы. Он нежно омывает меня в своей нежности. Неужели это чувство знакомо Аиду? А может, он тоже не способен это контролировать?

– Знаете, – начинает он, притягивая меня ближе, отчего мое сердце бьется чаще, – раз вы становитесь сильнее, вам под силу переместиться куда угодно, и это может оказаться для вас опасным. И я решил, что пришло время познакомить вас с этим миром.

– Я уже не пленница? – спрашиваю я с усмешкой на губах. Знаю, что нет, но мне хочется услышать это от Аида.

Мужчина ухмыляется, а в его глазах начинают плясать озорные огоньки. Надо же, суровый, вечно серьезный бог смерти умеет улыбаться, как обычный мальчишка?

– Нет, больше нет! С того момента, как вы надели этот кулон, – Аид кончиками пальцев касается украшения, и я вздрагиваю. – С тех пор вы стали здесь гостьей.

– Ты всем гостям показываешь мир? – лукаво выдаю я, пытаюсь унять дрожь от его прикосновений.

– Только тем, кто может вдохнуть жизнь в совершенно мертвую землю, – нарочито игриво подмигивает Аид.

Он выпускает меня из объятий и отходит.

– Позовите Гекату, пусть подберет вам одежду. Не везде

достаточно тепло, чтобы такой цветок, как вы, мог выдерживать, – в руках у мужчины возникают уже знакомые мне чашы, и он, не отрываясь от них, произносит:

– Не опаздывайте. Теперь вы должны очень хорошо чувствовать время.

Увидеть весь подземный мир? Все внутри меня сжимается от предвкушения. Неужели правда? Такого восторга я не испытывала ранее даже в детстве, когда впервые посетила зоопарк.

Аид исчезает, а я смотрю на то место, где он был еще секунду назад. Хочу позвать Гекату, но вдруг замечаю какое-то движение на кровати. Подхожу ближе и чувствую безумно приятный аромат. Улыбаюсь. На алом покрывале лежит букет уже знакомых мне черных тюльпанов.

– Не опоздаю! – говорю я букету и беру его в руки.

Первый такой я выбросила, не успев насладиться действительно изумительным запахом необычных цветов. Нежные стебли и бархатные лепестки ласкают кожу. Я зарываюсь носом в бутоны и глубоко вдыхаю. Представляю свою комнату и переносусь туда с цветами в руках.

– Геката? – зову я не слишком громко, уверенная, что девушка меня услышит. Так и есть: спустя лишь мгновение ведьма появляется передо мной и удивленно косится на букет.

– Даже так? – спрашивает девушка, приподняв бровь.

– Для них нужна ваза? – спрашиваю я.

– Нет, что ты, они не увянут еще очень долго. И вода им не нужна. Они питаются энергией хозяина.

– Отлично! – я нехотя кладу букет на тумбочку и поворачиваюсь к Гекате. – Мне нужна твоя помощь! Аид пригласил меня на прогулку по подземному царству. Подбери мне одежду, кому, как не тебе, знать, что мне стоит надеть.

По мере моего рассказа о сути просьбы глаза Гекаты все больше расширяются, и она нескоро приходит в себя.

– Д-да... ох, ничего себе! Хорошо, сейчас сделаем! – она хлопает в ладоши, и на кровать падают вещи: платье, рубашки, штаны и даже теплая короткая шубка.

– Замечательно! – улыбаюсь я, предвкушая прогулку.

Глава 18

Я выбираю удобные теплые штаны из тянущейся ткани и хлопковую рубашку, поверх которой набрасываю меховую накидку. Удивляюсь высоким сапогам, предложенным Гекатой.

– Это ридинги? Мы что, поедем на лошадях?

Она закатывает глаза, удивляясь моей недогадливости.

– Перси, ты как будто только вчера родилась! – говорит она с доброй улыбкой. – Хотя в каком-то смысле так оно и есть, – девушка помогает мне заправить штаны в сапоги и добавляет: – Конечно, на лошадях, или ты решила пешком обойти все подземное царство? Аид-то бессмертный, он может и тысячу лет бродить, но ты?

– Я поняла! – киваю я. – Только мне теперь тоже чужды человеческие потребности. Они полностью восполняются энергией Аида.

– Не полностью, ты ведь еще нуждаешься в сне? Может, не так часто, как люди, но все же. С течением времени, скорее всего, и эта потребность уйдет. А пока будь добра поторопиться!

– Все понятно! – соглашаюсь я с ведьмой. – Однако я не умею ездить на лошадях. В детстве как-то пробовала и чуть не свалилась. С тех пор у меня к ним настороженное отношение.

Геката хихикает, но молчит. Она помогает мне собрать волосы и, сделав замысловатое плетение, отходит назад, чтобы полюбоваться своей работой:

– Кажется, ты готова!

– Мне так не кажется! – вдруг выдаю я. – Ну где я, а где лошади? Почему мы не можем просто перенестись?

– Перси, это не совсем простые лошади. Скоро ты все поймешь! Не бойся, Аид позаботится о тебе! – улыбается она и растворяется в воздухе.

Что ж, прекрасно! Аид позаботится! Еще и лошади непростые! И что это могло бы значить? Сбросят меня со своих сказочных спин как-нибудь по-волшебному?

Я уже начинаю себя накручивать, представляя всякие ужасы, когда чувствую легкое дуновение ветерка за своей спиной.

– Мисс Рейли... вы готовы?

Я оборачиваюсь и вижу Аида. Мое дыхание перехватывает от вида мужчины.

– Решил не ждать, а зайти за вами сам, – хитро мурлычет он бархатным голосом.

Неосознанно пробегаю взглядом по нему с головы до ног, не находя слов, чтобы описать свое изумление. Аид одет в такие же плотные штаны с высокими сапогами, как и у меня, белую рубашку старомодного покроя и темно-синий камзол. Настоящий принц. Только вот царство у него не совсем сказочное. Длинные волосы он убрал в низкий хвост, а серые

глаза горят огнем жизни. Лукавые искорки в них переливаются и кружат голову.

Не без труда отвожу взгляд и прокашливаюсь.

– Идем?

– Как пожелает дама!

Аид подставляет мне свой локоть, и я, решаясь лишь несколько секунд, кладу на него руку. Мужчина улыбается, и мы тут же переносимся в темное помещение. Запах сырости бьет в нос прежде, чем ноги ступают на утоптанную землю, а глаза привыкают к темноте.

Я понимаю, что мы оказались в том же зале, куда я попала, когда двое демонов притащили меня в подземное царство. Устремляю взгляд туда, где была дверь, через которую хотела сбежать, но ничего не вижу. Вопросительно смотрю на Аида, и тот усмехается:

– Все просто, Персефона... – взмах руки, и перед нами появляется выход.

– Скажи, это можешь сделать только ты? Открыть путь на Землю?

– Да!

– Тогда почему, когда я убегала, дверь была открыта?

Аид серьезно смотрит в мои глаза.

– В тот раз я просто хотел проверить, как далеко вы способны зайти ради своей цели, поэтому открыл ее.

– А если бы у меня получилось? Ты бы выпустил меня? – я отвечаю на его взгляд с вызовом и вижу в его глазах стальную

уверенность с капелькой сожаления.

– Да, мисс Рейли, – вежливо и с поклоном головы отвечает Аид. – Я бы не стал препятствовать. Хотя, скорее всего, пришел бы за вами на Землю и просил вернуться.

Просил? Это слово застрекает в моем сознании. Оно явно не вяжется с характером бога смерти. «Заставил, пленил, похитил» – это да.

Я судорожно вздыхаю и отвожу взгляд. Мне действительно хотелось домой, но я уже не представляла себя среди людей. Мое место здесь.

– Не грустите, дорогая, вам все равно не удалось бы выбраться, – продолжает мужчина. – Чтобы попасть на Землю, нужно задобрить старого Харона, а у вас с собой не было ни гроша.

– Кого? – удивляюсь я, услышав это имя.

– Лодочник, который переправляет души умерших через бурные воды реки Стикс. Он мог вас отправить обратно, но только в случае, если вам было бы что ему предложить взамен.

– Значит, шансов никаких! – я констатирую факт и замечаю, что меня это больше не трогает. Мне действительно уже все равно, что Аид похитил и запер меня. Я меряла его человеческими нормами, а он древний бог. Для него наша жизнь – одно мгновение. Вряд ли он вообще способен понять человеческие чувства. Откуда ему, существовавшему только в подземном мире, знать, что такое привязанность и любовь?

Долг перед семьей и дружба?

Аид шагает в мерцающую дверь, и поверхность идет рябью. Не размыкая наших рук, он тянет меня за собой, и я ступаю сквозь врата. Ощущение внутренней дрожи, словно я прошла сквозь поток воды, пронзает меня, но я стряхиваю с себя это оцепенение.

Тут же мы оказываемся за пределами замка, на широких ступенях казалось бы бесконечной лестницы. Ветер треплет мои волосы, но я смотрю только вперед. Темнота окутывает нас, не давая рассмотреть то, что внизу, – все утопает во мгле. Но как только мы начинаем спускаться, высокие чаши вокруг нас загораются красно-голубым пламенем, освещая дальнейший путь. Ступени за ступенями. Куда ни взгляни, видно лишь мерцание воздуха. Как будто эта темнота живая.

В молчании мы спускаемся все ниже, и я все отчетливее чувствую запах воды и холод.

– Как вы могли заметить, Цербера сегодня не было возле двери. Его обязанность – охранять выход в том случае, если какая-нибудь заблудшая душа решит сбежать. К несчастью, она окажется в зубах зверя.

– Я помню... – тихо роняю я.

Перед глазами встает треглавая тварь с зубами в мой палец. Как он придавливает меня к земле огромным телом, обдавая запахом разлагающейся плоти из пасти, а я содрогаюсь в ужасе и ожидании скорой смерти.

– Он бы вас никогда не тронул. Я бы не позволил, – одной

фразой унимает мою дрожь Аид, будто читая мысли.

Мужчина ведет меня к большим вратам, врезанным в высокую стену, теряющуюся в черно-бордовых тучах где-то в необозримой вышине. Сейчас врата открыты, будто бы готовятся кого-то впустить, или, может быть, выпустить нас?

– Было ли такое, что кому-то удалось сбежать? – интересуюсь я.

– Никогда. Как только душа ступает на берег, путь назад для нее невозможен, – невозмутимо отвечает Аид.

– Понятно, не зря у нас говорят, что «оттуда не возвращаются», – тяну я.

– Так и есть, мисс Рейли.

Мы минуем врата. Странное предвкушение заставляет мое сердце дрожать. Неужели я действительно увижу то, чего не видел ни один человек?

Речной запах становится отчетливее, и вскоре мы действительно подходим к берегу, где темная гладь воды отражает свечение огня в чашах.

– Вот мы и пришли... – спокойно говорит Аид, глядя в темноту над рекой.

Мертвая тишина, разбавляемая едва слышимым плеском воды, умиротворяет. Кажется, я оказалась в странном сне, наполненном спокойной, совершенно не пугающей мистикой. Чувство завершенности окутывает меня, и я вдруг понимаю, что это отголоски последних ощущений умирающих. Они сдаются. Покоряются воле бога смерти и отплывают в

свой последний путь.

Я пытаюсь разглядеть то, что видит Аид, но поначалу не вижу совершенно ничего. Оглядываюсь по сторонам, и вдруг мое внимание привлекает появившийся из тумана на реке огонек. Вскоре показывается и фигура. Старик с длинной бородой и в мешковатом одеянии стоит на корме широкой лодки и держит в руках желтый фонарь. Он медленно подплывает ближе, а я стараюсь не смотреть в пустые глазницы тех, кого он везет в своей лодке. У них такой растерянный вид, что я чувствую, будто тону в их обреченности. Глубокий вдох. Я могу это выдержать, я больше не человек. Уже нет.

Аид сжимает мою ладонь, явно чувствуя, насколько я напряжена, и кивает старику:

– Здравствуй, Харон!

Паника на миг завладевает мной. Не хочу видеть этих пустых лиц. Они, наверное, еще не поняли, что их жизни пришел конец.

Старик исчезает в тумане, а я закрываю глаза и следую за Аидом, и лишь спустя несколько минут он окликает меня:

– Персефона, познакомьтесь...

Я открываю глаза и вижу четверку огромных черных лошадей. При виде нас они возбужденно храпят и переступают с ноги на ногу. Глаза их горят настоящим огнем, разгоняя мрак вокруг и указывая, что это действительно необычные лошади. Это адские создания, взгляд которых выжигает душу.

Меня трясет, и я понимаю, что точно не сяду ни на одно этих чудовищ. Я и с обычной лошастью не справилась бы, а тут...

– Я не поеду на этом! – говорю я, указывая на адскую четверку.

Аид мягко усмехается и гладит по гриве одного из коней. Вороной, с блестящей шерстью и шелковой гривой, самый крупный из всех четверых. Он отвечает огненным взглядом на ласку мужчины и кивает, признавая в нем хозяина. Остальные трое склоняют головы за ним. Значит, этот в их упряжке главный?

– Подойдите, не бойтесь! – говорит Аид, затем мягко добавляет: – Вы же знаете, я не позволю никому причинить вам вред!

Я долго смотрю в его глаза и киваю. Уверенность в том, что его слова правдивы, не дает отступить, показать слабость. В конце концов, это просто животное. Подхожу к коню и кладу ладонь поверх руки Аида.

– Его зовут Смерть! – Аид переплетает пальцы с моими, не давая мне вырвать ладонь от нахлынувшего ужаса, стоило мне услышать имя коня. Мужчина кивает в направлении остальных: – А там Голод, Война и Чума.

– Их имена... – не веря своим ушам, шепчу я. – Это лошади всадников апокалипсиса? Так, выходит, мифы правдивы и ими управляешь ты?

– Да, они подчиняются мне. У вас, людей, есть множество

предзнаменований конца света. Но не они послужат началом Дикой охоты.

– Что же будет, если они появятся в нашем мире? Ты придешь вершить суд на Землю? – Я шокированно перевожу взгляд с коней на Аида. – Все знают, *что* означает приход этой четверки, – что человечеству пришел конец, что нас ждет кара небесная и никому уже не спастись.

Аид прищуривается и задумчиво отвечает:

– Если я прибуду на Землю в колеснице, запряженной этой четверкой, человечеству и вправду придет конец. Только не потому, что я приду наказывать. А потому, что баланс энергии будет необратимо нарушен. Тьма опустится на этот мир, похоронив под собой все живое. Это мало похоже на суд, не так ли, мисс Рейли?

– Да. Но ведь не все заслуживают такой участи, – соглашаюсь я, продолжая гладить коня. Его глаза неотрывно смотрят на меня, но я уже не боюсь. Каким бы умным он ни был, он подчиняется Аиду, а значит, его желание убить меня на месте, которое горит в адском взгляде, не будет исполнено, пока его хозяин не прикажет.

– Я не жесток, хоть каждый из людей думает иначе. Я справедлив! Каждый умерший на Земле заслуживает того, чем был наполнен при жизни. И я здесь ни при чем. Только выбор самого человека влияет на его участь. Я же слежу за исполнением приговора, отмеренного каждому из них с начала времен. Вы должны видеть меня настоящего! Ведь

так? – тоскливый огонек вспыхивает в глазах Аида, и мне тоже становится больно. Он думает, что я осуждаю его?

Я знаю, что Аид имеет в виду: вижу ли я его внутренние мотивы, заметила ли его стремление к правде. Но мне давно открылась истина его сути – это точное балансирование между справедливостью и жестокостью. Он ходит по лезвию ножа столько, сколько существует мир, ни разу не накренившись в сторону. Мир существует, а значит, Аид – это бастион. Граница между светом и тьмой. Мое существование уже говорит о том, что здесь, внизу, все идет так, как должно.

Я киваю и вглядываюсь в серые глаза, плавящиеся под моим взглядом раскаленной сталью. Пытаюсь найти в них ответ, но оказывается, что он гораздо ближе. Ответ давно в моем сердце, тесно связанный с тем, как я вижу мир. Лишь хочу понять: зачем ему знать то, что я о нем думаю? Разве это важно?

Губы мужчины оказываются совсем рядом с моими. Но он закрывает глаза и шипит сквозь зубы, будто хочет унять боль:

– Нам пора...

Я выныриваю из омута его глаз и, прокашливаясь, пытаюсь прийти в себя. Разглядываю лошадей одну за другой.

– На которой из них мне придется отправляться в путь?

– Я бы предложил вам сесть со мной...

– Нет! – немного резче, чем сама от себя ожидала, отвечаю я. Не знаю почему, может, потому что близость Аида путает

мои мысли? Я же действительно хочу как следует узнать то место, в котором оказалась, а не думать о его груди, тесно прижатой к моей спине.

– Я отправлюсь на Чуме, если ты не против!

– Хороший выбор! – одобряет Аид и помогает мне взобраться на лошадь. Да, это оказывается единственная женская особь в четверке, и я интуитивно выбрала именно ее.

Сам он взбирается на Смерть и подгоняет его легким ударом каблуков о мягкие бока.

– Боитесь, мисс Рейли? – ухмыляется Аид, видя, как я в страхе вцепилась в поводья, лелея свой страх.

Глядя в его глаза, я чувствую невысказанный вызов и улыбаюсь в ответ:

– Нисколько!

Я чувствую огонь в крови, который бурлит во мне с невиданной силой. Может быть, он передался с энергией адской лошади, а может, был спрятан во мне, – это неважно. Мое тело становится мягким, словно пластилин, и я пригибаюсь ниже.

– Теперь попробуй догони! – выкрикиваю я и пришпориваю Чуму.

Она пускается в галоп быстрее Смерти Аида. Я вижу его удивленный взгляд и взмываю в кровавое небо. Теперь понятно, о чем говорила Геката. Это действительно не совсем обычные лошади. Они подхватывают ветер, будто для них чужды законы гравитации, становясь единым целым с ним, и

летят. Я испытываю дикий восторг. Мне страшно, но я кричу от восхищения. Свобода в самом пьянящем, невероятном виде накрывает меня с головой, и я окунаюсь в нее как в омут с головой.

Вся моя жизнь, складывающаяся в вереницу невнятных событий, никак не отражающихся в моей душе, равноценна одному этому полету, который выбивает воздух из груди. Я чувствую, что Смерть Аида несется за мной и не обгоняет только потому, что мужчина наслаждается моими эмоциями. Меня это возбуждает. Я физически чувствую восхищение Аида и ликую, пьянея от этого. Ветер треплет полы моей одежды и забивает дыхание. Скорость невыносимая, и алые облака скрывают все, что прячется в густом тумане неба.

Я снова кричу от воодушевления, а все внутренности подбрасывает на очередной воздушной подушке. Аид оказывается рядом, и его конь мчится вплотную. Он смотрит на меня. Я ловлю его взгляд, точно зная, что он сгорает в невероятном желании. Его манит моя жажда жизни. Та энергия, которую я излучаю. Понимаю, что мне не нужно дышать, я могу этого не делать. Я не человек больше, но делаю судорожный вздох и кричу:

– Аид, ты умеешь так же? – я натягиваю поводья, резко меняя направление движения, и мы устремляемся острой стрелой вниз.

– Перси... – слышу отголосок сквозь ветер...

– Ты умеешь чувствовать так, как я? – кричу я в небо

и охрипшим шепотом добавляю: – Нет, тебе чужды эмоции! Настоящие, те, что заставляют сердце биться вновь и вновь! – я знаю, что мой голос утопает в потоке ветров, но не могу остановиться. Чувствую, что еще секунда, и я разобьюсь о землю. И за секунду до столкновения Чума расправляет черные крылья.

Жесткая посадка.

– Перси!

Крик Аида заглушает мои собственные эмоции. Я интуитивно натягиваю поводья, и Чума тормозит, не позволяя мне выпасть из седла, поднимая столп красной пыли.

Глава 19

Восторг окончательно заполняет душу так же, как пыль напрочь забивает нос. Я спрыгиваю с лошади и откашливаюсь. Тут же возле меня, словно тень, появляется Аид.

– Мисс Рейли! Вы в порядке? – странное волнение скользит в его голосе, и меня это почему-то веселит. Выражение лица мужчины растерянное, словно у ребенка. Вот он, самый таинственный и жестокий бог, смотрит на меня с таким трепетным и беспомощным взглядом, что я не удерживаюсь от смешка, который переходит в неудержимый хохот со слезами на глазах.

Аид приподнимает бровь, наблюдая за моей истерикой. Иначе это состояние никак не назовешь. Мой смех чередуется со всхлипываниями, но я не могу остановиться. Это похоже на прыжок с парашютом, только парашют живой и сам решает, раскрыться ли ему или убить тебя, протаскивая по земле. И зовут его Чума. Дикий восторг, словно накрывающие волны бушующего моря, сменяется страхом, затем снова наполняет безумием.

Аид молча подходит ко мне и обнимает, прижав к своей крепкой груди. Это простое движение что-то ломает внутри, и я вмиг захожусь в плаче. Адреналин выходит из меня вместе с толчками воздуха сквозь зубы и с крупной дрожью, но в кольце рук мужчины мне постепенно становится легче. Я,

будто воздушный змей, потерялась в урагане эмоций. Меня швыряет из стороны в сторону, но я чувствую, что не одна. Кто-то держит бечеву и не дает ветру порвать связь между нами. А пока я это чувствую, мне не страшен никакой ураган.

Вытерев нос рукавом, не в силах поднять заплаканные глаза, свидетельствующие о моей слабости, я оглядываюсь.

– Где мы?

Аид молчит еще с минуту, а потом нехотя отпускает меня и отходит в сторону. Мне вдруг становится холодно без его рук, но я боюсь развивать эту мысль.

– Равнина Леты. Немного дальше, всего через пару миль, протекает река. В ней текут воды забвения, – Аид указывает куда-то вдаль, будто точно видит то, о чем говорит. Хотя, может, так оно и есть.

– Из нее нужно испить, чтобы забыть все, что было при жизни? – уточняю я, вглядываясь в том же направлении, но безуспешно. Ночь черным туманом надежно скрыла все вокруг.

– Именно! Готовы посмотреть? – Аид кивает на лошадь.

Я сжимаюсь.

– Снова лететь?

Не уверена, что я готова на это, но все же кошусь на Чуму. Та же отвечает мне равнодушным огненным взглядом. Может, мне показалось и она не хочет меня убить?

– Нет, мисс Рейли! – улыбаясь краешком губ, отвечает

Аид. – Здесь можно проехать.

– Хорошо! – киваю я и с его помощью забираюсь обратно в седло.

Мы не спеша выдвигаемся к реке. Я плетусь немного позади, а Аид показывает мне путь. Его прямая спина и горделивая осанка притягивают взгляд. Ловлю себя на мысли, что мне безумно нравится смотреть на него. Просто рассматривать, как диковинку в антикварном магазине. Он такой же необыкновенный, единственный в своем роде, но, как сказала бы мама, не про мою честь. Слишком далекий и несбыточный.

За этими мыслями я не замечаю, как темно-бордовое небо постепенно приобретает розовые оттенки. Тяжелые облака становятся прозрачнее и легче. Надо же, возле замка я такого не наблюдала. Там всегда небо готово разразиться кровавым дождем, разрезая тучи черными молниями. Здесь даже ветра практически нет. Чем ближе мы подходим к реке, воды которой я уже могу видеть, тем сильнее меня окутывают слабость и желание спать. Запах, которому нет названия, долетает до меня шлейфом свежести, и я закрываю глаза, чтобы насладиться им.

– Что это? – интересуюсь я и вдыхаю глубже сладковатый привкус, который тут же оседает на кончике языка. – Не могу понять... фиалки, мед, цитрус?

– Это запах сонливости и забвения, – отвечает Аид, пристально за мной наблюдая. Он спешивается и подает мне ру-

ку.

– Разве у чувств есть запах? – удивляюсь я и, пользуясь поддержкой мужчины, прыгиваю на землю.

– Конечно! У сна сладковатый привкус и тягучий запах. У забвения чувствуются прохлада и осколки льда на губах, горечь и грусть отдают полынью и ладаном...

Аид замолкает, наблюдая, как я иду прямо к тягучим водам реки Леты. Они не издают ни единого звука: ни всплеска, ни шороха. Как будто шум воды впитался в берега или вовсе уснул.

Шагаю дальше и слышу какое-то странное жужжание позади, но не хочу останавливаться. Мне кажется, сейчас я умоюсь этой водой и все станет проще. Меня отчаянно тянет к берегу, и я не противлюсь этому зову. Моя сила уснула вместе с остальными чувствами. Звуки становятся громче, но я отмахиваюсь от них, как от назойливой мухи. Еще шаг, и...

– Персефона, стойте...

Крик Аида режет слух, и я понимаю, что это жужжание на фоне было его попытками остановить меня. Руки мужчины хватают меня за талию и тянут к себе. Я вырываюсь, но легкий импульс силы тьмы проскальзывает в меня через прикосновения Аида, и я тут же прихожу в себя. Моя сила, одурманенная прекрасным ароматом, снова поднимает голову, пробуждается, возвращая мне способность контролировать ситуацию.

– Что... что это было? – придя в себя, спрашиваю я дрожащим от непонимания голосом и оборачиваюсь я к Аиду.

– Так всегда. Людям хочется испить этих вод, ведь они дают возможность забыть все плохое, что делали они или им на Земле. А вы все еще немного человек, – Аид поворачивает меня к реке и шепчет: – Там, за рекой, находятся Асфоделиевые равнины и поля. Среди них бродят тени тех, кто при жизни не отличился особой добротой, но и ничего плохого тоже не сделал. Они заслужили испить вод реки и перебрались на тот берег. Хотите посмотреть? – в голосе мужчины проскальзывают нотки хитрости.

– Конечно! – киваю я без раздумий.

Так вот что значит «кануть в Лету», про себя отмечаю я. Забыть всю прежнюю жизнь, перейдя воды реки вброд?

Этот мир кажется мне невероятно интересным, тем более это как-никак мой дом на ближайшие... неизвестно сколько лет.

– Тогда полетели? – Аид усмехается. Ему нравится мой интерес к его миру, и меня это приводит в восторг. Мы как будто дети, которые нашли общее увлечение и не можем не радоваться такой находке.

Я запрыгиваю на Чуму и пришпориваю ее бока. Мы взмываем в небо и летим над полноводной рекой. До следующего берега не так и близко, и мне вспоминается фраза Аида, что души перебираются на ту сторону вплавь. Вряд ли здесь есть лодочник вроде Харона. Скорее всего, это происходит

небыстро.

Копыта лошади касаются сухой травы, и я тяну поводья на себя. Аид уже спешился и идет ко мне. Он молча помогает мне спуститься и ведет к лесу. Я поднимаю глаза вверх. Небо здесь серое, но намного светлее, чем на равнине или тем более возле замка. Такое чувство, что мы попали в пасмурный осенний день. Ностальгия по Дублину вновь поднимается в моем сердце, но я пытаюсь ее унять. Лошади остались на берегу, поэтому мне кажется, путь предстоит не слишком дальний.

– Я хочу, чтобы вы прикоснулись к земле, дереву или камню и попробовали почувствовать ток жизненной энергии, – говорит Аид, немного прищуриваясь.

– Зачем? – удивляюсь я, но все же иду к ближайшему валуну, поросшему мхом.

– Мы можем видеть не только глазами, мисс Рейли. Люди используют только пять чувств, но нам доступно гораздо больше. Попробуйте и вы, я знаю, у вас получится.

Я прикладываю руку к камню и закрываю глаза. Зову свой свет, и он откликается. Направляю его сквозь пространство и действительно чувствую то, о чем говорил Аид. Это правда ярче и полнее, чем картинка, которую можно увидеть глазами. Они всего лишь фиксируют плоскость, тогда как внутренний свет видит саму суть. Я ощущаю плавно текущую жизненную энергию. Она словно ленивая железная река: течет между клетками камня, перекликаясь с моей. Ладонь

немного покалывает, и я чувствую, как мой свет начинает уходить в поверхность, впитываясь мхом, как губкой.

– Что это? – я отнимаю ладонь и рассматриваю ее.

– Природа здесь практически спит, ей не хватает жизненных сил, чтобы существовать полноценно, но она имеет их в том количестве, чтобы не погибнуть, – отвечает Аид, удовлетворенный моим интересом.

Дальше я иду и поочередно касаюсь каждого дерева и куста на нашем пути. Я чувствую, что могу оживить здесь все точно так же, как сделала это, когда вырастила поляну цветов возле замка. Щедро делюсь своим светом, чувствуя благодарность природы.

Я с восторгом оборачиваюсь к Аиду и спрашиваю:

– Могу ли я помочь им? Мне кажется, внутри меня столько света, что хватит с лихвой на все вокруг!

Тот отвечает мне сдержанной улыбкой, словно родитель, наблюдающий за первыми успехами своего чада.

– Да, вы можете, но это нарушит баланс, мисс Рейли. Эта услуга поможет лесу, но навредит всему остальному. Понимаете?

– Да... – не без грусти тяну я и больше ни к чему не прикасаюсь. Не знаю как, но я действительно понимаю последствия, которые за собой повлекут мои действия. – Скажи, а я увижу тени? Или они что-то вроде призраков?

– Призраки? – удивляется Аид, будто впервые слышит это слово, но вскоре добавляет: – Вы увидите, если они решат

вам показаться. Но я бы не хотел...

– Почему? – спрашиваю я и направляюсь к подлеску. – Ты же говорил, что они не причинят мне вреда.

– Я такого не говорил! – недовольно выдает Аид, шагая рядом. – Я лишь сказал, что пока я рядом, вам никто и ничто не причинит вред.

– Одно и то же! – говорю я с улыбкой.

Мужчина на это лишь закатывает глаза.

Деревья перед нами расступаются, и мы шагаем на поляну, покрытую редкими пучками разнообразных трав. Вокруг начинает стелиться туман, и я понимаю, что практически не вижу Аида. Стараюсь нагнать его, но вскоре вовсе теряю из виду.

Все происходит за какое-то мгновение, которое растягивается для меня на целую вечность. Стоит мне потерять Аида из поля зрения, как тут же что-то мокрое хватается меня за руку. Я кричу и пытаюсь вырваться, но не слышу своего голоса. Лишь невнятное хрипение, а затем:

– Ты пришла накормить нас? Вкус-с-сна-а-а-я...

– Отпусти меня! – выкрикиваю я и вырываю руку из скользкого захвата, но меня сразу хватают с другой стороны за ногу.

Тут же появляется Аид, и твари исчезают.

– Не отходите от меня! – бросает мужчина.

Мне потребовалось какое-то время, чтобы успокоить мысли, затем мы пошли дальше.

– Это и были тени? – с содроганием в голосе спрашиваю я и поправляю рукава рубахи, пытаясь избавиться от ощущения холода.

– Да! – коротко отвечает мужчина. – Здесь они не слишком агрессивные, но их все так же манит человеческий жизненный свет. Они не лишены низких желаний вернуться к жизни, и вы для них отличный вариант вернуть себе прежнюю силу.

– Понятно... – киваю я. По правде сказать, мне они не показались добродушными, но суть их желаний я поняла.

– Сейчас обойдем этот лес и вернемся назад, к реке. Мы должны еще успеть много чего посмотреть, – Аид берет меня за руку, и мне вмиг становится спокойнее. Не сказать, что я слишком испугалась, но новой встречи с тенями мне бы не хотелось.

– Ты сказал, что они не агрессивные здесь, а где тогда агрессивные?

– Тени в Тартарах. От человеческого в них мало чего осталось, и вы бы вряд ли остались живы после их прикосновения. А если бы остались, то неизвестно в каком состоянии.

Мое тело пронзает дрожь, и я интуитивно прижимаюсь к Аиду. Он делает вид, что не замечает этого, но все же сжимает мою ладонь крепче.

Пролесок редет. Вскоре мы выходим к реке, где нас уже ждут Чума и Смерть. Я оглядываюсь и понимаю, *что* мне напоминают эти земли: Закат и одиночество. Смерть надежд

и стремлений. Эти земли полностью лишены радости и красок. Вечное пасмурное небо и пожухлая листва под ногами. Нескончаемая осень, от уныния которой хочется лечь и уснуть навсегда. И если здесь так грустно, то что же творится в Тартарах?

– Куда дальше? – спрашиваю я, взбираясь на лошадь.

Аид седлает Смерть и кивком указывает на реку.

– Туда! – лукавые нотки проскальзывают в голосе мужчины, но лицо остается бесстрастным.

Я перевожу взгляд, куда указал Аид, и нервно хихикаю:

– В рай?

За рекой виднеются голубое небо и ярко-зеленые луга.

– Не в рай, мисс Рейли, а в Элизиум, – поправляет он. – Там находятся Елисейские поля, те самые, которые вы видели из своего окна.

– О, а это не опасно?

Признаться, мне очень сильно хотелось туда, но вспоминая слова Гекаты о том, что это место может сделать что-то с моим сознанием, я ощущаю легкий озноб.

– Вас пугает Элизиум, но вызывает восторг встреча с тенями? Интересная вы девушка, мисс Рейли... – говорит Аид с плохо скрываемым восхищением.

– Я боюсь, что не захочу возвращаться, если хоть на миг увижу это место, – тихим голосом признаюсь я.

– Вы снова забыли мои слова, мисс...

– О том, что ты меня защитишь? Но не от рая же? – усме-

хаюсь я.

Но Аид остается серьезным.

– От всего.

Мы снова взмываем в небо. Я уже практически привыкла к такому способу передвижения. Приспособилась дышать сквозь бьющий в лицо ветер, хоть делать это совсем не обязательно. Но по мере приближения к Элизиуму я делаю все больше поверхностных быстрых вздохов: не надышаться.

Когда лошади остановились, утопая копытами в высокой траве, я, не дождавшись помощи Аида, спешиваюсь. Мне хочется поскорее все осмотреть, пройти босыми ногами по некошеной траве, притронуться к вечно цветущим растениям...

Стягиваю сапоги, чтобы освободить ступни от лишних преград и как можно скорее соприкоснуться с землей. Но не иду дальше, оглядываюсь на Аида и замечаю, как тот неотрывно следит за моими действиями. Все так же не сводя с меня глаз, он делает то же самое. Снимает сапоги и камзол, небрежно бросив вещи в траву возле лошади. Животные тоже больше не напряжены. Они улеглись у дерева боком друг к другу, изящно подогнув под себя ноги. Даже огонь в их глазах поугас.

Я оглядываюсь и пытаюсь высмотреть замок. Ведь если я видела эти земли из окна своей башни, то отсюда он тоже должен быть виден. Аид следит за моим взглядом.

– Вы не увидите его. По крайней мере с этой стороны. Река

Лета опоясывает замок с восточной стороны и впадает в реку Амелет, которая является входом в Тартар. Воды забвения отделяют замок от последних пристанищ теней и разделяют между собой Асфоделиевые и Елисейские поля.

Теперь понятно, почему нам пришлось снова пересекать Лету. Аид действительно хочет рассказать мне о своем мире. Вижу его желание в горящем взгляде, когда он описывает мне все это, и невольно восхищаюсь этой любовью к своему дому.

– Тогда пойдем? – улыбаюсь я.

– Не терпится попасть в рай, мисс? – дразнит меня Аид, чему я немало удивляюсь. Игривое настроение богу смерти как минимум несвойственно. Значит, это место влияет не только на людей. Ему тоже здесь хорошо и спокойно.

Глава 20

Мы долго идем по зеленой долине, но, к моему удивлению, я совсем не испытываю усталости. Наоборот, кажется, каждое прикосновение к прохладной траве, щекочущей босые ноги, каждое дуновение ветерка, наполненного ароматами цветущих деревьев, наполняет меня жизнью, силой и любовью. Я украдкой поглядываю на Аида, и мне нравится то, что я вижу. Всегда задумчивый и таинственный, мужчина теперь неузнаваем. Он как будто выбросил из головы все тревоги и стал обычным человеком. Таким же, как я, хотя это совершенно невозможно. Я задумалась: что было бы, встретить я его среди людей? Будь он не тысячелетним богом, выдавшим зарю человечества и все красоты этого мира, а простым парнем из Дублина, обратил бы он на меня внимание? Понравилась бы я ему? Глупо об этом фантазировать, но мне безумно жаль, что между нами такая пропасть. Однако Элизиум просто не дает мне грустить.

Щекочущее чувство безоблачного счастья, которое бывает только в детстве, заполняет мою душу и разум. Я вдруг переполняюсь им и, раскидывая руки, бегу вниз с холма, громко крича от восторга. Падаю в траву и устремляю взгляд на солнце. Как же долго я его не видела! Я смотрю прямо на яркий диск, и мне не нужно жмуриться. Это солнце не режет глаза, оно теплое, обволакивающее. Свет рассеивается,

словно через призму, и не жжет кожу.

Блаженно потягиваюсь и смеживаю веки. Хочется остаться здесь навсегда. Я забываю недавние тревоги и сомнения, забываю свои желания и цели, просто дышу. В этом месте нет печали, только счастье и умиротворение. Даже мое уставшее тело сейчас легкое, будто перышко. Теперь я понимаю, почему все хотят попасть сюда. Элизиум не только прекрасен снаружи, он возвращает чувство прекрасного внутри. Для тех, кто творил плохие вещи на земле, эта энергия покажется разрушительной. В них слишком много тьмы, которая накрывает непроницаемым колпаком их души. Они бы просто не смогли здесь выжить, если такое слово к ним вообще применимо, их бы расщепило переизбытком окружающего света. А те, кто хранил внутри гармонию, найдут здесь свое последнее пристанище.

На глаза набегает тень, загораживая солнце. Передо мной стоит ухмыляющийся Аид. Его черные волосы обрамляются ореолом света, словно нимбом. Из серых глаз полностью ушла темнота, и радужки стали как два кристальных озера. Глубокие и чистые, переливающиеся каплями прозрачной воды.

– Ты прекрасен... – шепчу я, впервые ощутив к Аиду щемящую нежность, но уже без страха. Без опасений перед его божественной стороной.

Мужчина долго вглядывается в мои глаза, словно выискивая в них ответ на какой-то вопрос, и его игривый взгляд

становится серьезным. Он будто бы впервые увидел меня. Что-то неуловимое захватывает нас и кружит в молчаливом танце взглядов.

– Это место небезопасно точно так же, как и Асфоделиевы поля, мы должны помнить об этом, мисс Рейли. Давайте не будем задерживаться здесь дольше, чем требуется!

Аид протягивает мне руку, и я прикасаюсь к ней. Он помогает мне подняться и ведет дальше. А я задумываюсь. Неужели он подумал, что я снова под воздействием каких-то чар признаюсь ему в чувствах? То алхимия туманит мне мозг, то Элизиум. Но мои чувства ведь настоящие! Или нет?

– Аид, я хотела сказать... – пытаюсь объяснить ему свои слова, но осекаюсь.

Мужчина искоса смотрит на меня, но, не услышав продолжения фразы, молча идет дальше. По его глазам я вижу, что он понял то, что я хотела сказать. Он всегда понимает меня лучше, чем я сама.

Мы выходим к покатоному берегу реки. Это не та река, которая непременно несет в себе сакральный смысл. Перед нами речушка, неторопливо несущая свои воды в необозримую даль: берега ее густо поросли дикими цветами, а тонкие ветви ивовых деревьев щекочут гладь воды. Течение небыстрое, именно поэтому она совершенно без труда просматривается до самого дна: глубина ее не больше полуметра. Вот подул ветерок и белые лепестки цветов, словно снег, посыпались на воду.

Я вскидываю голову и вижу на другой стороне целый сад абрикосовых, вишневых и других деревьев, хаотично и густо разбросанных по равнине. Пчелиное жужжание слышится даже на этом берегу.

– Я могу войти в эту реку умыться? – я оглядываюсь на Аиду, и тот молча кивает.

Не став медлить, я спускаюсь к воде и зачерпываю манящую прохладу в горячие ладони. Плеснув себе ею в лицо, я ощущаю, как ветерок дополняет ощущение свежести, обдувая мою мокрую кожу.

– Я хочу почувствовать больше! – бросаю Аиду через плечо короткую фразу и иду через реку.

Ткань штанов стремительно темнеет, напиваясь водой, но мне все равно. Пробираясь на другой берег, я упрямо разбиваю толщу воды, отчего мои движения несколько замедляются.

Аид идет за мной. Я это понимаю по плеску мелких волн позади. Знаю, что он правильно понял мои слова. Я говорила не об ощущении речной прохлады. Я хочу почувствовать энергию этого места. Прикоснуться к цветущим деревьям, увидеть тени, которые обрели здесь покой.

Разбрызгивая капли, я выхожу из речки на скользкий берег. Мокрая одежда прилипает к телу, но не создает дискомфорта. Аид молча идет рядом, не пытаясь меня остановить, за что я ему безмерно благодарна. Подхожу к цветущей роше и вдыхаю запах абрикосового цвета. Здесь энергия бьет так

сильно, что даже мне трудно ее выдерживать. Я тяну руку к ближайшему дереву, но замираю.

– Не бойтесь... – вкрадчиво шепчет Аид, не переставая наблюдать за мной, и мне не остается ничего другого, кроме как прикоснуться к растрескавшейся коре старинного могучего дерева. Бьющий свет буквально сбивает меня с ног, и я падаю на колени, жадно хватая ртом воздух. Немало сил мне потребовалось, чтобы подняться. Мне кажется, даже волосы сейчас искрят энергией жизни. Я словно дотронулась до высоковольтного провода и чудом осталась жива.

– Что это было? – отдышавшись, шепчу я. – Разве я насколько плохая, что этот мир не принимает меня?

– Нет, мисс Рейли, вы просто живы. Только души могут принимать в себя эту энергию и наполняться ее силой. Но могу вас обрадовать: обычного человека это прикосновение попросту убило бы, даже будь он святым при жизни, – Аид говорит плавно, растягивая слова, а я недоумеваю. Он допустил этот эксперимент, зная, что я могу погибнуть? Ради чего?

– Нет, мисс, я бы не допустил этого, – говорит он, словно прочитав мои мысли. – Я вижу в ваших глазах обиду и хочу, чтобы вы знали: как только наши губы впервые соприкоснулись и вы познали часть моей силы, вам перестали грозить такие мелочи.

– Ничего себе мелочи!

Отворачиваясь, я иду дальше. Мне не хочется признавать,

но он прав. И чего я так испугалась? Разве он бы рискнул своим источником энергии? Ничего личного, только выгода, только вкусная подпитка.

Обижаться долго не получается. Чем дальше мы идем, тем больше мою душу обволакивает свет. Мне не хочется наполнять этот мир жизнью, как на Асфоделиевых полях. Здесь я чувствую то смирение и спокойствие, которое мне несвойственно.

Вскоре к нам выходят животные и, поглядывая за незваными гостями, провожают вглубь леса. Аид все время молчит, но я вижу, как он неотрывно наблюдает за моими действиями и как будто пытается прочитать мысли. О, уверена, что если бы он мог, то непременно заглянул бы ко мне в голову. Правда, хорошо, что он не умеет. Вряд ли среди моих поверхностных дум что-то может его привлечь его изысканное внимание.

Наконец мы выходим из леса и перед нами простираются бесконечные луга и равнины, холмы, поросшие густой травой и полевыми цветами, источающими запах дикого меда. Теней мы так и не встретили, что меня немного расстраивает. Может, им просто не было нужды показываться? Ведь если тени Асфоделиевых полей хотели урвать мой жизненный свет, страдая из-за скудного питания, на котором они находятся, то душам из Элизиума это попросту не нужно. Но разве им не любопытно? Наверное, я задала этот вопрос вслух, так как Аид негромко ответил:

– Любопытство никогда еще ни к чему хорошему не приводило, мисс Рейли. Сначала люди ищут знаний, невероятно манящих силой своей таинственности, а потом предпочитают стереть себе память, испив из реки забвения, лишь бы не помнить тех откровений, которые оказались слишком тяжелой ношей для их плеч.

– Но как же развитие? Ведь оно невозможно без любопытства, – задаю я вполне резонный вопрос, надеясь, что у Аида не найдется достойного ответа.

Но он меня удивляет:

– Не любопытство приводит к развитию. Это, скорее, заслуга любознательности и наблюдательности. Те, кто владеет этим качеством, не воруют чужие тайны, они берут данную им информацию, которая у них под носом, которой способны распорядиться. А вот любопытство – это темная сторона любознательности. Это непременная тяга познать то, чего не следовало бы знать. Кажется, Ева, первая девушка из ваших писаний о Боге, поплатилась именно за это.

Я останавливаюсь, чувствуя, как для меня открывается истина. А ведь так и есть: любопытство – это подглядывать за соседом из каких-то низких целей, это копаться в чужом белье в надежде отыскать то, что можно использовать во вред. Это знания, полученные не совсем честным путем. Тогда когда любознательность – это способ познать мир. Способность ребенка изучать, существовать в тех условиях, которые подарили ему возможность жить.

– Но почему тени так и не показались? Это ведь было бы не любопытство – выйти и посмотреть на нас. Вдруг мы хотим как-то им навредить...

– Мисс Рейли... – Аид бросает на меня лукавый взгляд. – Именно поэтому они и не показались. Им не нужно проявляться, ведь я могу лишь отправить их в Тартарары, а больше им ничего не грозит. Скажите, стала бы овечка выходить на луг ко льву узнать, не собирается ли он ею полакомиться?

– Довольно интересно... – только и говорю я, затем сходу выдаю новый вопрос – глупо не воспользоваться разговорчивостью Аида, раз он уже решил открыть мне тайны его мира: – Когда я пыталась сбежать, я пробежала мимо зала суда, на котором как раз решалась судьба одной из душ, – украдкой смотрю на Аида, но не вижу гнева в его глазах, вызванного моими словами, и продолжаю: – Тогда я поняла, что в человеке есть не только плохое, но и хорошее. Как ты определяешь, кому и какой удел уготован?

– Мисс Рейли, – отвечает он, не глядя на меня, – это не объяснить в двух словах. Люди никогда не бывают исключительно хорошими или исключительно плохими. В каждом из вас таится много оттенков. Черное и белое – это недостижимые идеалы, созданные только для удобства определения. На самом деле все намного глубже. Вы увидите, как проходит суд, если сами того пожелаете.

– Я хочу! – выдаю я без капли сомнений. Ведь мне безумно интересно то, о чем при жизни ни у кого не было возмож-

ности узнать.

Аид тихо смеется, а я улыбаюсь в ответ. В голове избыток мыслей, а тело буквально звенит, будто новогодний колокольчик, от переполняющей меня энергии.

Мир вокруг начинает кружиться, но я пытаюсь не обращать на это внимания. Перед глазами вспыхивают искры, и я останавливаюсь, чтобы проморгаться. Но ничего не выходит. Поле моего зрения сужается до маленькой точки, и я поворачиваю голову к Аиду.

– Мне, кажется, нехорошо. Не понимаю, что происходит... – я оседаю на землю, ощущая, как слабеют ноги. – Сейчас передохну и пойдем дальше.

– Ох, Перси... – слышу сквозь шум в ушах взволнованный голос Аида.

Если бы мне не было так плохо, я бы обрадовалась, что он назвал меня по имени. Но теперь, кажется, дела плохи, он зовет меня так, только когда я при смерти...

Я закрываю глаза и падаю спиной в прохладную траву, но это мне ничуть не помогает. Чувствую прикосновение губ к своим губам, но, не успев ответить на поцелуй, проваливаюсь в забытие.

Глава 21

Я прихожу в себя от ощущения прохлады, но еще не понимаю, где нахожусь. Мое лицо обдувает потоком ветра, который стремительно становится все морознее. Меня качает на волнах сна. Прежде чем открыть глаза, я чувствую теплые ладони, придерживающие меня за талию и изо всех сил старающиеся согреть, придерживая полы меховой жилетки.

Сознание, будто электрический разряд, врывается в мой разум, и я распахиваю веки, осознав, что мчусь на лошади Аида. Чума летит рядом. Я не оборачиваюсь, чтобы посмотреть на мужчину. Просто прижимаюсь к нему и прячу лицо на его груди. Аид уже понял, что я очнулась, но не выказывает этого, лишь пришпоривает Смерть, заставляя ее гнать еще быстрее.

Что же со мной произошло? Пытаюсь осознать это и мысленно тянусь к своей энергии – может, она даст мне ответ на этот вопрос? Она больше не пытается разорвать меня на куски, лишь слабые вспышки все еще пронизывают меня, но тут же гаснут во тьме Аида. Выходит, он снова спас меня?

Под нами красная выжженная земля. Редкие порывы ветра поднимают пыль и закручивают ее в воздушные воронки. Солнца больше нет. Лишь темно-бордовое небо вспыхивает адскими молниями. Что ж, кажется, мы уже близко. Вглядываюсь вдаль сквозь тьму, изредка прорезаемую всполохами

разбушевавшейся стихии, и различаю пики башенок нашего замка. Вскоре, по мере приближения, показываются и черные стены.

Аид тянет поводья, и Смерть плавно опускает нас на землю. Да, красиво он это сделал. Не то что я – чуть не убила себя при первом приземлении. Мы долетели на лошадях обратно. Странно, ведь проще было бы перенестись.

Как только мои ноги касаются почвы, я оборачиваюсь к Аиду, который все так же придерживает меня.

– Не беспокойся, я уже в порядке, – шепчу я и пытаюсь отстраниться.

Мужчина не выпускает меня из кольца рук. Но я упрямо его отталкиваю. Мне хочется прояснить мысли, а рядом с ним это практически невозможно. Его тьма настолько притягательна, что трудно не захотеть попросить большего.

Мы проходим вдоль стены, окружающей замок. Яркие огни освещают лестницу, ведущую наверх, ко входу, и я направляюсь туда.

– Пойдите, мисс! – спокойно окликает меня Аид.

Я останавливаюсь и оглядываюсь. Интересно, что он думает обо мне теперь? Видок у меня, наверное, тот еще. Я по-прежнему в каком-то странном оглушенном состоянии, а хаотично разбросанные мысли, будто меня раскрутили в центрифуге, не позволяют здраво оценивать обстановку. Да уж, развернуться и молча уйти от бога смерти, который показал мне свой мир? Точно ненормальная.

– Извини, я что-то... Мне нужно прийти в себя. Я себя хорошо чувствую, просто хочу успокоиться, – лепечу я несвязно, чем вызываю улыбку на лице Аида.

– Конечно, но вам нужно быть рядом. Вы перенасытились энергией Элизиума. Это вполне может создать ощущение дезориентации. Вам потребуется какое-то время на восстановление внутреннего баланса сил.

– Ах да? – пытаюсь вникнуть в его слова. – Вот почему мы отправились домой на лошадях, а не просто переместились?

– Да, вам нужно было сплести свой свет моими нитями. Но не только поэтому, – мужчина подходит ближе и берет меня за руку: – Мне не следовало настолько резко вас выдергивать. Это могло создать резонанс с вашим светом и уничтожить его, навредив и телу. Такой перепад может быть очень опасен. Ваша сила в разы превосходит любую из прежде виданных мною, но стоит помнить, что даже нагретый докрасна камень треснет, плесни на него ледяной воды.

– Но я могу хотя бы переодеться? – жалобно спрашиваю я, оглядывая свою одежду: вся в пыли, несколько раз вымочена в реке и следом высушена. Она создает дискомфорт, а кожа под ней неприятно зудит. Хочется поскорее избавиться от нее и сполоснуться.

– Конечно! Но мисс Рейли... – Аид ведет меня ко входу и заводит в замок. – Я хотел пригласить вас на ужин. Приходите сегодня к полуночи.

Я аж останавливаюсь от этого предложения. Ужин? В ка-

ком смысле?

– Но вы же не едите? – говорю я, имея в виду всех жителей этого подземного мира. – И я... – я прислушиваюсь к себе, но, вопреки ожиданиям, все же чувствую, что слегка проголодалась.

– Вот и посмотрите, нужна ли мне пища! А также обещаю ответить на все ваши вопросы, – Аид подталкивает меня вперед, и мы оказываемся у той самой двери, через которую покинули замок.

– Не бойтесь, Цербер не трогает тех, кто входит! Его интересуют только те, кто пытается сбежать! – говорит Аид и со смешком, уносящимся вдаль легким эхом, исчезает.

Я делаю шаг внутрь. В ту самую комнату, в которую меня тем роковым днем притащили Босавин и Гадриель. Здесь я рыдала у ног Аида и просила отпустить меня. И здесь же я с ним заключила пожизненный договор. Все это теперь вызывает у меня лишь смиренную улыбку.

Я не хочу перемещаться в свою комнату. Хочу пройтись по замку как гостья, а не пленница. Теперь мне не страшны та старуха или сумасшедший садовник. Меня не пугают даже те двое демонов. Встреть я их сейчас, когда сила Аида наполняет каждую клеточку моего тела, у меня было бы чем им ответить.

Ступаю на лестницу и поднимаюсь выше. Деревянные отполированные перила скользят под пальцами, а свечи, загорающиеся при моем появлении, больше не будоражат вооб-

ражение пугающими бликами на стенах. И самое главное – я больше не слышу того шепота, который заставлял все волоски на моем теле становиться дыбом, когда я пыталась отсюда сбежать.

У дверей своей комнаты слышу быстрые шаги. Кто-то бежит прямо на меня, и я застываю. Буквально через секунду из темноты выскакивает Геката. Она довольно странно одета, и взгляд ее выражает испуг.

– Ох, Персефона, это ты? Как хорошо, что я тебя встретила! Мне нужна твоя помощь!

Ведьма явно взволнована и вся дрожит. Что-то в ней неуловимо поменялось, но я не могу понять что.

– Пойдем ко мне, расскажешь! – я тяну ее к себе в комнаты, но она упирается.

– Нет, нет! Не могу... зайти! Ты должна пойти со мной! Это срочно! – она хватает меня под локоть и шепчет: – Быстрее! Перенеси нас на берег реки Амелет.

– Но почему ты сама не можешь перенестись? – все инстинкты во мне прямо вопят об опасности, но я не понимаю, откуда она грозит.

– Потом объясню! Скорее! Я пошлю тебе импульс, чтобы ты знала, куда именно нужно переместиться! – выпаливает Геката и лихорадочно оглядывается по сторонам.

– Быстрее, Персефона! – шипит ведьма, не оставляя мне выбора. В конце концов, может, хотя бы там она объяснит, что стряслось и к чему такая спешка.

Ловлю отголосок энергии того места, в которое она меня зовет, и вмиг оказываюсь вне замка. Только вот странно, что не на берегу, а на лодке, посреди реки.

Что за чертовщина?

Я резко оборачиваюсь к Гекате, но девушка оскаливается злобной ухмылкой. Только сейчас я понимаю, *что* меня настораживало: у этой Гекаты нет других ликов, нет призрачных сестер. Передо мной стоит только одна ведьма.

– Вот и попалась, любимица Аида! – Лицо девушки будто бы стекает с черепа, а на его месте образуется зеленая паутина.

– Счастливого путешествия в Тартарары, дорогая! – скрипучим голосом желает мне чудище, а в последний момент, перед тем как оно исчезает в пучине вод, я вижу ухмыляющийся взгляд Минту, одной из нимф, которая собирала меня на первую встречу к Аиду. Но почему? Что я ей сделала?

Эти вопросы быстро покидают голову, ведь лодку неумолимо несет течением прямо к водопаду, за которым открывается своя пасть бездна Тартар. Я понимаю это по сгустившемуся красному туману, парящему над бездной. По ощущению черноты и безысходности, постепенно заполняющему мою душу.

Я пытаюсь грести назад, но это просто бесполезно. Хватаюсь за края лодки и зажмуриваюсь, представляя свою комнату. Сейчас я перенесусь к себе и все будет хорошо. Мой голос от бессилия срывается на крик, ведь у меня ничего не

выходит. Туман, парящий над водой и окутывающий бездну, забивает ноздри и не позволяет сконцентрироваться. Где-то вдалеке я слышу злорадный смех и понимаю, что Минту все предусмотрела. Она точно рассчитала то расстояние до Тартараров, где я уже не смогу перенестись назад, отравленная ядовитыми парами, путающими сознание.

Вглядываюсь вдаль и понимаю, что уже через минуту меня понесет вниз и если я не разобьюсь, то точно попаду в пасть той самой Гидре, о которой говорил Аид. Слышу адский шум воды, стенания и крики, доносящиеся снизу, и просто жду, когда мою лодку, а вместе с ней и меня похоронит в этой ужасающей воронке.

Лодку начинает закручивать, и я слышу душераздирающий крик. Мгновение спустя я понимаю, что это я кричу. Мне очень страшно. Никогда в жизни я еще не была настолько напугана. Даже когда Аид меня преследовал, даже когда демоны схватили меня и приволокли в подземное царство. В моем сердце всегда теплилась надежда, что все будет хорошо. Сейчас же я теряю голос от крика. Мне кажется, именно так люди седеют, именно так у них разрывается сердце от страха. Я была бы рада, чтобы оно сейчас разорвалось и у меня. Но, к сожалению, я даже не теряю сознание. Каждый миллиметр, приближающий меня к бездне, я вижу с широко распахнутыми глазами. Мне конец.

Лодку швыряет вниз, и я, ухватившись за борта, закрываю глаза, готовясь к худшему. Затхлое зловоние забивает нос. Я

кричу, прощаясь с жизнью. Почему-то перед глазами возникает лицо Аида, его улыбка и удивительные глаза. Три удара сердца, и лодка со всего размаха бьется о воду, безжалостно бросая меня вниз с невыносимой высоты. Я не удерживаюсь и падаю в реку. Выныриваю из зеленой воды, чувствуя, как тина облепила мое тело, но тут же снова ухожу под воду, сбита волной. Открыв глаза, вижу кружащие пузырьки воздуха, стремительно покидающие мои легкие. Вижу какое-то движение в воде и изо всех сил бью руками и ногами, пытаюсь снова выплыть на поверхность.

Что-то ужасное движется на меня, а в голову забираются отголоски мыслей этого существа. Выплываю и, жадно хватая ртом воздух, оглядываюсь. Недалеко замечаю огромный валун и плыву к нему. Движение воды позади меня указывает на то, что чудовище вот-вот меня настигнет, но я успеваю схватиться пальцами за камень и из последних сил взбираюсь на него, не забыв подтянуть под себя ноги. Разочарованный лязг зубов рассекает воздух, заставляя меня всхлипнуть в ужасе, перемежающемся с отчаяньем. Что же это такое, черт побери?

Карабкаюсь как можно выше и, оказавшись на самом вершине, с ужасом смотрю вниз. Вода слишком мутная, чтобы я могла разглядеть ту тварь, которая чуть меня не съела. Но тень, шныряющая вокруг скалы, моего последнего оплота, вырисовывает в воображении ужасные картины. Слизь и тина, налипшие на волосы и лицо, тоже как будто шевелятся, и

я нервно начинаю снимать их и отбрасывать подальше. Кое-как справившись с этим, я позволяю себе выдохнуть.

Тварь все не уплывает. Она кружит вокруг камня, и я слышу рой мыслей, кружащихся в ее... голове? Но когда я понимаю, что мысли ее раздваиваются, а потом множатся и множатся, до меня доходит, что это за чудище. Это пятидесятиглавая Гидра, иначе как объяснить, что я слышу десятки разных вариаций одной мысли «убить».

Глава 22

Чудище вьется вокруг меня в ожидании малейшей ошибки, ждет, пока я соскользну с мокрого камня, устану цепляться ободранными ногтями за острые края. Я слышу мысленный рой в головах твари, слышу, как она облизывается, готовясь перекусить меня пополам. Но не выныривает из мутной воды, выжидает. Только острые шипы время от времени показываются наружу, заставляя мое сердце лихорадочно сжиматься, пропуская удары.

Смотрю вверх. Отвесная скала окружает небольшой грот, в котором я оказалась, и нависает надо мной куполом, именуемым «безнадежность». Воронка из воды все так же закручивается наверху и плещет затхлые воды прямо возле моего убежища, поднимая шапки зеленоватой пены. Становится понятно, что отсюда выхода нет. Меня начинает мутить. То ли от осознания безнадежности, то ли от резкого запаха, витавшего вокруг, то ли оттого, что я все четче слышу крики и стоны людей где-то вдалеке.

А еще здесь холодно. Одежда облепила мое тело, промокла и пропиталась зловонием. меховую жилетку я потеряла, когда летела вниз. Сапоги набрали воды, но снять их не представляется возможным. Стоит мне шелохнуться, как я тут же соскользну в воду, а там уже такая мелочь, как хлопанье в сапогах и продрогшие ноги, станут наименьшей из моих

проблем.

Так что же делать?

Закрываю глаза и снова пробую перенестись. Ожидаемо, что ничего не выходит. Не открывая глаз, пытаюсь найти нити кого-то живого, способного помочь, но меня окружает мрак без единого проблеска света. Действительно, откуда ему тут взяться? Как-то некстати вспомнились слова Гека-ты, что здесь, в подземном царстве, мне никто не поможет. В этом месте ценится и уважается только сила. А у меня ее сейчас кот наплакал. Остается маленькая надежда, что Аид не дожидается меня на ужин и начнет искать. Но кто знает, как скоро это будет. Может, уже тогда, когда Гидра обглодает последнюю мою косточку?

Неожиданно для самой себя я вспоминаю о связи с Аидом и хватаю кулон. Сосредотачиваюсь на мысленном образе мужчины. Его плавающий душу взгляд, гипнотически притягательные губы, кривая ухмылка... И мысленно зову его. Снова и снова шепчу его имя, но чувствую, что все слова ударяются о стены моей ловушки и рассеиваются в тягучем тумане.

Все вокруг кажется безжизненным и совершенно лишенным какой-либо магии, а сама бездна похожа на черную дыру, которая засасывает в себя каждую крупицу живого и безжалостно поглощает ее навсегда. Ничего не покинет этот грот и не попадет наружу. Ни звука, ни отголоска мыслей. Даже Зерно Граната здесь оказывается бесполезным камеш-

КОМ.

Я закрываю лицо руками и стараюсь не заплакать. Сильная усталость берет свое. Безумно хочется спать, но я знаю, что любая ошибка будет стоить мне жизни. Чуть не погибнув на Елисейских полях от перенасыщения энергией света, я попадаю в Тартар, где эта же энергия теряется, покидает меня с невыносимой скоростью.

Аид... Где же ты...

Секунды сливаются в минуты. Минуты растягиваются на часы. Я все так же ючусь на маленьком кусочке скалы, боясь даже шевельнуться. Гидра кружит все так же, чувствуя непривычное для нее лакомство. Вскоре я замечаю, как к нам падают тени. Бестелесные оболочки с пустыми глазницами, в которых горят безумие и злость. Некоторые из них видят меня и скалятся в безмолвных улыбках, напоминая мне слова Аида о том, что я бы не пережила встречу даже с одной из теней Тартара. Некоторые из них пытаются идти, плыть и ползти ко мне, ведомые вкусным ужином, но Гидра их топит, заполняя пространство вокруг нас еще большим зловонием. Чудище не хочет делить меня ни с кем.

Души все прибывают и прибывают. Точно так же, как попала сюда я, по реке Амелет, – их закручивает в воронку и бросает в зловонные воды. Единственное различие – прибывают они сюда без лодки. Значит, Минту еще и одолжение мне сделала? Хотя, скорее всего, я просто не смогла бы перенестись прямо в реку. За что же она так со мной?

Она сказала, что я любимица Аида. Неужели у них... отношения? Боль в сердце от такого предположения не заставила себя долго ждать. Да, Минту веками находилась подле него, она существовала в его мире, когда о моем рождении еще не было даже слухов. А я просто никто, тогда как она – часть этого царства. Один из винтиков огромной адской системы.

Ревность отравляет душу сильнее ядовитых паров, исходящих от воды. Обжигающая слеза катится по грязной щеке, и я размазываю ее по лицу.

Но тут я понимаю, что что-то не так. Чего это я раскисла? Да, я ревновала Аида, но не настолько, чтобы сидеть и страдать из-за этого, когда мне грозит стать лакомством этого чудища. Это место будто вытягивает наружу все раны, раскрывает их и заставляет кровоточить.

Я взываю к своему свету. Тоненькая ниточка начинает обвивать мое тело, принося долгожданное тепло. Конечно, я понимаю, что этого надолго не хватит, но, может, этого будет достаточно, чтобы дождаться Аида?

Теней становится все больше, и я чувствую себя будто на пороховой бочке, которая вот-вот взорвется. Вонь разлагающейся плоти вызывает тошноту, но хуже всего, что у одной тени получается подобраться ко мне очень близко. Пока Гидра отвлеклась на других прибывающих, клацая зубами и перемалывая кости, словно в жерновах, одна тень прокралась ко мне.

Полусгнившие, но цепкие пальцы хватают мою лодыжку и тянут на себя. Я отбиваюсь как могу, но силы не равны, тем более что это прикосновение пронизывает меня ледяным холодом и чувством беспомощности. Как только тень дотронулась до меня, я как будто ухнула под лед. На меня нахлынуло ощущение безысходности, а над ним – не менее толстый слой отчаяния. Оно топит мои мысли и подавляет волю.

Кажется, я кричу, но мой крик утопает в жуткой какофонии из стонов и шипения теней. Твари, схватившей меня, удастся утянуть мое тело по пояс в воду. Я больше не хочу ничего. Это прикосновение режет мою душу ржавым ножом. Пусть лучше меня съест Гидра. Нет сил терпеть ту ненависть, зло в чистом виде, которое исходит от этих теней. Слишком много ужаса в их глазах. Невыносимо много безумия.

Мысленно взываю к остаткам силы, только в этот раз я ищу тьму. Ту, которой наделил меня Аид. Его тьму. К удивлению, у меня получается, но я больше не хочу спасать себя. Мне нужно только одно: чтобы Гидра услышала и наконец избавила меня от мук. Ведь я понимаю, что мне в любом случае не избежать гибели.

Чудище слышит меня. Я понимаю это по резкому изменению хода ее мыслей. Ее жажда убивать усиливается, хотя я не верила, что она может быть сильнее, чем сейчас. Взмахнув длинным хвостом, она ударяет им о воду, поднимая столп брызг, и, разворачиваясь, несется ко мне. Чувствую ее мысли как свои. Высвободив тьму Аида и позвав Гидру, я со-

прикоснулась с ней на другом уровне и теперь понимаю, для чего она здесь. Это чудовище здесь имеет те же обязанности – как бы странно это ни звучало, – что и Цербер у выхода из замка Аида: если пес охраняет замок и смотрит, чтобы ни одна душа не сбежала в мир живых, то Гидра стережет вход в Тартар.

Я вижу шипы, рассекающие воду, словно в замедленной съемке. Несколько голов чудовища выныривают из реки, и я замираю в ужасе. Змеиные удлиненные морды покрыты лоснящейся чешуей. Блестящие острые клыки размером с мой локоть, готовы хоть сейчас вспороть меня как тряпичную куклу. Безумные желтые глаза. Они смотрят прямо в душу и заставляют невольно каменеть, терять контроль над собственным телом. Мне хочется кричать, но я не могу и губами пошевелить. С ужасом наблюдаю, как Гидра раскрывает пасти, показывая свое красное нутро и раздвоенный язык. Я зажмуриваюсь в ожидании боли. Слышу лязг зубов и готовлюсь к смерти. Но ничего не происходит. Рука тени, схватившая мою лодыжку, исчезает, и я вновь обретаю способность дышать. Оковы ужаса спадают, и я осмеливаюсь открыть глаза.

Мой взгляд встречается со взглядом одной из голов Гидры. В молчании мы смотрим друг на друга долгие секунды. Почему она не убивает меня? Вот же я, стою в воде, к тому же сама ее позвала. Она может прямо сейчас меня сцапать, но ничего не делает. Несколько мгновений уходит на

то, чтобы прислушаться к ее мыслям, и они сбивают с толку сильнее, чем схватившая меня недавно тень. Теперь я слышу четко звучащее утробное шипение, проникающее в мою голову. Мысли Гидры. И говорит она только одно слово: «Защитить».

Я стою недвижимо и пытаюсь осмыслить услышанное. Не дурачит ли меня мое сознание? Но Гидра прерывает тишину. Она обвивает мое окоченевшее тело и складывает головы у моих ног. Сквозь острые зубы вырывается шипение: «Хос-с-сяйка, защ-щитить».

Когда все изменилось? Почему Гидра передумала меня убивать? Или же я изначально неправильно ее поняла? А может, она почувствовала во мне тьму Аида и, когда я ее позвала, она поняла, что я своя?

Осторожно кладу руку на тело чудовища и провожу по гладкой чешуе. Гидра отвечает мне утробным урчанием. Ей приятно. Мысленно тянусь к ее энергии и понимаю, что была права. Ее жизненная нить – это чистая энергия Аида. Такое впечатление, что он создал ее из себя самого. Так же, как Цербера.

Продолжая гладить Гидру, я шепчу:

– Помощь. Мне нужна твоя помощь...

Молчание затягивается, и я уже не уверена, что чудовище меня понимает. Может, оно слышит меня, только когда я вкладываю в слова силу Аида? Но сейчас резервы пусты. Сокрушенно вздыхаю, потеряв надежду получить ответ. Но

тут же слышу:

– Помогать хос-сяйке. Чем я могу помогать?

Ее странная речь ненадолго отвлекает меня, но я быстро хватаюсь за последнюю надежду:

– Мне нужно выбраться отсюда, поможешь?

Гидра шипит и убирает голову из-под моих пальцев. Ей не понравился мой вопрос? Или то, что я хочу сбежать?

– Отс-с-сюда не уйти. Я не с-смогу-у тебе в этом помочь... Но я буду охраня-ятс-сь тсе-е-ебя, пока не явится хос-с-сяин.

Меня расстроил ее отказ. Мне очень хотелось выбраться как можно скорее, переодеться, умыться, раз уж мне удалось выжить. Но придется действительно ждать и постараться не замерзнуть. Единственное радует – мне больше не нужно тесниться на маленьком камне. Гидра защитит меня от теней, сколько бы их ни было.

Я выбираюсь из воды на небольшой скалистый выступ. Он плоский и более удобный, чем мое прежнее убежище. Скрутившись на нем клубочком, я дрожу от холода. Гидра подсовывает к моему животу одну голову, и ее теплое дыхание немного отогревает окоченевшую кожу. Закрываю глаза, пытаюсь не обращать внимания на жуткий шум. Мое сознание так устало, так нуждается в отдыхе и сне, что мне уже неважно, сколько теней прибывает и тянет ко мне свои руки. Гидра сможет справиться. Я же начинаю негромко петь. Колыбельная, которую мне пела в детстве мама, всегда успокаивает.

вала меня даже в самые страшные ночи. И сейчас давно забытый мотив возвращает мне подобие спокойствия. Я сама не замечаю, как проваливаюсь в сон.

Глава 23

Аид

Тьма всегда была со мной. Шла рука об руку и тесно сплеталась с моим естеством. Наполняла меня и вела за собой. Я сам стал тьмой, настолько неразделимы мы были. Невесомые доли света, которые я пил из людей, не будоражили сознание, лишь отражали мою силу. Они были что глоток соленой воды, которому никогда не утолить мою жажду. Слишком малы и ничтожны для такого, как я.

Мое существование берет отсчет со времен начала жизни на Земле, и я всегда считал себя величайшим из богов. Никто не сравнится с тем, кто качает в колыбели жизнь и ведет ее к последнему пристанищу. И оно всегда было здесь. Я выстроил этот мир под землей, в ее глубинах, ведь на поверхности мне не оказалось места. И был рад своему отчуждению, ибо все существа опротивели мне. Я тот, к кому попадали все души без исключения. Я суд. Отец. Завершение.

Каждая жизнь имеет окончание. Она обязательно достигала моего царства. Еще никому не удавалось избежать смерти. Избежать моего суда. И я упивался своей властью. Мне нравилось то, как люди шепотом произносят мое имя. Боятся меня.

Люди во все времена были одинаковы. В них я видел только оттенки серого. Существа, способные подстраивать-

ся под любые обстоятельства ради выживания, не могут оставаться категоричными. У них лишь один удел – сломаться. Свет их нитей жизни разбавился тьмой. Они стали забывать начало. То, что они слышали от предков, все меньше походило на правду и в конце концов превратилось в миф.

Шло время. Я делал то, зачем был сотворен: судил души, отправлял в Элизиум или Тартар. Мне было неважно, что с ними будет потом. Сотни. Тысячи. Миллиарды душ. Ничья жизнь не вызывала во мне интереса. Я был опустошен этим бесконечным круговоротом.

Многие тысячелетия я оставался в одиночестве, incapable познать сострадание, доброту и милосердие. Я был одинок, но мне это не мешало. Я наблюдал за тем, что люди называют любовью, и радовался, что это чувство мне не свойственно. Я чист как белый лист. Мне не нужна другая душа, чтобы чувствовать себя полноценным.

Шли года. Столетия. Эпохи. Я оставался один. И все чаще ловил себя на мысли, что упускаю что-то важное. Сколько раз на Суде я чувствовал желание души вернуться на Землю, ведь там их ждала любовь, там оставался весь их смысл существования. Тот человек, который незримой нитью привязал душу погибшего к себе и тянул назад. А душа бунтовала. Она стремилась к своей половине, будто бы от этого зависело все. Иногда им было безразлично, куда они попадут. Пусть даже в Тартар, лишь бы хоть на миг уви-

дется с той частичкой себя, что осталась там, за пределами моих владений.

Меня это удивляло. Я не понимал, как можно так слепо следовать за чувствами. Ведь это лишь пыль. Вся их любовь – это просто сладкие слова, завернутые в красивую обертку обещаний. Люди не умеют любить. Но умеют ли боги?

Я не понимал до той поры, пока не встретил ее. Мне нечасто приходилось подниматься на Землю. Просто не было необходимости. Баланс соблюдался. Мир существовал. Жизнь и смерть сменяли друг друга в установленном для них порядке, пока я сидел на своем троне в подземном царстве. Я был слеп. Темнота и чувство собственной завершенности и величия овладело моим разумом, не пропуская ни капли света. Я не допускал даже возможности существования той пресловутой второй половинки, о которой так любят говорить люди.

Но она ворвалась в мою жизнь огненным вихрем. Лишь увидев ее, я понял, что пленен светом этой девушки. Совершенно простая с виду, она вмиг сразила меня, навеки лишив способности забыть, оставить ее. Ее нить так ярка, как взорвавшаяся звезда. Она разгоняет мой мрак и заставляет душу сжиматься, словно зрачки при взгляде на ослепительное солнце.

Один вечер изменил все мое естество. Я противился себе, зная, что не могу взять ее просто потому, что хочу. Я не в состоянии предать то, ради чего был сотворен. Я есть

справедливость. И украсть девушку означало бы только одно – самому же попасть под свой суд.

Я ушел. В ту ночь моя тьма больше не была моим другом. Она ранила своими острыми краями и царапала до крови. Ее разбило на мелкие кусочки, как зеркало, и склеить его могла только она. Но почему? Ведь она просто человек! Кто я такой, если ей хватило сил поработить меня?

Я ослеп. Желание владеть ею охватило мой разум и сжало в адские тиски. И мне пришлось найти выход. Договориться со своими принципами. Я все же нашел ту ниточку, за которую можно было потянуть и получить желаемое. Я знал, что девушка рано или поздно окажется в моих руках. Ей не сбежать. Босавин и Гадриель должны были ее привести очень скоро, но сил ждать практически не оставалось. И я больше не спускался в свое царство. Я был рядом с ней все эти долгие семь дней, пока грань миров не истончилась и демоны не получили уникальную возможность перенести живую душу в мир мертвых.

С той минуты, как Персефона оказалась в замке, мои Земли вечного алого заката осветил рассвет. Именно с ее появлением взошло солнце, а мои мысли, словно планеты, закружились вокруг нее одной.

Она лежит у моих ног, и я слышу отголоски ее мыслей и чувств. Они так же несопоставимы с чистотой ее души, как тени Тартара не могут оказаться в Элизиуме. Она меня ненавидит. Жаждет убить. Ненавидит все мое существо и

безумно боится. И меня это почему-то ранит. Какое мне дело до мыслей простой души? Мне не нужна она. Лишь ее свет, которым я так жажду обладать, поглотить. Насладиться им, пусть и нечестным способом. И я начинаю ненавидеть ее за то, что она одним только появлением разрушила мои вековые принципы. Она боится, она холодна ко мне, но огонь в ее душе опалает. И бьет по самому больному. Она кричит о том, что я соврал. Украл ее. Убивал других людей. Она смеет усомниться в моей справедливости. И я понимаю свою злость, ведь она говорит правду.

Девушка даже не предполагает, настолько она сильная. Упрямо просит убить ее. О, дорогая, непременно! Но сначала ты увидишь то, что принесет тебе такую же боль, какую причинила мне ты!

И я показываю ей предательство ее отца. Вижу, как ей больно. Как она задыхается от чувств. Но облегчения мне это не приносит. Напротив, я понимаю, что сделал чуть ли не самую большую ошибку в своей жизни. Доселе неведомое мне чувство сожаления поднимает голову и смотрит осуждающим взглядом, но не произносит ни слова. Впервые я не знаю, что сказать. Зову Ириду и прошу отвести девушку в башню западного крыла. Там ей будет легче перенести невольное заключение. Ну а мне нужно подумать.

Несколько дней я не покидаю свои покои. Мысли кружат как умирающие мотыльки возле ночной лампы. Больно бьются в моей голове, словно их крылья – это лезвия. Я

жду ее. Никогда в жизни я так сильно ничего не ждал, как ее визита. Я надеялся, что если первое поглощение ее света не уничтожит ее, а я очень этого хотел, то я смогу наслаждаться им чуть дольше, чем мгновение вечности. Только бы вовремя остановиться. Не осушить ее одним глотком, точнее, одним поцелуем. Мысли о губах Персефоны странно на меня действуют. Будто те бабочки из моей головы перебираются в грудную клетку, а взмахи их крыльев более не ранят, а ласково щекоцут меня изнутри.

Я чувствую ее появление задолго до того, как она входит в комнату, но даже не пытаюсь шевелиться. Мне трудно держать себя в руках и не напугать девушку еще больше. Она и так дрожит. Ее нить жизни мерцает и нервно подергивается, а я застываю, зная, что любое мое движение может быть последним для нее. Мне нужно суметь бороться с желанием. Но, к моему изумлению, Персефона находит в себе силы противостоять мне. Я строго осуждаю ее порыв, но внутри улыбаюсь как мальчишка. Мне определенно нравится то, что она так старательно прячет под маской благочестия. Дикая кошка, выросшая среди коал и чувствующая себя соответственно, она даже не подозревает о своем потенциале. Как жаль, что у меня не будет достаточно времени, чтобы раскрыть его.

Разговор с ней затягивается, и я понимаю, что выхожу из себя. Я не в силах усмирить свои желания. Каждая фраза Персефоны вонзает острое копьё в мою выдержку, раз-

рушая ее у основания. Теряя рассудок и способность противиться, я вливаюсь в ее губы, заставляя их смолкнуть. Наши губы соприкасаются, и моя вселенная взрывается. Перестраивается. Меняется. Я пью ее свет, теряюсь в звенящем рассвете. Чувствую, как наполняюсь жизнью, и не могу остановиться. Это меня пугает больше всего. Моя тьма ликует. Все осколки вновь собираются воедино, заживляемые светом девушки. Но моя тьма убегает от меня и струится по нити Персефоны, плотно в нее вплетаясь, становясь одним целым с ней. Хочу остановиться. Но губы ее так мучительно сладки. Хочу отстраниться, но вместо этого прижимаюсь к ним еще сильнее. Только бы не навредить ей! Еще не осознаю, но чувствую, что, если Персефона превратится в тень, я больше не найду смысла в своем существовании. Именно это останавливает меня, и я с горечью на сердце и волею огромных усилий отстраняюсь от ее губ.

Девушка в моих руках без сознания, а я впервые чувствую то, что люди именуют сожалением. Колкость шипа алой розы. Она так хрупка и нежна. Она – весенний цветок, распустившийся во мраке, а я едва совладал с собой, чтобы не растоптать его одним движением.

Ирида уносит ее, а я еще долго смотрю им вслед. Неужели я был несправедлив? Не хочу себе в этом признаваться, но я больше не могу так с ней поступать. Я должен ее отпустить, дать ей право выбора. Но разве я могу? Особенно теперь. Когда моя тьма ощутила вкус света Персефоны,

она не позволит мне этого сделать.

Глава 24

Я не понимал, что со мной происходит. Моя тьма буквально покорилась обыкновенной девушке, зазывая меня к ней, заставляя идти на поводу, словно верный пес. Я неустанно думал о Персефоне. Желал ее. Хотел большего, чем просто обмен энергией. Но я боялся. Да, абсурдность этого умозаключения выводила меня не на шутку. Но впервые чуть не потеряв ее, я испугался. Я не хотел этого. Не хотел привязываться. Ведь она рано или поздно уйдет в Элизиум, а я снова останусь один. И тьма, окружающая меня, больше не покажется мне домом. Она станет камерой для попыток в мире, где не будет ее. Моей звезды.

Пытаясь убедить себя в том, что она пустышка, я все больше думал о ней. И не только как об источнике энергии. Я хотел узнавать ее. Открывать страницу за страницей, словно диковинную книгу.

Как бы я ни противился, ни избегал встреч и общения, все же чувствовал сильную тягу к ее свету. И ничего не мог поделать. Я видел ее истинные чувства. Едва ли среди них была хоть толика тех переживаний, которые одолевали меня. Легко быть цветком, который однажды отцветет и заснет навсегда. Гораздо труднее жить с памятью о его совершенстве. О том, что было твоим, но потом бесследно исчезло. Растаяло в вечности.

Я видел внутри нее немалую силу, но она не стремилась этого показать, внешне всегда оставаясь кроткой и молчаливой. Меня это нервировало. Мне казалось, меня обманывают. Специально создают видимость слабой и беззащитной в надежде выпросить побольше благ. Люди всегда так поступали с богами. И Персефона такая же. По крайней мере, я в этом не сомневался, когда увидел, что она решила сбежать. Я не стал ее останавливать, а просто пошел за ней. Ох, как она была напугана! Но неумное желание покинуть это место придавало девушке сил. Мне казалось, Персефона упадет без сознания, увидев моего садовника или ту странную ведьму, но она снова удивила меня. Она справилась с этим, дошла до выхода и, если бы не Цербер, вполне возможно, смогла бы добраться к Харону. Но я вынужден был ее остановить. Трудно признаваться даже самому себе, но я больше не хотел оставаться один. Присутствие Персефоны в моем замке странным образом влияло на мою тьму. Она, словно дикий зверь, утихала рядом с этой девушкой, а если той грозила опасность, готова была наброситься и растерзать любого, кто осмелится попытаться навредить ей. Как же я был зол. Я больше не чувствовал себя хозяином, но всячески пытался не думать об этом. Я был в ярости, но стоило увидеть Персефону, лежащую на полу, скрутившись у моих ног и надрывно рыдая, что-то в моей груди отозвалось. Странное чувство, неведомое мне до этого, заставило взять несчастную на руки и постараться

успокоить. Это жалось? Девушка уткнулась носом в мою грудь и всхлинула, а я понимал, что держу в своих руках сокровище. Я злился на нее за то, что она хотела уйти, убежать от меня. Неужели на земле ей было лучше, чем здесь, со мной? Но в то же время меня одолевала нежность. Мне хотелось качать ее на своих руках и не выпускать из объятий никогда.

Я задал ей вопрос, что же тянет ее обратно? Ожидая услышать что-то о материальных благах, привычке или даже любви к какому-то парню, я был весьма удивлен, услышав истинную причину побега. Персефона и здесь думала о других. Она готова была противостоять ведьме и даже Церберу, рисковать попасть в немилость к самому богу мертвых. И все лишь для того, чтобы помочь матери и подруге.

И тогда я решил дать ей ту долю свободы, на которую вообще был способен. Еще никто не заслуживал подобного подарка от меня. Я все так же держал ее на руках, укачивая, словно ребенка, и в тот момент все мои принципы полностью сошли на нет. Я решил подарить ей Зерно Граната – единственную вещь, способную наделить человека моей силой и даже убить меня. И я собственноручно отдаю его ей, не чувствуя ни капли страха или сожалений. Она, конечно же, не знает, какой дар я ей преподнес. Без преувеличения, я вручил ей свою жизнь.

Шли дни, и каждая встреча с Персефой рождала во

мне неизвестные до этого чувства. Я проникался ею, а она не переставала меня удивлять. Она не превращалась в тень, и я боялся поверить своему счастью. Наоборот, ей удалось поистине невозможное – пробудить мертвую землю, вернуть ей жизнь, которую я так долго и упорно изничтожил. О, как велика ее сила! Здесь не должно было быть ничего живого. Но пришла она, и мой мир расцвел. И тогда я понял, что проиграл, проиграл простой девчонке с Земли. И я сдался. Я более не находил в себе сил противиться этому влечению. Я захотел показать ей свой мир. Захотел, чтобы она полюбила его как родной. Чтобы ей было комфортно возле меня точно так же, как мне хорошо с ней. Но не хотел торопиться и спугнуть этим девушку. Увидь она меня настоящего – может быть, и не приняла бы то, что таится во мне. Но я не мог иначе.

В ту ночь после длительной прогулки по моим владениям я предложил Персефоне поужинать со мной. Ведь таким образом люди показывают свое отношение? Мне хотелось сделать для нее что-то привычное ей, что-то знакомое, чтобы она и здесь смогла ощутить себя как дома. Но часы пробили полночь, а девушка так и не пришла. Я ждал до рассвета, с каждой минутой теряя надежду, угасая, словно умирающая звезда. Что-то внутри меня скреблось и ныло, но я не хотел обращать на это внимания. Я был опустошен. Почему она не пришла? Не захотела меня видеть? Или же попросту забыла?

Когда небо приобрело розовые оттенки, я, разъяренный и – в чем даже себе трудно сознаться – оскорбленный, вернулся в покой. Мне хотелось рушить, уничтожать. Доведись мне встретить кого-нибудь в этот момент на своем пути, кто бы это ни был, на него снизошла бы вся моя немилость!

Я захожу к себе, громко хлопнув дверью. Не люблю шум, но сейчас мне очень сложно сдерживать порывы эмоций. Расстегнув верхние пуговицы рубашки, я небрежно закатываю рукава и подхожу к креслу. Легкий импульс энергии, и камин передо мной расправляет огненные крылья. Еще один импульс, и в руке появляется стакан с янтарной жидкостью. Виски. Единственная стоящая вещь, которую создали люди. Ранее алкоголь не дурманил мой рассудок, но чем чаще я бывал на Земле, тем больше человеческого во мне появлялось. Мое тело будто адаптировалось к окружающей среде, но не для собственной выгоды. Оно гасило божественную суть ради людей, которые не пережили бы всей моей мощи, появившись я среди них в своем истинном облики. Это сломало бы их мир пополам, как нападки ветров ломают сухие ветви деревьев.

Обжигающий глоток, и напиток растекается по моим венам, приветствуя тьму. Между ними всегда было нечто схожее, потому они быстроладили.

Персефона...

Снова это имя заставляет мою душу болезненно вздрогнуть. Я закрываю глаза и сжимаю руки в кулаки. Стакан

в пальцах со звоном лопаются, остатки напитка стекают, повторяя изгибы моих вен, и впиваются в рукава рубашки. Раскрываю ладонь и взглядываюсь в мелкие порезы. Чувствую себя человеком, и это невероятно злит. Тьма не спешит заживлять мои раны, но я этого и не хочу. Боль немного отрезвляет. Я должен узнать, почему она не пришла!

Это простое решение давно должно было посетить мою голову. В конце концов, это лучше, чем строить догадки.

Взмахнув рукой, вижу, как воздух начинает искриться, и передо мной возникает комната Персефоны, но, к моему удивлению, девушки там нет. Что за черт? Явно нетронутая постель утопает во мраке, ожидая хозяйку. Полнейшая тишина и пустота. Но где же она?

Смутная тревога пробирается в душу, но я отмахиваюсь от нее, как от назойливой мухи. Я должен найти ее! Чувство, что с Персефой что-то произошло, все больше укореняется в моих мыслях. Но не успеваю я переместиться, как слышу стук в дверь. В три шага преодолеваю расстояние до входа и распахиваю дверь:

– Персефо... Минту? – радость и облегчение быстро сменяются раздражением: – Что ты хотела? Мне некогда!

– Повелитель, я пришла к вам по одной лишь причине. Мне безумно вас не хватает...

Несвойственное мне раздражение завладевает разумом, и я закрываю глаза, чтобы успокоиться.

– Минту, мне правда некогда. Персефона пропала, я дол-

жен ее найти! – сквозь зубы цезю я.

– Опять она? – капризно надует губы нимфа. – Аид, ты не должен доверять простой человечке. Она поди снова сбежала. Зачем тебе такая? Ведь есть я, и я никуда не сбегу от тебя! – Минту кланяется мне так низко, что я вижу ее грудь в разрезе платья. Хватаю ее за плечи и, с трудом сдерживаясь, рычу:

– Не смей диктовать мне условия, нимфа! Что и кому я должен, я решу сам! А теперь иди... – я отпускаю свою тьму, и она со злорадством переносит девушку домой, к реке Амелет.

Что-то случилось! Моя тьма уже не только моя.

Не став обдумывать это, я переношусь в комнату к Перси. Меня встречает тихая темнота. Медленно осматриваю обстановку и глубоко вдыхаю. Щекочущий ноздри цветочный аромат едва осящутим. Нет, Перси не появлялась здесь как минимум несколько дней, а значит, она действительно пропала. Не раздумывая ни минуты, я взмахиваю рукой и зываю к тьме:

– Покажи мне Персефону!

Почему-то мне виден лишь красный дым. Я жду, но ничего не происходит. Приказываю тьме поторопиться, но клубящаяся пелена становится гуще, закрывая от меня истину. Она потрескивает и чернеет в середине. Впитывает мою энергию как песок воду.

– Черт! Проклятье! – кричу я.

То, что я не смог увидеть Персефону, может означать только одно – она в Тартарах.

Впервые за свое существование я чувствую состояние близкое к страху. Нет, к ужасу! Как давно она там? Ведь Персефона не сможет выжить там долго. Да что там, этому месту достаточно минуты, чтобы поглотить ее! А я из-за своей гордыни потерял так много времени! Как она туда попала?

Понимая, что времени на выяснения нет, я тут же переносюсь на берег реки. Меня встречает Минту. Она обрадовалась моему появлению и срывается мне навстречу. Мне не до тебя! – мысленно проговариваю я, скидываю с себя обувь и бросаюсь в воду. Нет иного пути в Тартар, кроме как вплавь, через воронку зла. Но сейчас не это главное. Все мои мысли лишь о том, чтобы успеть! Каждое мгновение отбирает мою надежду. Я близко. Становятся слышны вопли и крики теней, попавших в бездну, и я понимаю, что такая, как Перси, не смогла бы там прожить ни минуты. Либо Гидра, либо тени уже должны были добраться до нее. Но я упрямо гребу дальше. Не успокоюсь, пока не найду ее. Пусть мне придется разорвать Гидру на мелкие кусочки, я найду Персефону. Я вытащу ее душу оттуда, а сам... А что будет со мной – уже не столь важно.

Воронка закручивает меня, и я с немислимой скоростью несусь в пропасть. Чувствую удар о воду и ухожу глубоко вниз. Тьма помогает мне быстро вынырнуть на поверх-

ность. Быстро оценив ситуацию, я оглядываюсь, но несчетные тени тут же окружают меня со всех сторон. Они не трогают меня, а лишь опасливо оплывают вокруг. Глубоко вдохнув, я концентрирую силу тьмы в ладонях и прямо под водой делаю резкий хлопок. В то же мгновение тени рассеиваются. Огромная волна смывает их, ударяя о каменные стены. Начинается настоящий хаос. Они кричат и стонут. Некоторые пытаются зацепиться за скалы и камни, но стихия выше них. Я их сила. Их бог. Они просто пыль, которую я стираю за ненадобностью. Гнев во мне перерастает в ярость! Когда я узнаю, кто это был, кто отправил мою Перси на верную смерть, это место покажется ему Элизиемом.

Мутные воды стихают, и я оглядываюсь по сторонам. Несколько голов гидры с опаской выются у моих ног, будто проверяя, точно ли к ним пожаловал сам Аид.

Мое внимание привлекает движение в дальнем гроте. Я вглядываюсь и вижу яркий свет, словно луч невиданного в этих местах солнца. Он озаряет каменную глыбу уже знакомым и таким родным светом.

Бросаюсь туда, а с моих губ срывается судорожный шепот: «Моя Персефона...».

Я нахожу ее спящей на одной из шей Гидры. Змея обвила ее как самое главное сокровище, делая из своего тела уютное ложе. Яркое свечение, которое исходит от девушки, веет теплом, и я понимаю, что именно благодаря ему она смог-

ла не замерзнуть здесь. Она уникальна! Как я не видел этого раньше? У нее получилось выжить здесь, да еще и приручить Гидру? Это же невозможно!

Я обязательно узнаю, как ей это удалось, а сейчас нам пора домой. Беру на руки хрупкое тело, и тьма внутри меня благодарно отзывается, перемещая нас с Перси на берег реки Амелет.

Глава 25

Чувствую тепло. Меня покачивает на волнах, а чей-то мягкий шепот убаюкивает, как ребенка. Слышу свое имя, но не спешу отзываться, дрейфуя в полусне. Ощущаю, что меняюсь. Словно сломанные кости заново срастаются внутри, только это не они. Это разбитое человеческое сердце становится чем-то иным. Я больше не человек. И если я выберусь из этого состояния, то больше никогда не буду прежней.

Но процесс изменения продолжает ломать и заживлять меня изнутри. Мне не больно. Я отпускаю прошлую себя без сожаления. Но захочу ли я принять то, во что превращаюсь?

Не хочу возвращаться. Но эти изменения во мне... Эта тьма становится такой же родной и приятной, как свет Элизиума. Здесь также нет боли и предательства, только нежность, окутывающая мои плечи и шепчущая мое имя. Кто же я теперь?

Шепот... Кому он принадлежит? Тьме? Не только. Тому, кто мне небезразличен. Он настойчиво просит вернуться к нему. Я пытаюсь не слушать, но понимаю, что только он спо-

собен вытянуть меня из этого состояния. Голос мужчины, которого я еще недавно ненавидела всей душой. Но что же теперь? Я хочу к нему. Стремлюсь всей душой и вырываюсь из цепких объятий смерти. К нему одному. Сквозь забвение.

– Аид? – распахиваю глаза и бросаюсь на шею мужчине.

Только спустя несколько минут осознаю, что лежу на твердой земле под алым небом. Я больше не слышу душераздирающих криков, хотя уверена, что ни за что в жизни уже их не забуду. Они еще долго будут преследовать меня в кошмарах.

Но теплые объятия Аида и расплавленный металл глаз, смотрящих на меня с искренним волнением, возвращают меня в этот мир.

– Перси... – шепчет он на выдохе и впивается поцелуем в мои искусанные губы. Его ладони крепко прижимают меня к себе, и я чувствую, что наполняюсь долгожданной тьмой, словно путник, жаждущий воды. Отвечаю на его поцелуй и отдаю ему свой свет уже без сожаления и страха.

Этот поцелуй заставляет забыть, как дышать. словно я мчусь на желтоглазой Чуме сквозь бурю. Еще недавно замерзшее тело начинает разгонять жар по венам. И мысль выстрелом пронзает мое сознание: Я хочу его! Прямо здесь и сейчас! Это становится мне необходимо как воздух. Я больше не ломаюсь от его тьмы, словно кукла, которой выкрутили на всю заводной механизм. Она покорила мне и срослась с моим светом так плотно, что не разделить. И это ощу-

щение крепнет во мне с каждым мгновением.

– Ты вся дрожишь! – обеспокоенно замечает Аид, разрывая поцелуй.

Мы тут же оказываемся в его комнатах, и я, вцепившись в его рубашку, падаю на кровать. Мужчина не сопротивляется. Он прижимает меня к мягкому покрывалу, не давая возможности вырваться. Но я больше не хочу убегать. Больше всего на свете я хочу остаться здесь. Остаться с ним, и будь что будет. Пусть он не любит меня, но я, чудом оставшись жива, сейчас нуждаюсь в нем. В его тепле и нежности. Я то-ну в серебре его глаз. Не могу насмотреться, не могу прекратить касаться его сильного, такого желанного тела.

И каждое мое движение заставляет сердце Аида биться чаще. Я чувствую, как он пытается сдерживать себя, но тьма его рвется ко мне, и он не может этому противиться.

– Поцелуй меня! – тихо прошу мужчину, неумело сколь-зя пальцами по оголенной коже его рук. Аид нависает надо мной, опершись на ладони. Его мышцы бугрятся под моими пальцами, а вены приобретают четкие очертания. – Поцелуй меня так, как еще никогда не целовал!

– Ты не знаешь, о чем просишь, Перси... – сквозь зубы шипит мужчина, будто бы борется с собой.

У меня начинают трястись колени. Его обращение ко мне утратило всю официальность. Он видит настоящую меня. Я чувствую себя желанной девушкой, а не источником энергии, пусть даже вкусной и манящей. Аид понимает, чего я

прошу, и его внутренняя борьба несколько меня смущает.

– Я хочу тебя... – шепчу в отчаянии и, закусывая губу, неумело тянусь к пуговицам на его рубашке.

Боюсь, что еще мгновение – и Аид меня оттолкнет, разобьет вдребезги мою хрупкую надежду на то, что я нужна ему как женщина. Касаюсь пальцами его обнаженной груди и порхаю вниз. Мужчина зажмуривается и рычит:

– Что же ты со мной делаешь, Перси...

Еще миг он борется с собой, а потом рывком сбрасывает с себя рубашку. Накрывает мои губы своими, раскрывая их, ласкает языком в неудержимом поцелуе. Я чувствую зверя внутри него, но больше не боюсь, ведь я стала такой же.

Желание сжимается тугим узлом внизу живота и просит выхода. Ощущаю, что моя дрожь передается Аиду, а сердце мужчины под моими ладонями готово выпрыгнуть из груди, как и мое. Воздуха катастрофически не хватает, а понимание, что Аид тоже хочет меня, разбивает все сомнения о том, что будет дальше. Сейчас не существует будущего или прошлого. Есть только мы – две души в полутемной комнате, освещаемой лишь бликами камина, отчаянно нуждающиеся друг в друге.

Аид нежно проходит губами по моей щеке, спускается к мочке уха и ласково скользит по шее, заставляя меня выгибаться навстречу каждому его поцелую. Его ладони обжигают мое тело нарочно медленно, точно он знает, как доставить наслаждение одними лишь прикосновениями. Он так нежен

и так осторожен, будто боится сделать резкое движение и сорваться в бездну страсти, где разум не имеет значения.

Моя рубашка оказывается на полу, рядом с его одеждой, а грудь твердеет и тяжелеет. Все нутро трепещет и желает принадлежать ему, но мне стыдливо хочется прикрыться. Аид останавливает меня. Бережно берет мои руки, соединяя запястья, и заводит их мне за голову. Упивается открывшейся ему картиной. Страстное желание, играющее в его глазах, внушает мне невероятную уверенность.

– Не бойся меня, Перси, ты прекрасна... – шепчет мужчина, и я перестаю сопротивляться. Кому мне верить, если не ему? Под его взглядом, плавающим во мне все, я чувствую себя необыкновенной. Восхитительной. Его богиней. И я хочу наслаждаться этим чувством, забывая обо всем.

Аид нежно целует мою грудь и живот, слегка прикусывает кожу, порождая во мне дрожь удовольствия. Закрываю глаза и полностью отдаюсь сладкой истоме. Закусываю губу, пытаюсь не стонать, но ничего не выходит. Когда его ласковые губы находят самые желающие прикосновений точки, подаюсь вперед. Мне хочется таять в его объятиях. Ради этого сладкого момента стоило вынести все испытания, выпавшие на мою судьбу. Вновь прикусываю губу и чувствую на языке солоноватый отзвук крови.

В моей голове миг все перевернулось с ног на голову. Как я жила без бережных прикосновений его рук, силы и нежности, чувствующейся в его взгляде? Мне хочется ска-

зять ему о моих изменившихся чувствах, о своей любви, но Аид снова накрывает мои губы поцелуем. Сознание теряет-ся в омуте страсти, и я не хочу прерываться для признаний. Он слизывает выступившую каплю крови и закрывает глаза в наслаждении. Но тут происходит нечто странное. Мужчина медленно отстраняется и открывает глаза. В них полыхает настоящий черный огонь. Я не понимаю, что случилось. Тянусь к нему.

– Что происходит? – мой хриплый от стонов голос звучит слишком громко в полной тишине комнаты. Мужчина резко уходит от моего прикосновения, но продолжает молчать. Смотрит на меня так, будто бы я сделала что-то непрости-тельное. Что-то ужасное. Еще мгновение назад в его глазах читалось нескрываемое желание, опаляющее меня и доводя-щее до безумства. Сейчас же я вижу глухую ненависть и боль. Это заставляет меня поежиться и отпрянуть от мужчины. – Аид? – со страхом в голосе зову я.

– Покажите кулон, мисс Рейли!

Эта фраза, словно выстрел, со свистом выбивает воздух из моей груди. Аид переходит на деловой тон, и это ранит ничуть не меньше, чем сами слова.

– Но я...

– Покажите. Кулон.

Я не успеваю дотянуться до украшения, которое перека-тилось на спину, как Аид рывком сам это делает. Он небреж-но хватает его и тянет за цепочку вместе со мной.

– Аид, прекрати, мне больно, – шепчу я. Но ему все равно.

Моя обнаженная кожа мерзнет, даже снова оказываясь прижатой к телу мужчины. Он всматривается в кулон и снова поднимает на меня злой взгляд. Нет, не злой – безумный. Взбешенный.

– Вы открыли Зерно Граната, мисс? – гремит Аид.

Я опускаю взгляд и понимаю, что мне ни за что не оправдаться перед ним. Но я же не хотела ему навредить, я лишь узнать свою судьбу...

– Да... Но это не то, о чем ты подумал, Аид, – говорю я самую глупую фразу, которую вообще можно было произнести.

– А что же, мисс Рейли? Объясните мне, если я чего-то не понимаю!

В голосе Аида нет ни капли жалости. Он уже все решил. Сделал свои выводы, и мои оправдания для него невесомы. Он отворачивается, поднимает рубашку, накидывает ее и быстро застегивает на все пуговицы. Я все так же остаюсь полураздета, но меня это совсем не волнует. Мне необходимо все ему объяснить.

– Я не хотела убивать тебя, мне не нужна была твоя сила, мне нужно было лишь одно: узнать, для чего я здесь, почему на меня не действует твоя тьма... – говорю я и пытаюсь коснуться его напряженной спины.

Мне хочется обнять его, чтобы он прижал меня к себе и поверил моим словам, но он отскакивает от меня, как от ядо-

витой змеи, и шипит:

– Врешь!

– Нет! – я срываюсь на крик. – Спроси Гекату! Аид, я правда никогда бы не причинила тебе зла, я люблю тебя! – слова вылетают из меня, а на глазах дрожат предательские слезы. Только бы не расплакаться!

– Любишь? – переспрашивает Аид, оборачиваясь ко мне с безумным взглядом. В два шага он преодолевает расстояние между нами и больно хватает за плечи: – Ты врешь мне! Ты такая же, как все! Вы, люди, не знаете, что такое любовь!

Он презрительно оглядывает меня с головы до ног, и я понимаю, что это конец. Бессмысленно что-либо объяснять. Он ненавидит меня. Ирония судьбы. Аид возненавидел меня именно тогда, когда я всем сердцем его полюбила.

Он отпускает меня и презрительно выплевывает:

– А ты хитра! Обмануть самого бога смерти? Такое еще никому не удавалось. Но я тоже хорош, поверить человеку? Как будто я не выучил вашу породу за несколько миллионов лет. И вы, светлая и невинная, оказались хуже всех отъявленных мерзавцев. Вы же человек... хотя больше нет. Вы добились, чего хотели, так, мисс Рейли? Теперь в ваших жилах течет моя кровь. Моя власть. Вы украли мою силу и стали равноправной мне. Не я вам ее даровал, вы сами решили, что достойны. Я собственноручно вручил вам в руки нож, которым меня можно убить.

– Но я не сделаю этого...

– О нет, конечно, сделаете. Это лишь вопрос времени. Люди клянутся в своих чувствах и намерениях лишь для того, чтобы потом предать. Вам не дано такого права. Вы не боги! А боги не прощают людям клятв, так как они рано или поздно будут нарушены.

Я рыдаю, размазывая слезы по щекам, но упрямо поджимаю губы. Понимаю, что больше нет ни сил, ни смысла оправдываться.

– Вы предали меня, мисс Рейли! – спокойно говорит Аид.

– Тогда убей меня, и дело с концом... – всхлипываю я.

– Нет, – презрительно усмехается мужчина, – это слишком мягкое наказание. К тому же вы теперь богиня, мисс Рейли, а мы подобных себе не убиваем. Я просто больше не хочу вас видеть...

Вымолвив последнее слово, Аид растворяется в воздухе, а я падаю на колени, закрыв лицо руками. Из моей груди рвутся рыдания, и я больше не хочу их сдерживать. Не могу.

Он ушел. Бросил меня. Теперь я сильная, и каждый в этом замке будет подчиняться мне, но стоило ли оно этого? Я потеряла Аида. Потеряла того, кого так сильно полюбила. Смеюсь сквозь слезы. Неудержимый хохот перемешивается с рыданиями, переходя в истерику. Нужна ли мне сейчас та жизнь, на которую я себя обрекла? Бессмертная, бессмысленная жизнь.

Эпилог

Прихожу в себя, когда Геката укрывает меня толстым одеялом в моей комнате. Как я здесь оказалась? Ах, неважно. Закрываю глаза и пытаюсь снова забыться сном. Не знаю, сколько я спала и спала ли вообще. Может, все эти ужасы и обрывки снов, где я бегу в темноте, ищущую кого-то – не выдумка? Не плод моего воображения? Может, я действительно носилась во тьме замка, разыскивая... Аида? Даже произнесенное мысленно, его имя доставляет мне невыносимую боль. Зажмуриваюсь, чтобы унять подступившие слезы, но тут же чувствую приближение ведьмы. Геката появляется прямо передо мной и какое-то время топчется на месте.

– Перси, я знаю, что ты не спишь! – шепотом тянет девушка и подходит ближе.

– Оставь меня, Геката... – роняю я, не открывая глаз.

– Персефона, я не знаю, что произошло, смею только предположить. Но я не озвучу свои догадки, ведь могу сделать только хуже. Но ты нужна мне. Нужна этому царству.

Пламенная речь ведьмы заставляет меня все же открыть глаза.

– Я не нужна никому, даже сама себе. Какое кому дело до меня? – с сокрушением стону в подушку.

– Прекращай это! – резким тоном окликает меня ведьма. – Хватит раскисать! Хватит жалеть себя! Ты теперь богиня, в

конце концов! Перестань позорить наш род! Поднимайся и приведи себя в порядок. Нам предстоит много работы!

– Что? – глупо переспрашиваю я, полностью очнувшись от такого тона Гекаты. – Да как ты смеешь со мной так разговаривать?!

Чувствую, как тьма вторит моему возмущению, и поглаживаю ее, придерживая, чтобы не наброситься на девушку раньше времени.

– Подействовало! Вот это другое дело! – ухмыляется Геката.

– Ты играешь с огнем, ведьма! Сама же сказала, что я теперь богиня, а посему могу испепелить тебя прямо здесь! – мой небрежный тон говорит лишь о том, что я зла, но не намерена ничего ей делать. Она, судя по всему, тоже это прекрасно понимает. Поэтому тянет меня за руку, выдергивая из постели.

– Не испепелишь! Пока ты и муху не сможешь испепелить! Посмотри, в кого ты превратилась! Нам нужна сильная правительница, а не это... – она указывает на меня рукой, и я оглядываю себя. Да уж. Сильно похудела, кожа липкая, волосы грязные...

– Сколько я спала? – глухо спрашиваю я.

– По меньшей мере около месяца... – нехотя отвечает Геката.

Я вытягиваю руку и, покрутив ее перед собой, дотрагиваюсь до сбившихся в колтун волос. Еще никогда я не выгля-

дела настолько плохо, даже когда отец ушел от нас...

В памяти снова всплывает образ Аида. Как он бросает последние слова о том, что не хочет видеть меня, и исчезает.

Но Геката прерывает мои мысли:

– Персефона! Ты нужна нам! В наше царство приходит запустение. Все встало с исчезновением Аида. Он еще никогда не уходил так надолго. Ты должна взять себя в руки и помочь. Только ты можешь это сделать.

– Но почему я? – хмурюсь, не понимая, в чем дело.

– Ты не понимаешь? – Геката приподнимает бровь. – Только в тебе есть кровь Аида. Его сила. Его власть. Только ты можешь взять в свои руки бразды правления и исправить ситуацию!

– Но я же не знаю, что делать! Может, он скоро вернется? – неуверенно тяну я, не веря своим же словам.

– Для Аида не существует времени. Если он решил исчезнуть, то это может растянуться на века. Ты представляешь, какой хаос начнется, если ничего не предпринять? И не только здесь, но и на Земле тоже!

– Но я...

– А там, если я не ошибаюсь, твои родители, друзья! Ты хочешь, чтобы они познали настоящий ад?

Это убедило меня прислушаться. Я не герой, но, если от меня зависит судьба моих близких, я постараюсь сделать все, что в моих силах.

– Что нужно делать? – спрашиваю я и поднимаюсь, гото-

вась к любым наставлениям.

Геката ухмыляется и кивает:

– Вот так бы сразу! Ты вернешь баланс этому миру, Персефона! Теперь ты богиня подземного царства!

Конец 1 части